

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Выпуск 1
2016

Притча о блудном сыне

У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся (Лк. 15, 11–32).

Возвращение

Духовно-просветительский альманах

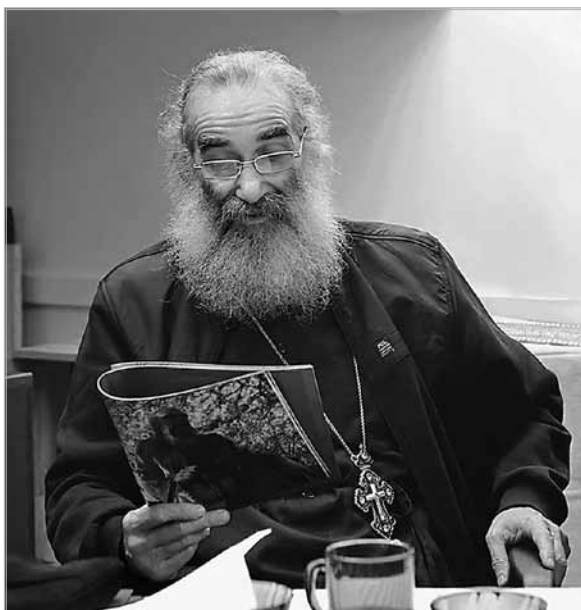
Издается по благословению
Преподобнейшего Софрония,
епископа Губкинского и Грайворонского

Пожалуй, это главная евангельская притча, в которой в наибольшей полноте отражается трагедия человека, изначально созданного богоподобным существом, имевшим возможность непосредственно беседовать с Богом и купаться в лучах Его бесконечной любви, но не устоявшего и потерявшего свою невинность, а вместе с ней и способность реального богообщения. Жизнь, которую он выбрал, вместо Любви предложила ему то, что в Евангелии называется пищей для свиней. Словом, райское блаженство он променял на земное наслаждение.

Но его бессмертная душа просит другого пропитания, о котором она еще хранит некоторые воспоминания. Блудный сын, ощущая свою крайнюю неудовлетворенность новой жизнью, а также глубочайшую вину перед Отцом, с опущенной головой и преисполненным покаяния сердцем, возвращается домой.

А что же Отец? Почти все время, когда сына не было, Он всматривался в горизонт в надежде на его возвращение. И вера Отца, а также Его надежда и любовь оказались не напрасными. Непослушное чадо вернулось и уже готово послужить Отцу хотя бы в качестве раба или наемника. Но нет! Это недопустимо для Отца, ибо Его Любовь такова, что Он может принять его только как сына, который «был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

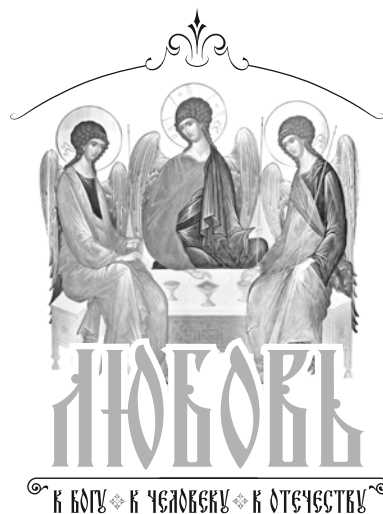
Эта притча может стать великим назиданием всякому человеку, призванному в этот мир, и помочь ответить ему на главные вопросы бытия: как быть и что делать для того, чтобы вернуть в сердце потерянный рай.

Не так давно ныне здравствующий русский философ и писатель Виктор Тростников написал статью под названием «Просветить – значит вооружить».

Пожалуй, это название вполне могло бы послужить девизом выходящего в свет альманаха «Возвращение». Взирая на российскую историю, остается только поражаться, каким образом наша держава могла остаться на карте мира как суверенное государство после тех сверхиспытаний, которые выпадали да и продолжают выпадать на ее долю. Напрашивается единственный ответ: Россия управляется не столько людьми, сколько десницами Божьей, бережно охраняющей и сберегающей ее для чего-то очень важного. Думающим людям сегодня становятся все более ясными и понятными мысли наших великих соотечественников о том, для чего Россия нужна миру.

Извилистые исторические пути народов трудно поддаются человеческой логике. К примеру, кто мог подумать, что после развала советской империи и, более того, после не менее, а может быть, и более страшных времен великих «перестроек и перестрелок» от России могло что-либо остаться. Но снова чудо: Россия не только выстояла, но даже привстала на одно колено. А что будет, если она станет во весь рост?! Потому и разыгралась нынче такая нешуточная баталия в мировом масштабе, что деструктивные силы почуяли: если Россия встанет с колен, то вся их логика,

СЛОВО РЕДАКТОРА

направленная на ее уничтожение, будет разрушена. И тогда мы можем стать свидетелями великих изменений не столько геополитического, сколько духовного пространства. Можно сказать, что человечеству, которое сегодня вплотную приблизилось к бездне небытия, дается шанс опознания самого себя и своего истинного предназначения. Кто-то может возразить: о каком опознании высших идеалов и предназначений можно говорить, если это же самое человечество в результате отступления от Бога ввергло само себя в беспрецедентную кровавую бойню? Да, мир лежит во зле, как сказал наш великий соотечественник Ф.М.Достоевский, но мы смеем утверждать, что если бы не Любовь правила миром, его бы уже не было. И именно Россия сегодня является той единственной державой, которая имеет силу голоса и моральное право возвещать миру правду о подлинных нравственных и духовных ценностях. И в этой кровопролитной битве можно победить лишь тогда, когда в нашу жизнь вернется то лучшее, что было накоплено за века нашими великими предками и позволяло им выживать в нечеловеческих условиях и преодолевать сверхчеловеческие трудности и при этом оставаться благодарными и благородными людьми.

Итак, нашей главной задачей является возвращение в нашу жизнь исторической и духовной памяти, которая живет в сердце каждого русского человека. И главное в этой памяти то,

что ядром нашей цивилизации является Православие, в недрах которого наши лучшие умы черпали свое вдохновение. А посему укрепление цивилизационного ядра, которое формирует нашу культуру и государственность, должно стать нашим главным делом. За этим должна стоять титаническая, в полном смысле подвижническая просветительская работа.

Русский человек достоин того, чтобы знать правду о самом себе и о главных смыслах бытия, выраженных простыми и понятными словами.

А русские дети имеют полное право учиться не по нескольким учебникам истории, а по одному, но честному, умному и беспристрастному. Потому что мы проживаем не несколько, а одну общую для всех нас историю, какая бы печальная она временами ни была.

Здесь чрезвычайно велика роль элиты, которая должна помогать народу сохранять и развивать свою самобытность. Но прежде чем руководить им и вести его за собой, она должна научиться уважать, а может быть, даже и любить этот народ с его великой историей и великой культурой.

А народ, который уважают, которому доверяют и с которым разговаривают честно, делает все, от него зависящее. Уж такова природа русского человека.

А что же народы мира? Пусть они сами, взирая на окружающую их суровую действительность, сделают свободный выбор, какой дорогой им идти дальше и каких друзей выбирать себе в попутчики.

А мы, дорогой наш читатель и соратник, просим твоей благосклонности и понимания, а также желаем тебе и твоим близким духовной крепости и земного благополучия, ну и конечно же, процветания нашей родной земле, нашему Отечеству, нашей родной России.

Возвращение

духовно-просветительский альманах

Белгород - Губкин - Ракитное
Духовно - просветительский центр
имени архимандрита
Серафима (Тяпочкина)

РЕДАКТОР:

Протоиерей Николай Германский

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Владимир Ларионов

Наталья Дроздова

ВЁРСТКА И ДИЗАЙН:

Лариса Плужникова

Андрей Сысоев

КОРРЕКТОР:

Наталья Васильева

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

309310, Белгородская область,

п.Ракитное, ул.Коммунаров, 7

Тел. +7(47245)5-64-36

E:mail: snhram@yandex.ru

Сайт: www.hram-rakitnoe.ru

Подписано в печать

29.02.2016

Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии

«Принт Мастер»,

г. Белгород, ул. Костюкова, 16а.

Тел. +7(47222)555-929

Огромная благодарность
за материальную помощь
в выпуске номера
Меламуд Александру Романовичу,
Литовкину Василию Михайловичу,
Ерохину Георгию Александровичу,
Полторацкому Сергею Васильевичу.

Содержание

Русская мысль

Дмитрий Володихин	Мы, русские	5
Василий Ирзабеков	Русский язык как Евангелие	10
Владимир Аннушкин	Служение Слову и русскому языку в жизни церкви и общества	15
Николай Коняев	Побег из рабства дьявола	23
Виктор Тростников	Просветить – значит вооружить	30
Владимир Блохин	Наследие князя Владимира и современность	34

Цивилизация

Виктор Овчинников	Солидарное общество и современные проблемы гуманизации	38
Иван Чарота	То реальное, что препятствует идеальному	43
Виктор Аксютин	Национальный образ России	60
прот. Николай Германский	Россия и судьбы мира	65
Аркадий Минаков	Слово о русском консерватизме	73
Сергей Куприянов	Проблемы формирования этического сознания в экономике	81

Взгляд со стороны

Иностранцы о том, что им нравится в России	88
--	----

Вера и верность

Мария Волкова	Последние времена	92
Архимандрит Рафаил Карелин	Человек – загадочное существо...	97

Молитва

Митрополит Сурожский Антоний	Разговор о молитве	105
	Краткие молитвы святых	113

Родные имена

Свт. Николай Сербский	Молитвы на озере	114
Иван Ильин	Поющее сердце	119

Праведники наших дней

Прот. Николай Германский	Не живет село без праведника	123
Александр Богатырев	Здесь служил отец Серафим (Тяпочкин)	126

Письма

Свт. Николай Сербский	Письмо русскому ветерану, который оплакивает Родину	133
Игумен Никон (Воробьев)	Блага, временные и вечные	134
Старец Паисий Святогорец	К Дмитрию	135
Преподобный Силуан Афонский	Письмо к К.Г.Ш.	137

Книжная полка

Петр Калиновский	Переход (последняя болезнь, смерть и после)	138
Антон Чехов	Студент	148
Иван Тургенев	Стихотворения в прозе	151
Василий Никифоров-Волгин	Солнце играет	154

Чистое слово

Наталья Дроздова	Стихи	156
Татьяна Дашкевич	Стихи	158

Светлые образы

Тамара Дьякова	Возвращение к свету	160
----------------	---------------------	-----

Дмитрий Володихин,

*доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕН,
доцент, профессор исторического факультета МГУ,
лауреат премии президента РФ в области образования,
лауреат Макариевской премии*

Мы, русские

Вот уже четверть века, то затухая, то вновь разгораясь, идут разговоры о том, что России необходимо монографическое описание русского народа. Сколько было описаний малых народов Российской империи, а затем СССР! С каким размахом работала наша этнография, с какой энергией работала наша филология, собирая историю, быт, культуру этносов, от которых остались сотни или, может быть, тысячи представителей! А вот что такое русский народ, основатель нашей державы, главная ее нация и главная опора, – об этом как-то не задумывались.

Когда на дворе стояли времена совсем уж русофобские, скажем, 20-е годы, это было еще понятно: власть не дает! Ну а потом-то?

В послевоенное время русскими занимались с точки зрения большой науки и фундаментальной культуры с какими-то странными извинениями: «Мы не националисты, но ведь и такой народ, кажется, есть?»

Что получалось в итоге исследований, созданных со склоненной головой и очами, полными неуверенности? А получались очень односторонние описания над которыми справедливо посмеивались: «Лаптеграфия!»

Да, там были строго выверенные классификации лаптей, сарафанов, хомутов и кокошников. И что худого? Правильно и

полезно знать материальный быт своего народа, правильно и полезно отслеживать его корни, а эти корни сохранились, большей частью, в крестьянской среде.

Работа-то вполне научная и вполне уместная со всех точек зрения.

Вот только... никак не равняется русский народ лаптям, хомутам и прочим полезным вещам из древне-бытовой сферы. Ну никак не равняется. Изучать его подобным образом – значит подойти к слону с микроскопом и тщательно исследовать пару морщинок на его коже. Всё правильно! Морщинки поданы по строго научной методе! Жаль, слона как не было видно до сего изучения, так и после него ничуть виднее не стало.

В 90-х и «нулевых» поднялось иное поветрие, еще того сквернее. Русские вообще испарились как предмет изучения. Их как будто нет, они исчезли, стали безликой этнографической глиной. Словно бы сгинул русский народ, а остался лишь раствор, связующий иноэтнические элементы в составе России. Нет никакого имени у этого раствора, нет никакой особенной культуры, нет прошлого и будущего, одна только прозрачная жижа настоящего.

Вспоминается тяжелый, страшный разговор в редакции одной большой энциклопедии – издания, получившего громкую

славу на ниве просвещения. Редакция затеяла было издавать серию из нескольких томов под общим названием «Народы России». Начали составлять план: какие у нас крупные народы – такие, чтобы их представители непременно раскупили том, посвященный родному этносу. Ну, татары. Ну, евреи, наверное. Ну, кавказские народы. Кажется, что-то крупное мы забываем... А! Русские же еще есть! И тут встает одна редакционная гранд-дама и задает вопрос: «Позвольте, а кто такие русские? Я этого не понимаю». Ей перечисляют всё то, что стоило бы написать в томе о русских: русская культура, русская наука, русская литература, русское искусство. Отвечает: «Да ведь это всё не русское, а российское! Как вы можете, это нехорошо».

И ведь правда, миллионы людей считали, что заговорить о существовании русских, о какой-то их самостоятельной культуре, о философских и религиозных поисках, об истории Русского государства – нехорошо. Еще, не дай Бог, откроется тема интересов и прав русских, ох-хо! А там и до православного мракобесия дойдет, ах-ах! Фу, нехорошо, порядочный человек ни за что не пожмет вам руку! Вот разве что о лаптях... Впрочем, традиционное русское крестьянство вроде бы кончилось, последний скорбный гимн ему пропели деревенщики.

Так о чем это вы, господа? Какие такие русские?

Но нас, русских, много. Сколько ни заравнивай нас, а мы сквозь землю прорастаем и опять упрямо восстанавливаем всё своё, к чему нас «нехорошо» было допускать. Мы есть, и мы крепко утомлены сплошной лаптеграфией.

Да, на протяжении тысячи с лишним лет нашей истории на селе, в дворянских усадьбах и малых хуторках жила большая часть населения. Положение изменилось только в советское время, да и то не сразу – к концу 1950-х. Сельский «клад», устои сельской жизни являлись преобладающими для большинства русских, и лишь менее века назад ситуация стала быстро меняться.

Но это не значит, что Русь была бедна городами.

Наши летописи называют немало крупных городских центров, чья биография давно перешла десятивековой рубеж: Ладога, Новгород Великий, Изборск, Белозеро, Полоцк, Ростов, Киев. В эпоху Киевской Руси страна наполнялась богатством от оживленной транзитной торговли, шедшей давно проторенными дорогами по русской земле. Русские по части древних городских центров могут соревноваться с половиной европейских народов.

Русь после монголо-татарского нашествия переменялась. Главным источником богатства стала уже не торговля, а хлебопашество. И даже те города, которые прежде являлись знаменитыми торговыми центрами, приняли иные функции. Чем являлся город для Древней Руси, для Московского царства, для императорской России? В первую очередь – центром власти. Здесь сидел государь или же его представитель – воевода, боярин, губернатор. Отсюда управлялась большая область. Санкт-Петербург, игравший роль столицы в течение двух веков, появился благодаря усилиям центральной власти и с самого начала предназначен был на роль города-резиденции, города – дома для государей. Затем стал центром военной силы. При городах концентрировались войска, внутри городов строились крепости. Город сплошь и рядом играл роль опорного пункта для обороны от очередной волны агрессивных кочевников или западных «цивилизованных» завоевателей. Жизнью крепости-стража жила первое время Москва. На юге России целая гроздь городов долгое время имела значение ожерелья военных баз, где концентрировались войска, предназначенные для обороны от татарских набегов. Таковы, например, Серпухов, Тула, Калуга. А на востоке, прежде всего в Сибири, город служил тем же самым опорным пунктом, но не для обороны, а для хозяйственного освоения громадных пространств. Кроме того, город был цен-

тром жизни церковной. Городские соборы являлись главными храмами для огромных областей. Именно в городах жили епископы. А значительные монастыри сами становились теми зернами, из которых вырастали новые большие города. Наконец, город всегда концентрировал высокую культуру. Книгописные мастерские, иконописные артели, а позднее – театры, издательства, пресса – чаще всего являлись принадлежностью городской жизни. Исключением служили разве что усадебные крепостные театры крепостных актеров.

Городов, населенных по преимуществу ремесленниками и торговцами, даже в середине XIX века было «раз, два и обчелся». Но во второй половине XIX века русские купцы, получив свободу рук в экономических вопросах, принялись с необыкновенной быстротой создавать из вчерашних сел первоклассные города – промышленные центры. Так, до сих пор старой, еще дореволюционной славой «текстильного королевства» живут Иваново (бывший Иваново-Вознесенск) и Вичуга, поднявшиеся именно тогда. По мере того как страна «накачивала» мышцы заводов, электростанций, железных дорог, население перетекало в города, отрывалось от сельской жизни и усваивало совершенно другие правила жизни городской. Наконец, с середины XX века русское население получает стандартное для всех среднее образование, причем те знания, которые дают школьникам, они скорее могут реализовать в городе, чем в деревне.

В наши дни русский населенный пункт это прежде всего город. Более того, это прежде всего крупный город. По данным государственной статистики, три четверти населения России – горожане, причем список городов с населением более 100.000 человек уходит далеко за полторы сотни.

И вот с такой историей о чем следует прежде всего мыслить русским, стремящимся адекватно себя описать? Всяко, не о лаптях. Вернее, не о лаптях в первую очередь.

Самое главное, самое родное, что есть у

нашего народа, это православие и русский язык. Притом и веру нашу, воспринятую от византийцев больше тысячелетия назад, и язык наш, прошедший несколько стадий бурного развития, следует воспринимать во всей сложности, во всей изощренности. Это вера и язык умудренного, старого народа. Народа, накопившего колоссальную высокую культуру, в которой заключены ответы на вопросы об отношении к Богу, к иным народам, к собственным предпочтениям, к силе и слабости русского человека, к творческим успехам его и к вооруженной его борьбе за свободу, честь и веру.

Мы, русские, прежде всего, сложны. Мы – тысячелетие интеллектуальных поисков. Мы – дух и думы ученого монашества. Мы – книжность греко-славянских училищ. Мы – титаническая громада литературной классики. Мы – самобытная философия. Мы – большая наука. И всё это продолжается по сию пору, вся эта сложность, всё это творчество, всё это духовное движение.

Не лапти, а богословие, история, литература!

Наши приоритеты в духовной сфере много раз менялись, и нас нельзя, невозможно описать простеньким остроумным словом, потому что простого в нас нет ничего, кроме, может быть, молитвы «Отче наш». Мы только перед Господом, стоя на коленях, уповая на Его любовь к нам, просты и прозрачны. А во всем остальном нет в нас ничего простецкого, варварского, сводимого к арифметике духа.

Нас именуют «холопами», по природе своей страстно любящими деспотизм. А мы отвечаем на это историей древнего русского народоправства: еще в Древней Руси был силен вечевого дух – стойкий остаток племенного самоуправления, при котором все важное решалось общим собранием свободных общинников. Это касается в первую очередь Полоцка, Пскова и особенно – Великого Новгорода. Жители последнего приглашали к себе князя как военного вождя и арбитра для важнейших судебных дел. Но если тот слишком нерадиво служил

городу или рушил его старинные законы, новгородцы могли, собравшись, указать ему «путь чист». И тот лишался одного из самых «доходных» княжений на всей Руси. Даже Киев, главнейший оплот княжеской силы, мог воспротивиться участию в очередной междоусобной войне и, собрав горожан, сообщить очередному правителю своему: «За тебя, княже, не встанем». Вече избирало должных людей городского самоуправления – «посадников», «тысяцких», определяло внешнюю политику, устанавливало законы. Иными словами, у русского народа хватало ума, воли и самостоятельности, чтобы успешно вести дела большой державы как с князем... так и без него. Новгород удерживал вечевую вольность до второй половины XV века, пока не настала ему пора покориться Москве. Полоцк уступил свою «свободность или Венецию» великим князьям литовским. Дольше всех удерживал вечевого строй древний Псков. Но и он утратил власть вече в 1510 году: забрал ее московский государь Василий III. Однако народ или, как говорили в старину, «земля» не утратила своего голоса окончательно. В Московском государстве правители оставили «земле» возможность высказать свое мнение, подать совет. Это происходило во время «земских соборов». Когда царь сомневался, продолжать ли ему тяжелую войну, он созывал земский собор и осведомлялся у «земли»: сдюжит ли она? Когда пресекалась старая династия, и на престол требовалось поставить представителя новой, вновь сходились люди из всех концов страны на земский собор, чтобы определить, кому править Русью. Особенную силу земские соборы приобрели при первых царях из династии Романовых. Смута привела к тому, что русская государственность оказалась разрушенной до основания. Лишь земское освободительное движение и вышедшее из народных недр земское правительство сумели восстановить державу, избрать достойного государя, очистить страну от интервентов и «воровского», т.е. бунташного элемента.

И если выросла из Московского царства Российская империя, мало что оставившая от русского народоправства, так ведь ростки-то ее неужели не из Европы занесены?

Назовите нас нацией жертв, безропотно принимающих любое унижение. И мы ответим рассказом о том, что у нашего народа всегда были герои, умевшие побеждать в себе страх и слабость.

В эпоху языческую образцом героя для нашего народа служил великий боец и бесстрашный завоеватель. Таким героем являлся, например, князь Святослав. С приходом христианства многое изменилось. Понятия «герой» и «христианский подвижник» во многом совпали. Не напрасно великим почтением пользовался у русских князь Михаил Всеволодович Черниговский, в Орде отдавший жизнь за веру. Вот лаконичный рассказ летописи о гибели Михаила Черниговского в Орде. «Того же лета Михайло, князь черниговский, со внуком своим Борисом поехала в татары, и бывши им в станех, послал Батый к Михаилу-князю, веля ему поклониться огню и болваном их. Михайло же князь не повиновался велению... но укорил его и глухих его кумиров. И тако без милости от нечистых заколот бысть». Иными словами, от князя потребовали поклониться языческим идолам и пройти меж двух зажженных костров – поступить так, как поступало большинство русских князей, являвшихся в Орду. Он счел подобное поклонение несовместимым с христианской верой, а «кумиры» объявил «глухими», т.е. простым деревом, не несущим в себе ничего божественного. За верность Христу князь поплатился жизнью. Народ его не забыл: именем его освящали потом храмы, а самого князя чтили за мужество и непоколебимую веру. Во времена Сергия Радонежского, да и через сто лет, и через двести русский человек склонял голову перед иноком, когда тот шел в далекие северные дебри ради уединенной молитвы. Когда тот брал в руки топор, валил деревья, корчевал пни, ставил рубленую

малую церковку, а рядом с нею – скромную келейку, да и жил в местах суровых, прожившись на Бога, и не боясь ни голода, ни дикого зверя, ни разбойника. А когда поднялась единая русская держава, с не меньшим почтением стали смотреть на людей, не щадя жизни оборонявших ее от сильного и беспощадного неприятеля. На князя Пожарского, например. А позднее – на героев Бородина, на героев Сталинградской битвы. Такой подвиг неизменно был в чести. У русских всегда, со времен, когда ушло в прошлое язычество, героические деяния, которые почитал народ, обладали двумя неотменными чертами. Во-первых, такое деяние должно было совершаться бескорыстно: интересы личности, его совершающей, ее семьи, друзей, ближайшего окружения отходили на второй план или вовсе исчезали. Во-вторых, оно совершалось ради истины – как ее в тот момент понимал народ, иными словами, ради тор-

жества высшей справедливости на всем свете...

Не трусость.

Не слабость.

Не увлечение материальными благами.

Не безропотное приятие всего, что валится на голову.

А – стремление к истине. Вот душа русского народа, сердцевина всего, что нас наполняет. Так было веками, и так должно быть впредь.

В наши дни очень не хватает настоящего научного описания нас, русских, описания нашего народа во всей его сложности, в цветении сложной его культуры, в многообразии его предпочтений и в незыблемости его веры. Бог весть, даст ли нам когда-нибудь это наше государство... Надо искать возможности получить государственную поддержку. Но если не получится, что ж, решим эту задачу и без государства, миром.

Василий ИРЗАБЕКОВ,
*филолог-языковед, писатель,
директор Православного центра
во имя свт. Луки (Войно-Ясенецкого),
литературный редактор журнала «Шестое чувство»*

Русский язык как Евангелие

Ваше Высокопреосвященство, всечестные отцы, братья и сестры!

Это было лет шесть назад. Вашего покорного слугу пригласили выступить в один подмосковный город, поговорить с молодежью. Там было собрано, как и сегодня, очень много молодёжи, что, конечно, радует. Предстоял разговор о русском языке как Евангелии. Приехал я, как всегда, пораньше, и директор дворца потчевала меня чаем с пирожками. Мы с ней говорили о русском языке и были так увлечены, что не заметили, как в комнату вошла ещё одна женщина, как оказалось позже, её заместитель, природный русский человек и, что очень важно, с высшим образованием. Она минуты три-четыре к нам прислушивалась, а потом резко вклинилась в нашу беседу и обратилась ко мне: «Василий Давыдович, я вот наблюдаю за Вами, слушаю Вас несколько минут, странный Вы человек». Я ответил: «А в чём Вам видится странность?» Она отвечает: «Вы, взрослый человек, Вы так увлеченно, так горячо говорите о русском языке». Я говорю: «А почему это странно?» Она: «Нет, я другого понять не могу». И тут произнесла фразу, от которой мне стало не по себе. Она мне говорит, слушайте (это говорит русский человек с высшим образованием!): «А какая вообще разница, на каком языке говорить?» Я ска-

зал: «Поясните, пожалуйста, Вашу мысль». Она мне говорит: «Я вот об этом и говорю – какая разница, на каком языке мы разговариваем, главное, чтобы мы понимали друг друга». Признаюсь, я не был к этому готов и опешил в первое мгновение. Потом пришёл в себя и ответил ей:

– Муравьи тоже понимают друг друга, правда? И кошки понимают друг друга, и собаки, и тюлени. Неужели мы уподобим богоданный язык наш языку животных? А русский язык – это подарок, это великий дар Христа. А нация, которая называется русской, удивительна, ибо все исконные слова русского языка говорят нам о Самом Христе. Русский язык – это новозаветный язык. Но я ей всё же благодарен, потому что с тех пор, всякий раз выступая, и сколько ни живу, пытаюсь дать ответ на этот вопрос: а какая разница, на каком языке говорить? И почему сегодня, когда русская нация, пройдя тяжелейшие испытания в 20 веке, которые вряд ли какая-то другая нация ещё претерпела бы, мучительно ищет то, что называется самоидентификацией? Она хочет понять – кто мы и что такое «русский» и почему так важен русский язык для нас. Как известно, самое драгоценное хранится в сейфах, и у каждого сейфа есть свой код, без него ты его не откроешь. А язык – это важнейший код нации. Многие

ищут пути к нашему сердцу, а он прост – прими Христа в сердце и заходи, мы тебя обнимем с открытой душой. Но они так не могут, они на это не способны. И тогда они пытаются взломать этот код и проникают к нам через язык, засоряя и убивая его. Эта проблема началась не сегодня. Было бы нечестно говорить, что эта проблема началась в 20 веке. Вспомним, еще около 200 лет назад великий сын русского народа, о котором так мало знают, Александр Семенович Шишков, адмирал, государственный секретарь, министр просвещения, президент Российской Академии наук, который честью и славой служил четырём русским государям, говорил: «Если куриное яйцо подложить уточке, то выведется все равно цыпленок. А вот с русским человеком, воспитанным французом, случается иное». Он восклицал: «Их Мекка – это Париж», обращаясь к своим соотечественникам, к так называемой элите, которая предала свой народ, она даже отказывалась говорить на национальном языке. Сегодня география несколько поменялась. Сегодня – это Лондон. И даже многие наши, так называемые, «новые русские» называют его несколько фамильярно «Лондонградом». Они стараются своих детей, несмотря на то, что это очень дорого, как можно раньше вывести туда, чтобы первое слово, произнесенное ими, было английское, первая песня – английская, первое признание в любви – на английском языке. И тогда их родиной становится «туманный Альбион», а не Россия. Мне приходилось встречаться с этими людьми. Вы знаете, странное впечатление они производят, мягко говоря. Потому что впечатления русских людей они не производят. От них отдаёт холодом, как от крыла самолёта даже в жаркий день. И их фамилии пусть никого не вводят в заблуждение. Более того, приходилось быть свидетелем того, как многие из них, уже поднимаясь на какие-то ступеньки служебной лестницы, порой даже фамилии свои меняют в написании. Если он, скажем, Иванов, то в конце пишет по-английски «ff». То есть даже

графическим начертанием своей фамилии дистанцируется от русскости. А русскость – это святость, кто понимает. Почему это так важно? Хочу вам рассказать небольшую историю. Она очень поучительна. В течение года мы очень редко слышим эту песню. А жаль. Но когда приближается святой для нас праздник 9 мая, её все-таки передают. Милостью Божией она давно стала русской народной, и русские люди поют её во время застолий. Эта песня называется «Журавли». Удивительно, но слова этой великой русской песни написал горец, аварец Расул Гамзатович Гамзатов. Судьба подарила мне две встречи с этим удивительным, светлой памяти, человеком. В своей книге «Мой Дагестан», написанной в советское время и удостоенной Государственной премии, автор вспоминает очень интересный эпизод. Он был депутатом Верховного Совета СССР и часто выезжал за границу, что было недоступно в ту пору большинству граждан. Однажды он приезжает в Париж, а ему говорят: «Расул Гамзатович, у нас для вас сюрприз. Мы разыскали для встречи с вами в Париже аварца». Дело в том, что в Париже встретить аварца практически невозможно. Это народ, который очень привязан к своей земле, к своему роду. Такого попросту не может быть! Конечно, Расул Гамзатович изъявил желание встретиться с земляком. Этот аварец оказался стариком, художником. Оказывается, ещё мальчишкой, в пору Российской Империи, он обнаружил способности к рисованию, приехал в Санкт-Петербург учиться, но случилась революция. И вот в числе тех, кого волна эмиграции вышвырнула за пределы страны, оказался этот самый аварец. Он поселился в Париже, выучился на художника, женился на итальянке и преспокойно там жил. И тут является его великий земляк Расул Гамзатов и в ходе беседы говорит ему, что готов содействовать его приезду на родину, но слышит в ответ: «Когда-то я унёс с Родины горячее молодое сердце, зачем возвращать туда холодные кости?» Расул обещал отыскать на родине его род-

ственников. При его колоссальной занятости он был человеком слова и нашёл его семью в одном высокогорном ауле. Как выяснилось, его мать была еще жива! Расул пришёл к ним в дом и с порога известил: «Я принёс вам радостную весть. Я нашел вашего сына и брата!» Но видит, что происходит нечто странное. Он понимает, что главной в семье является старушка, которая сидит в углу и в ненарушимом молчании внимательно слушает Расула. Наконец, он всё рассказал, и тогда эта старушка, родившаяся высоко в горах, скорее всего, не получившая никакого образования, задаёт народному поэту Дагестана и депутату Верховного Совета СССР Расулу Гамзатовичу Гамзатову всего один вопрос: «Расул, а на каком языке говорил с тобой мой сын?» Он честно ответил: «Мы разговаривали через переводчика. Он давно живёт в Париже, там больше нет аварцев, и он забыл свой язык». И тогда она встала, пересекла комнату, молча открыла шкаф и достала оттуда большой чёрный платок, которым у нас в горах покрывают голову женщины в знак траура по умершим. Покрыв им голову, она сказала: «Расул, сегодня ты принес в мой дом траурную весть. Если мой сын забыл язык, на котором я, аварская мать, пела ему колыбельные, он умер». Расулу Гамзатову не оставалось ничего, кроме как покинуть этот дом...

Как вам эта история? Как вам поступок матери? Кто-то скажет, что это жестоко, кому-то это будет просто непонятно. Но, обратите внимание, какая царственность в этой старушке, какое удивительное достоинство по отношению к её родному языку.

Мы знаем, что слово «язык» на церковно-славянском есть синоним слова «народ». Однако в одной из своих статей вышеупомянутый мною А.С. Шишков пишет о том, что «язык» это «я» «зык», то есть «я звучу». С этим можно соглашаться, можно не соглашаться, но как интересно он мыслил, какой удивительный русский слух у этого человека! И как часто нам не хватает этого русского слуха! И если взять предположение Шишкова, то эта старушка права. Если

я перестал говорить на своем языке, то я попросту труп...

Эта история рассказана неспроста. Посмотрите, какое трепетное отношение к своему национальному языку, на котором говорит собственно небольшая группа людей. Небольшая лишь количественно. Но какая сила духа, какое понимание того, что есть национальный язык для человека отдельно взятого. А как мы говорим на нашем языке, что мы с ним делаем и почему так обращаемся? Простится ли нам это? Ведь Господь со страниц Евангелия говорит нам о том, что «от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». И Он же предупреждает нас, что за каждое пустое слово мы дадим ответ.

У нас почти нет обращения друг к другу. Я был около трёх лет ведущим на Народном радио, мне звонили люди и спрашивали, когда же у нас, наконец, появятся обращения. Помните, мы несколько лет назад попытались внедрить «сударь» и «сударыня». Ведь это очень красиво, не правда ли. Но, увы, не получилось. С некоторых пор предпочитаю обращение «господа». В русском языке «господин» – это, по сути, ответ на вопрос – кто ты, чей? Господень. У нас Отец наш Небесный Царь царствующих и Господь господствующих. Мы же единственная страна в мире, где основное население исторически называло себя не по национальности, а по вере. Они говорили – христиане мы, из чего и родилось слово крестьяне. Все остальные православные народы себя называют по национальности: румыны, молдаване, эфиопы, грузины и т.д. И, как сказал один замечательный русский писатель, в последнее десятилетие так мало стало крестьян, и, может быть, от этого поубавилось в нас христианства.

Как сейчас здороваются молодёжь? На американский манер. В Москве давно висят объявления: «Обучу американскому языку». Это то, что сделали американцы с великим, красивым, глубоким английским языком. С языком Диккенса и Шекспира. Молодые люди сегодня здороваются, про-

износя: «Хай!», а прощаются: «Бай!». Откуда это пошло? Так вот «хай» – это всё, что осталось от английского хау ду ю ду. Спрашиваю, почему вы так странно здороваетесь? И слышу в ответ: мы ж торопимся... «Бай» – всё, что уцелело от «гудбай». Как оказалось, в своё время англичане при прощании не говорили «гудбай». Это поздняя форма. Когда я прочёл, как же они прощались, у меня сердце замерло. Только вслушайтесь, что произносили, прощаясь, благочестивые англичане. Они говорили человеку: «Год би виз ю» – Оставайтесь с Богом. Позже слово «Год» – Бог – стало попросту гуд...

Есть прекрасная глубокая книга «Комитет 300», которую написал честный американец, бывший в своё время участником небезызвестного Гарвардского проекта. Он пишет, что весь молодежный сленг придумывают в Соединённых Штатах, в специальных институтах. Существуют специальные лаборатории, где пожилые высокооплачиваемые люди придумывают сленг, а потом забрасывают его в молодежную среду. Для того, чтобы разделить родителей и детей, людей и общество. А как сегодня прощаемся мы? У нас нередко, когда прощаются, говорят друг другу «Ну, давай». Бессмыслица. А ведь есть замечательная форма расставания – «прощай». Потому как не знаем, что ожидает нас за порогом, суждено ли ещё встретиться. А вдруг я тебя обидел, вольно или невольно, и поэтому прощай – это прости, это молитва. Как в стихотворении А.С. Кочеткова:

*«И каждый раз навек прощайтесь,
и каждый раз навек прощайтесь,
и всякий раз навек прощайтесь,
когда уходите на миг...»*

Это и есть русское прощание. Оно всегда было молитвой, чтобы уходить с лёгким сердцем!

А.С. Шишков – это первый человек в нашей истории, в истории нашей культуры, нашего Отечества, который заговорил о русском языке как о важнейшем факто-

ре национальной безопасности. А это так и есть. Скажем, словарный запас А.С. Пушкина насчитывает 313.000 слов. Не знаю, много это или мало, потому как у М. Ю. Лермонтова, который жил, по сути, на 10 лет меньше, словарный запас 326.000 слов. Это во многом другой человек, другой поэт.

Другой на удивление русский человек, хотя у него в жилах не текло ни капли русской крови, а только датская, немецкая, французская, – Владимир Иванович Даль, не будучи филологом, собрал 200000 тысяч наречных слов. А ещё – около 32000 русских пословиц и поговорок. И пусть каждый из нас задумается: а каким числом русских пословиц и поговорок мы сегодня пользуемся?

Некоторое время назад услышал, как один очень высокопоставленный руководитель по телевизору разговаривал со всеми нами и, обращаясь к народу, произнес слово «ребрендинг». Бренд это, если сказать по-русски, торговая марка. Оказывается «ребрендинг», если сказать понятно, по-человечески, это смена торговой марки. А почему нельзя говорить по-русски? И кто дал право в государстве Российском говорить не по-русски?

Вижу, в нашем зале сидят африканские студенты. Я много лет работал с иностранными студентами, а потому это мои родные люди. Никогда не забуду один эпизод... Вот что такое русскость? Так вот, как-то спускаюсь в общежитии по лестнице, а передо мной идут два студента из Африки. Они меня не видят, а я их вижу и невольно слышу. А ещё я в курсе, что один из них совершил не совсем красивый поступок. А говорят они по-русски. И один другому выговаривает: «Ты чё, не русский, что ли?!» Господи, думаю, человек из Африки – и то понимает, что если что-то сделал не по-человечески, значит, сделал не по-русски. Почему же этого не понимают некоторые государственные мужи? А у нас другого выхода нет. Фёдор Михайлович Достоевский, наш великий писатель и пророк, оставил нам, как бы в завещание, замечательную програм-

му. Но прежде нежели произнесу эти слова, хочу напомнить, что сегодня, по сути, все выступающие говорили о национальной идее. А ведь есть ещё одна национальная идея – это наши бесконечные просторы, которые не дают покоя нашим врагам. Они все наглее и наглее выступают и говорят, что это несправедливо, чтобы такая страна принадлежала небольшому народу... У писателя Максима Яковлева в его «Дневниках писателя» прочёл как-то эти строки о том, что мы единственная страна в мире, где никогда не заходит солнце, а ещё мы единственная страна в мире, в которой не прерывается Божественная Литургия. Она у нас затихает в Калининграде и тут же начинается на Дальнем Востоке. Богу же

нужна была хоть одна страна, где Ему молились бы круглосуточно. Разве это не национальная идея? И потому, «не отдадим пяди родной земли» – это ещё и сохранение этой национальной идеи. А слова Достоевского таковы, что лучшей программы, как мне кажется, нам сегодня и не надо. В «Дневнике писателя» он обращается к современникам, а по сути, ко всем нам с удивительным призывом: «...Если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными».

Аминь и Богу слава.

Владимир Аннушкин,

*доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой русской
словесности и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка
имени А.С. Пушкина,
член Экспертного совета по сохранению
духовного и культурного наследия при
Общественной палате РФ,
почётный работник высшего
профессионального образования Российской
Федерации*

Служение Слову и русскому языку в жизни церкви и общества

1. Служение

«Служение» – замечательное слово русского языка. Оно означает посвящение себя какому-то важному, значительному делу, отдачу без остатка духовных и физических сил какой-то благородной идее, цели. Между тем, как всякое слово и дело, оно может быть извращено греховной человеческой природой, и тогда служение становится «прислуживанием» («служить бы рад, прислуживаться тошно»), а человек может стать «службистом», формально выполняющим своё дело, или, на худой конец, «служаккой»... Вспоминаю, как одна умудрённая опытом, интеллигентная писательница-певица тонко прихваливала себя: «Вы ведь знаете, я никогда не служила...» И такое мнение распространено среди нашей литературно-художественной интеллигенции: служить как бы зазорно, а вот быть гением, на которого нисходит вдохновение невесть откуда, похвально.

Между тем, мы все служим, и служение есть долг каждого из нас: служит священник, служит военный, служат и учитель-преподаватель, и предприниматель.... Лучшим примером «служения» является служение

Богу, о чём Святейший Патриарх Кирилл говорит как о цели жизни: «Богослужение – это моя жизнь. ...Главное дело моей жизни – это служение Богу. И в центре этого служения – совершение Божественной литургии. Всё остальное вторично» [2]. Служение Богу есть образцовое служение, поскольку это служение Творцу мира, его Создателю, установившему высшие нравственные нормы для человечества, указавшему людям путь Истины, Добра, подлинной Красоты, успокоительной сердечной гармонии. Служение Богу стало образцом служения в иных профессиях, ибо всякая профессиональная мораль заимствует основные положения из морали духовной. Так, учитель, по образцу Учителя Христа (как записано в параграфе 1 исторически первого Устава русской школы в городе Луцке 1624 года), «должен быть благочестив, рассудителен, смиренномудр, кроток, воздержлив, ... во всём представляя собой образец благих дел» [3]. Очевидно, что все лучшие качества современного учителя также базируются на духовной морали: доброта и любовь к ученикам, мудрость как совокупность знаний, кротость и смирение, дающие силу «наследовать землю»,

жертвенность, чистота сердца, милосердие – соответствует ли современный учитель этим качествам? Говорим ли мы в учебном процессе педагогических вузов об этих качествах, когда в целях инновации и модернизации замещаем их модными современными словами *компетентность, мобильность, динамизм, толерантность* и т.д.?

Обращаясь к аудитории в День православной молодёжи 15 февраля 2009 года, Святейший Патриарх Кирилл говорил: «Бог так устроил человеческую природу, что именно в служении человек обретает подлинное счастье. И чем более высоким и полнокровным бывает это служение, тем более полным бывает счастье. Служение Христу, которое начинается с простых добрых дел и с попыток жить в соответствии с Его заповедями, приносит человеку счастье, которое начинается на земле, но имеет продолжение в вечности, делает человека причастником Жизни вечной» [8]. Желая благословенных успехов на поприще миссионерского и православного делания, Святейший Патриарх ссылается на слова апостола Петра, которые избраны девизом всех начинаний в области православного молодёжного служения: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1 Пет. 4; 10).

2. Слово

Служение же Богу есть служение Слову, ибо Бог есть Слово. Термин Логос (Слово в переводе с греческого) только в христианстве означает Бога-Слово, Господа Иисуса Христа, через которого и передалось людям Слово Бога Отца. Мир творится также Словом Божиим: «И сказал Бог: Да будет свет! И бысть тако». (И стал свет. *или* «И рече Бог: да будет свет. И бысть свет.») И это Слово передано любимому Божию созданию – человеку, чтобы *словом – языком – речью* (божественным даром, которым награждён только «словесный человек») была организована вся человеческая жизнь.

«Слово человеческое подобно Слову Божию» – пишет Святитель Игнатий Брянчанинов [1], но это только в идеале. Человек хотел бы себя «обожить», но «обожению» человека мешает его греховная природа, а «все беды человека» (читай: его «грехи») – от его языка». Перечень грехов, их исповедание показывают, что так или иначе наши пороки, личная и социальная неустроенность связаны с неустройством, ошибками (а грех это и есть ошибка) – в языке, культуре слова, которая, конечно, есть не только культура лексическая или словоизобразительная. **Культура слова – языка – речи** (да простят меня коллеги-филологи, но я позволю себе употребить эти термины как синонимы, обозначающие в широком смысле орудие общения, средство взаимосвязи людей) – это:

- (1) **культура сердца**, а значит, помыслов и сформированных ими идей (очевидно, что мысль рождается в глубине сердечной);
- (2) **культура чувства**, ибо «Господи, избави мя от всякого... окамененного нечувствия»; но именно «чувства» выражаются в речи, и в филологии существует понятие «речевых эмоций», т.е. эмоций, рождаемых с помощью речи;
- (3) **культура мысли** как умение рождать благие и полезные мысли, способность изобретать (находить) аргументы и выстраивать цепи доказательств, для чего в риторике как искусстве доказывания существует технология обучения содержанию речи;
- (4) **культура слова** как реализация мысли через творческие действия в отборе чистых, ясных, богатых и уместных слов;
- (5) **культура фразы** (предложения, периода) как способности соединять слова в распространённых и подлинно прекрасных, уместных фразах (или фигурах речи),
- (6) **культура произношения**, ибо надо иметь способность, умение, навык заготовленные мысли и слова произнести; но кто из нас, «служителей слова», прошёл или освоил техническое искусство

произнесения речей, где важно всё: и деление речи на такты, и паузы, и артикуляция-дикция, и логическое ударение, и интонация, и таинственная красота тембра голоса, воздействующая на человека, но, главное, энергетика, характеризующая душевное состояние человека, находящее выражение в его звучании?

- (7) наконец, **культура телодвижения**, ибо восприятие речи всякого человека начинается ещё до «слова»; т.е. воспринимаются несловесные (паралингвистические) характеристики: внешность человека, одежда, походка, причёска, поза, взгляд – «всё», что в этом человеке «должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Не о том ли предупреждает нас в своём дневнике царица Александра Федоровна, когда пишет, что можно обидеть «взглядом, интонацией, жестом, словом»?

Нарисованную картину можно отнести к человеку любой словесной профессии, но применительно к церковному служению в особенности, ибо, как писал А.П. Сумароков в статье «О русском красноречии», он видит «в проповедниках собратий по единому их риторству», предполагая в них «почитателей словесности» [7]. Мы, филологи-словесники, тем более обязаны быть своеобразными «целителями и воспитателями слова» – и для наших школьных учеников, и для студенчества, и для людей всех речевых профессий, а все основные интеллектуальные профессии являются «речевыми». Труд политика, юриста, врача, дипломата, предпринимателя, педагога, священника связан с речью, и основная проблема нашего общества – неустройство нашего слова, по-современному – «речевых коммуникаций», по-брянчаниновски – «неподобство Слову Божию». При этом всякий «целитель» должен помнить о предупреждении, которое может быть обращено и к нему: «целитель, исцели себя сам», ибо и он также бывает не без грехов как словесных ошибок...

3. Русский язык

Философия слова (или Слова с прописной буквы) лежит в основе философии языка. Наша лингвистическая наука предпочитает говорить о философии языка как о концептуальном понимании роли и значения языка в человеческой жизни, но в значении инструмента или орудия общения, средства коммуникации. Термины *слово – язык – речь* синонимичны, а если изучить их историю, то выясняется, что слово «язык» было главенствующим в устной народной культуре, где «язык» не только нормировал правила устного общения, но через эти правила устанавливал и правила общего поведения. Термин «слово» стал главенствующим в письменной культуре, и об этом свидетельствуют как тексты Священного Писания – основного культурного текста человечества, так и данные древнерусской литературы и самих «словесных наук», которые изучались у нас до середины XIX столетия – времени, когда появляются науки «языковые» и начинается всё большая секуляризация образования. Между тем, и М.В. Ломоносов, размышляя о русском языке, называл «предводителем общее философское понятие о **человеческом слове**» [5], и Н.Ф. Кошанский, главный учитель-словесник Царскосельского лицея, начинал учебник «Общая риторика» с рассуждений о «силе ума и **даре слова**», которыми мы отличены от других одушевлённых созданий и «совершенствование которых ведёт человека к великой, Небом ему указанной цели» [4].

Но термин «язык», именно в духовной литературе приобретший значение «народ», стал в дальнейшем, по определению Словаря Академии Российской 1789-1793 гг., обозначать «наречие; слова и образ речи, употребительные каким-либо народом». И тот язык, который в XVIII веке назывался «русским», а теперь мы, по большей справедливости, называем «русским», в Словаре Академии Российской назывался «славено-русским». И не случайно: основой русского книжного языка стала высокая «славянщина», и то сложное устаревшее слово,

которым пользовались в XVIII веке, достаточно точно выражает природу нашего языка в целом. Не только языка, но прежде всего нашего сознания и тех реальных текстов, речей, которые порождаются этим языковым сознанием. Наше языковое сознание так легко и гибко переходит с церковнославянского на русский, а в иных жанрах речи (например, в проповеди) или даже реализуя некоторые стилистические задачи, так взаимопроникновенно заставляет сосуществовать церковнославянизмы и русизмы, что наше реальное языковое существование должно быть признано единомысленным и единословным.

Впрочем, природа современной развитой языковой личности такова, что в неё могут войти также и английский, и французский, и китайский, и любой другой языки – в зависимости от того, насколько развит тот или иной индивид и насколько он владеет другими языками. Но иностранные языки именно «войдут», потому что они и осознаются как *другие* языки, а язык церковнославянский, язык церкви, т.е. тот, на котором ведётся богослужение и на котором написаны священные тексты, – это **язык наш, родной, язык русского народа**. Правда, не всякий человек сегодня (а ведь сегодняшнее образование продолжает традицию советского атеистического образования) знает этот язык и готов признать его «своим» вследствие своего (позволим выразиться прямо) дремучего невежества в вопросах знания того, что есть Бог, Церковь, Заповеди Божьи и т.д.

4. О непонятности языка богослужения

Затруднённость в понимании божественного языка связана, конечно, не столько с языком, сколько с осознанием **смысла** того, что есть Бог, нравственные нормы жизни, духовная мораль. Когда стремление к Богопознанию появляется в душе человека, все языковые трудности становятся легко преодолимы.

«Проблема непонятности текстов бого-

служения, – справедливо намечал решение этой проблема Патриарх Алексей II, – не исчерпывается только вопросами языка, которые, безусловно, должны ставиться и решаться. Перед нами более глобальная, поистине миссионерская задача – научить людей понимать смысл богослужения» [2].

Святейший Патриарх Кирилл развивает эту мысль: «Миссионерский призыв очень важен. И нужно идти не по пути перевода на современный язык, а по пути доступной нам модернизации славянского текста, а лучше сказать, его тактичного русифицирования» [2]. Думаю, что всех нас, любителей «славянизмы», не должно смущать слово «русифицирование», тем более «тактичное», ибо всё действительно будет зависеть от того, насколько тактично и уместно (уместность – главное качество речи) мы соотнесёмся с иным «непонятным» текстом. А русская словесность давно дала нам образцы такого «тактичного русифицирования», начиная от «преложения» псалмов Ломоносовым и пушкинского «Пророка» и продолжая стилистическими образцами русской философской и художественной прозы, которая не может обходиться без церковнославянских элементов. Есть такие образцы и в современной литературе, только нам (авторам и критикам) требуются вкус и такт, чтобы творить и воспринимать...

Ответим же прямо на вопрос: *язык церкви – язык народа?* Да, ибо церковь существует для всего народа, но не весь народ прилежит и принадлежит, (я бы сказал) «допускается» к церкви вследствие недостатков государственной и образовательной политики. Так, наши политические лидеры (об этом уместно сказать в преддверии и после президентских выборов), хотя и молятся вместе с народом, но мало делают для духовно-нравственного воспитания народа, а всякое воспитание осуществляется средствами *языка – слова*. Церковь же молится о единомыслии народа, не «расхищаемом мысленными волками» (да будем единой «паствой», которая всегда прекрасна разнообразием мнений и «образов Божиих в человеческих лицах»). Но,

увы, язык народа – не всегда язык церкви, ибо разномыслие, разобщённость и разъединение нашей интеллигенции по-прежнему рождают идеологическое противостояние. И это противостояние потому так далеко зашло, что идеология политиков, предпринимателей, да и педагогов и врачей – нередко отрицает христианские ценности, единомысленно и единословно объединявшие людей в понимании патриотизма, честности, справедливости, жертвенности, взаимопомощи, трудолюбия, послушания и многого другого, чем всегда держалась Русская земля.

Огромная часть нашей интеллигенции не только не знает Церкви и её языка, но или равнодушна, или «теплохладна» в вопросах веры (есть даже остроумная формула для оправдания такой «теплохладности»: «верую, но без фанатизма»). «Марии арбатские» и «академики гинзбурги» имеют свою систему общих мест и доказательств, не понимая, что «научного доказательства Бога не существует», а расположение человеческого сердца свободно и управляемо самим человеком.

Итак, **язык церкви – язык всего народа**, но не весь народ расположен и устремлён к языку церкви.

Что же делать, и кто виноват?

5. Как понимать язык – речь – слово?

Сначала скажу о вине филологов, которые до сих пор не вложили в сознание народа идеи важности *языка – речи – слова* для народной жизни. Русский язык воспринимается в результате школьного образования как некое схоластическое мёртвое знание о частях речи, второстепенных членах предложения, орфографии и пунктуации, которое либо мало пригодится, либо скучно... Современный человек, покидающий школу, не понимает роли и значения *языка – речи – слова* как для общественного благоустройства, так и для его личного благополучия.

Язык есть выражение народного духа, состояния интеллекта и образованности, общественного и личного настроения, воли, всех движений души, стиля жизни

и современного общества. Можно с уверенностью сказать: каковы слова, которые мы слышим и читаем вокруг себя, таков и наш внутренний комфорт, общественно-психологический настрой, занимающий не последнее место в требованиях к благоустройству жизни каждого человека. Одним словом, **каков язык, такова жизнь.**

Общественное благополучие, здоровье, благоденствие, все формы жизни связаны с устройством современного языка. Язык – инструмент управления обществом и общественными процессами. Экономический кризис есть проявление кризиса духовного (а не наоборот!). Экономика управляется через культуру и образованность с помощью речи. Если речь в обществе не отлажена, теряется возможность взаимопонимания и эффективного управления.

Язык есть центр народной жизни, его объединяющее начало – не зря слово язык и получило значение «народ»: языком вдохновляются и ведутся люди на подвиги, ибо «мал язык горами ворочает». Спросим себя: как мы творим на этом великом языке? Какое сознание выражено в нашем слове – «подобии» Слова Божия? Владеем ли мы этим словом как орудием добра, организации всей общественной и личной жизни?

Как? – спросите вы, – и «личной» тоже? Автор, может, увлёкся и оговорился?... Давайте окинем мысленным взором «наши дома» (говоря научным языком, сферы общения), где мы живём и работаем – и увидим, что все они организованы и живут словом и в слове.

Семья – это общение. От того, на каких принципах строится общение, зависит счастье и благополучие семейного союза. «Возлюби ближнего своего как самого себя» – главный закон этого общения и всякого другого взаимодействия людей. Язык семьи – проявление того духовного союза, которым скрепляется единство брачующихся, впоследствии мужа и жены, родителей и детей. И если человек – создание «словесное», то в основание человеческой жизни в семейном общении нельзя не положить «слово» в его одухотворяющей Божественной благодати.

Именно грехи «слова» и «языка» разрушают семью и мешают её процветанию. Вот как пишет об этом в дневнике царица Александра Федоровна:

«Чем ближе отношения, тем больше сердцу от **взгляда, тона, жеста или слова**. В любви нужна особая деликатность. Можно быть искренним и преданным, и всё же в речах и поступках может не хватить той нежности, которая так покоряет сердца. Вот совет: не демонстрируйте плохое настроение и оскорбленные чувства, не говорите гневно, не поступайте дурно...»

Такие бы советы выставить на всеобщее размышление в демократическом сообществе, желающем решать демографические проблемы и ищущем ответ на вопрос: как построить счастливую семью? Но присутствующее в каждом доме телевидение, словно осатаневшее, ищет «столкновения страстей», конфликтных ситуаций, кормит зрителя мифическими сериалами о сытой, довольной жизни, где жизненные проблемы ограничены деньгами, сексом, угонами, захватами, обманами и перестрелками. Но главное, почему этим фильмам не грозит успех – ужасный, примитивный, скучный до ломоты в челюстях язык.

Успех в других наших «домах» – **деловых и производственных** (а у каждого из нас есть такие «дома») также зависит от языка: **хорошая речь – путь к успеху** во всех делах. Каждая интеллектуальная профессия – **речевая**: и предпринимателю, и политику, и юристу, и педагогу, и священнику как воздух и главный инструмент его деятельности нужны хороший, честный, убедительный язык. «Цветами красноречия выстлан путь в любой карьере», – писал А.П.Чехов.

Понимаем ли мы, что экономические и социальные реформы буксуют вследствие речевой и культурной неустроенности общества? Если в обществе продолжает существовать миф о том, что честный труд зазорен (об этом только прямо не говорится), но продолжается поэтизация бандитизма и уголовщины (стоит послушать наши «шансоны» и «авторадио», посмотреть одним глазком

наши телесериалы), о каком мире в душе, внутреннем комфорте и благополучии, которых мы так желаем, можно говорить?

Или наш Дом **политика**... Хороший политик – прежде всего мастерский оратор и писатель. «Политика есть общение...» (Иван Ильин). Что у нас написано о политической риторике как искусстве организации политической жизни общества с помощью Слова? Все эти «слова, слова, слова» только тогда могут претендовать на успех, когда имеют нравственную основу, ибо политика есть «служение», а не карьера, внешний успех. Не потому ли так несовершенна наша демократия, что не понимает: в основе политических процессов, воспитания политика-профессионала лежит осознание речевых отношений в обществе, а в основе деятельности политика лежит язык, искусство общения с народом и честного объяснения происходящих явлений? «Политика есть искусство объединять людей», – продолжает И.Ильин, и это объединение возможно только с помощью слова.

Где же еще востребован язык? Конечно, в **школе и вузе**. Языковая подготовка пронизывает насквозь образовательный и воспитательный процесс – в классической русской школе (например, Царскосельском лицее) существовало требование владения хорошим русским языком ко всем педагогам-специалистам. И этому есть объяснение: каждый учитель выражает знания и общается только на русском языке, а воспитание возможно только с помощью слова. Какие же могут быть знания, если педагог и учащиеся не умеют хорошо говорить, а устная речь вообще исключена из требований в ЕГЭ по русскому языку? В сущности, методика любого предмета есть педагогическое красноречие, ибо подготовка хорошего преподавателя всегда выражена в том, как он общается со своими учениками. Увы, ни пропаганда хорошего языка, ни обучение педагогической риторике как искусству общения с учениками не находятся в светлой точке сознания нынешнего педагогического сообщества.

Центром современной речевой и идеологической жизни общества становятся **СМИ**. СМИ стали «первой» властью вследствие авторитетности по степени влияния на умы людей, на создание настроения и стиля как материальной, так и духовной жизни. Этому находится ясное филологическое объяснение: речь СМИ – коллективный вид языкового творчества, результаты которого представляются миллионной аудитории, которая, словно замороженная, внимает и доверяет сказанному. В то же время текст СМИ **не храним** в культуре (это – **не «культурный»** текст), поскольку результаты этого труда не хранятся в памяти аудитории: мы забываем то, что смотрели по ТВ, едва ли не на следующий день. Коллективность творчества, авторитетность, нехранимость в культуре создают из СМИ и массовой коммуникации в целом монстра, спрута, чудовище, совладать с правилами поведения которого не представляется возможным... По-видимому, существует какая-то таинственная сила или инертность (не будем всё валить на деньги!), которая не позволяет поменять сетку вещания на ТВ, т.е. на Первом канале или на «России» в воскресенье вечером показать что-либо иное, кроме, до тошноты пошлых, концертов, надоевших американских фильмов, «Кривого зеркала» и подобной продукции, от которых отворачивается всякий здравомыслящий человек. Очевидно, что следует решать на высшем государственном уровне вопрос **философии СМИ** как духовно-идеологической концепции развития существующих «органов речи» (каждый теле- и радиоканал, газета и журнал – это полноправный «коллективный ритор») с точки зрения содержания и стиля ведения речи.

6. Как научиться владеть языком – речью – словом?

Практические вопросы, которые волновали всегда и каждого: как научиться владеть языком и может ли человек стать совершенным в слове. Русская классическая наука о Слове, берущая начало из «сло-

весных наук», имеет отношение, по крайней мере, к трем наукам – **словесности, риторике и стилистике**. Скажем о каждой из них кратко.

Словесность (это родное слово с трудом переводится на иностранные языки) связывали в конце XVIII века с даром слова, способностью выражать свои мысли и чувства устно и на письме. В словесности изучается вся совокупность словесных произведений нашей культуры: не только художественная литература, которой ограничена школьная программа, но и бытовая речь, и все виды прозы от политической до судебной, ораторская речь, речь СМИ. Словесность предполагает словесное творчество и умение творить в слове.

Риторика – искусство убедительной и эффективной речи – насчитывает две с половиной тысячи лет существования и должна быть истолкована научно, а не вульгарно. Называя этим словом ложное ораторство, красивый словесный обман, критики риторики забывают о том, что убедить кого-то можно только риторическими средствами. Научное понимание риторики таково: это наука о **мысли и речи**, искусство изобретать, генерировать идеи и действовать словом убедительно, эффективно и уместно, это – учение о законах и правилах построения общественной речи во всех ее видах и жанрах (а не только в ораторском искусстве).

Стилистика вышла из лона риторики как учение об украшенной речи и сегодня понимается, в основном, как наука о средствах выражения, но стилистика речи в широком смысле глубже и значительнее: ведь стиль – качество жизни, способ соединения мысли с поступком. Если бы мы умели изобретать рождать новые идеи, находить ясные слова, был бы организован эффективный общественный диалог, а пока наше демократическое сообщество «бессловесно» и от этого – наше главное недовольство жизнью. Мы уже не «живём, под собою не чуя страны», но наши речи, как правило, по-прежнему «не слышны», потому что не эффективны, не действенны, низменны духовно и не возвы-

шенны эстетически.

Впрочем, причин для «уныния» нет – лишь бы из нас изгонялся «дух праздности и ... празднословия». А учёба и овладение этими искусствами начинаются для каждого из нас опытным путём, потому что нет человека, который так или иначе не владел бы словом и не задумывался бы над качеством своего словесного существования. Современный опыт преподавания риторики говорит о том, что это не просто «тренинговое» натаскивание ловкого говорения (Интернет переполнен предложениями учить «говорить публично»), а в том, чтобы на основе духовно-нравственного воспитания дать риторическое образование, знание правил общения, показать образцы ораторской и литературной классики и, конечно, развить способности в написании и произнесении речей, декламации образцовых текстов и технике речи.

Опыт преподавания риторики в Николо-Угрешской Православной Духовной семинарии с очевидностью говорит о том, как необходим будущему священнику курс риторики как искусства владения словом для того, чтобы сформировать высокодуховную, образованную личность, способную передать истины Священного Писания в современном информационном обществе.

Святейший Патриарх Кирилл предельно ясно высказался относительно необходимости общения с молодёжью, «церковной проповеди духовно-нравственных идеалов применительно к реалиям современной жизни» [2]. Понятно, что организация такой проповеди требует и общественного движения, и целого воинства проповедников, владеющих силой слова, способных донести истину, правоту и красоту Православия до народных сердец.

В Слове Патриарха Алексия II на Рождественских чтениях в 2001 году сказано: «Творец создал мир Словом. Слово Божие несет в себе многовековую мудрость, одухотворенную мысль и содержит неиссякаемую вовеки творческую и созидательную силу. Именно слово является фундаментальной основой и глубинным стержнем всей человеческой культуры. Однако будем помнить: только истинное и чистое слово, исполненное смысла, исходящего от Бога, живоносно и животворно» [Слово ... Патриарха Алексия II: 9].

Сумеет ли мы в нашем служении воплотить такое живоносное и животворное, истинное и чистое слово? Отвечать на этот вопрос предстоит всем нам нашей будущей жизнью и трудами на ниве духовного образования и воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянчанинов: Святитель Игнатий Брянчанинов. Рассуждение о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим // Язык мой – враг мой. – М., 1999.
2. Иларион (Алфеев), митрополит Волоколамский. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М., 2010.
3. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1949.
4. Кошанский Н.Ф. Общая риторика. – СПб., 1829.
5. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. ПСС. – М; Л., 1952. – Т. VII. – С. 89-378, 805-839.
6. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Девятых Рождественских чтениях. – М., 1999.
7. Сумароков А.П. О русском духовном красноречии // Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд., М., 2002. С 173-178.
8. Церковь призывает к единству. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Минск, 2010.

Николай Коняев,
*русский писатель,
 секретарь Правления Союза писателей России,
 председатель Православного общества
 писателей Санкт-Петербурга*

Побег из рабства дьявола

Разговор о проблемах современной литературы и том незавидном положении, которое она занимает в обществе, практически уже не оказывая влияния на это общество, зачастую ограничивается сетованиями на отсутствие государственной поддержки, на трудности, связанные с распространением книг, на засилие телевизионной развлекательности, уже не столько отвлекающей наших сограждан от чтения, сколько отучающей от него.

И все это безусловно важно, но все же главные причины, по которым современная русская литература год за годом сдает свои позиции, скрыты более глубоко, и невозможно постигнуть их без анализа того, как искривление духовного информационного пространства приводит к смещению нравственных координат и в результате дезорганизации человека как творения Божия.

1.

Откровенная официальная ложь, распространяемая в СМИ, как показывает и современный, и советский опыт, достаточно безопасна для души человека, поскольку тут же включается защитный механизм иронии и равнодушия к подобной пропаганде. Другое дело ложь, опирающаяся на незыблемые духовные авторитеты, ложь, льстящая чело-

веку, ложь, поощряющая человеческую гордыню.

Вот простой пример.

Кажется, еще в шестидесятые годы прошлого века наша передовая интеллигенция открыла для себя слова Антона Павловича Чехова о выдавливании «из себя по каплям раба» и трансформировала их в лозунг, в девиз подлинно интеллигентного поведения.

Образ самого Антона Павловича как бы обеспечивал безусловную правоту этих слов, защищал провозглашенный лозунг от каких-либо сомнений и недоумений.

Как вы помните, разговоры о рабе, которого надо по капле выдавливать из себя, активизировались два десятилетия назад, как раз накануне 1991 года, когда, как считается, и была сделана всероссийская попытка коллективно «выдавить из себя раба».

Прежде чем говорить, чем завершилось это предприятие, напомним, что развернутые в лозунг слова А.П. Чехова взяты из его письма к Алексею Сергеевичу Суворину от 7 января 1889 года.

Менее известно, что слова эти достаточно беспардонно вырваны из контекста. В этом письме Антон Павлович советовал Суворину написать рассказ «о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник,

певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям... дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая»...

А предшествовали этому размышления Чехова о том, **что** такое чувство личной свободы и для чего это чувство необходимо писателю.

«Нужна, – писал Чехов, – возмужалость – это раз; во-вторых, необходимо **чувство личной свободы**, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу»...

Как мы видим, Чехов, во-первых, ставил возмужалость человека прежде чувства личной свободы, во-вторых, он четко определял, что это чувство должно заменить прежнее «легкомыслие, небрежность и неуважение к делу», ну а самое главное, процесс выдавливания из себя по каплям раба Чехов предлагал Суворину провести только как художественное исследование и определял лишь завязку – проснувшись в одно прекрасное утро, герой рассказа чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая, – но само развитие повествования и финал оставлял открытыми.

Алексей Сергеевич Суворин, кажется, так и не воспользовался сосватанным ему сюжетом, но в новейшей истории нашей страны это попыталась сделать за него продвинутая советская интеллигенция и номенклатурное диссидентство, и сейчас, двадцать лет спустя, мы видим, к чему привело обретение после августовских пертурбаций ничем не ограниченной личной свободы.

Увы...

Похоже, что выдавленным из человека

оказался не тот воспитанный на чинопочитании, на поклонении чужим мыслям, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности раб, о котором писал А.П. Чехов, а раб Божий – человек, стремящийся жить по Божественному закону с его евангельскими заповедями, пусть и искаженно, но сохранявшимися и проповедуемыми и в советскую пору, хотя, разумеется, тогда и делалось все, чтобы – вспомните об изъятии первой евангельской заповеди – исказить их начальный смысл.

Недавно я был в Мурманске, где архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон подарил мне свою книгу «Смирение и прелесть»¹, в которой он приводит чрезвычайно интересное исследование того, как менялся и продолжает меняться в мирской практике оценочный смысл важнейших понятий нравственного состояния человека.

Слово «прелесть», например, этимологически производное от слова «лесть», обозначавшего хитрость и обман, прижившись в современном мирском обиходе, используется исключительно в положительном смысле, как очарование, обаяние, привлекательность, пленительность. Ну а слово «смирение» употребляется в узком (отсутствие гордости, готовность к подчинению), а иногда и отрицательном смысле или вообще исчезает из обиходных словарей.

Страшно, что переосмысление важнейших категорий христианской аскетики, разрушение их психологической устойчивости и достоверности уводит современного человека на ложные пути...

Впрочем, сейчас мы и сами видим, к чему привело усиленно внедряемое СМИ чувство личной не ограниченной ничем свободы. Современная российская действительность насквозь пронизана практически не контролируемым и не регулируемым личным и групповым эгоизмом. Создание назначенческого капитализма и непобедимой коррупции, сведение экономики страны к

1 Архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон. Смирение и прелесть. (По творениям Святых Отцов), Мурманское книжное издательство, 2009.

нефтяной трубе и распилу бюджета, превращение идеологической работы в шельмование патриотизма и откровенную русофобию, проникающую теперь уже и в сознание рядового русского обывателя, – эти последствия невиданного в мире эксперимента по коллективному выдавливанию из себя раба Божия становятся сейчас реальностью.

О последствиях, которые еще ожидают нашу страну, жутковато и думать, и тут уже не столько об увеличении ВВП надо думать, сколько о том, чтобы совместными усилиями попытаться восстановить разрушенные в обществе нравственные ориентиры.

2.

Я не принадлежу к числу людей, объясняющих катастрофу 1991 года исключительно происками западных спецслужб и работой пятой колонны внутри самого СССР. Разумеется, и происки спецслужб имели место, и пятая колонна, составленная, как мы уже говорили, из продвинутой советской интеллигенции и номенклатурного диссидентства, работала весьма целеустремленно, но существовали и другие объективные причины, которые мешали противостоять надвигающемуся разрушению.

Еще в XIX веке великий знаток русского языка, составитель «Толкового словаря», Владимир Иванович Даль печалился, что мы перестали понимать смысл народных пословиц, потому что стараниями наших классиков сильные и краткие обороты речи оказались вытесненными из письменного языка, чтобы сблизить его, для большего удобства переводов, с языками западными.

Насколько актуальна была эта мысль в XIX веке, показывает пример Николая Семеновича Лескова, юбилей которого мы праздновали (вернее сказать, совсем не праздновали) в начале нынешнего года.

Владимир Маяковский говорил, дескать, Лесков рядом с Толстым было виден в большой телескоп. В принципе, это так, но дело тут не только в величине Л.Н. Толстого, а еще и в слепоте критиков, в той странной, выработанной в передовом обществе глухо-

те на самые главные русские проблемы.

Невозможно найти писателя – и Л.Н. Толстой тут не исключение, – который мог бы сравниться с Лесковым тем глубинным знанием народной русской жизни, той красотой русского языка, тем обилием положительных народных характеров, которые мы находим на страницах лесковских произведений.

Поэтому-то вопрос о том, почему «передовому» человеку надо в большой телескоп рассматривать великого русского гения, чтобы все-таки различить его, не так уж и прост. Еще труднее понять, почему весь творческий путь писателя, составляющего гордость России, протекал в атмосфере травли. «Я как столб, на который уже и люди и собаки мочатся» (письмо Н.С. Лескова П. К. Щебельскому от 18 января 1876 г.). Вопрос этот перерастает рамки биографии писателя и становится **русским** вопросом. И ответ на него – это ответ на вопросы, которые стоят и перед современным русским обществом.

Разрыв Николая Семеновича Лескова, с «передовым» русским обществом только усилился после публикации его романа «Некуда», в котором писатель сатирически изобразил быт коммуны нигилистов.

Впрочем, рассуждать об этом не интересно, поскольку от Д.И. Писарева, в нетерпеливом ожидании революции «прогуливающегося по садам российской словесности», и трудно было ожидать иной реакции.

А вот понять, почему наступил разлад Н.С. Лескова в отношениях с консерваторами и издателем «Русского вестника» М.Н. Катковым, хотелось бы.

Тем более что случилось это уже в семидесятые годы, когда Н.С. Лесковым были созданы едва ли не самые вершинные – речь идет о «Соборях», «Запечатленном ангеле» и «Очарованном страннике» – произведения.

Вот тогда и прозвучали – «не наш»... – слова М.Н. Каткова, и великий русский гений начал себя сравнивать со столбом, «на который уже и люди и собаки мочатся».

3.

Как мог стать не нашим в России ее едва ли не самый русский писатель?

Объяснение этого парадокса содержится в словах Вл. Даля, говорившего, что стараниями наших классиков русский язык оказался более приспособленным для переводов с западных языков, чем для выражения собственных национальных мыслей. Наверное, тут и следует искать объяснение, почему Лесков оставался «не нашим» и для радикалов, и для консерваторов.

Потому и остался, что и те и другие заимствовали свои убеждения с языков европейских, и к русской действительности идеи эти оказывались неприменимы.

Впрочем, это несколько не мешало их деятельности, поскольку устройство построенной Петром I империи и не предполагало связи спускаемых сверху идей с интересами народных масс.

Другое дело Н.С. Лесков, которого по словам Д.П. Святополка-Мирского, «русские люди признают самым русским из русских писателей и который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть».

Лесков не выдумывал, не конструировал своих положительных героев, он создавал характеры, которые никто не мог увидеть и услышать до него, потому что эти характеры – прихожане того храма русского языка, в котором и совершал свою молитву он сам и в который только из любопытства заглядывали его просвещенные современники.

Фундамент этого храма был заложен еще трудами равноапостольных Кирилла и Мефодия. Целое тысячелетие, миновавшее с Крещения Руси, православное мировоззрение перетекало в наш, «истинно правой Божией» основанный язык, формируя его лексику, синтаксис и орфографию, и в результате возник Храм, оказавшийся прочнее любого каменного строения.

Характеры положительных героев, обретаемые Н.С. Лесковым в этом храме языка, по сути, и являются осуществлением и воплощением русской национальной идеи.

И в этом и заключен ответ на вопрос, почему наступил разлад Н.С. Лескова в отношениях с консерваторами и издателем «Русского вестника» М.Н. Катковым, в этом же ответ, почему не смог сойтись Н.С. Лесков с Н.Я. Данилевским.

Либеральные и радикальные попытки интерпретировать характеры и образы Лескова предпринимались более часто, но и они не имели особого успеха.

Николай Семенович Лесков не вписывается в однолинейность схем и поэтому не учитывается ими.

4.

Мысль Даля, что русский язык оказался более приспособленным для переводов с западных языков, чем для выражения собственных национальных мыслей, достаточно точно указывает на истоки нашего 1991 года.

Конечно же, не в наших скорбных для русской славы десятилетиях, и даже не в советскую эпоху следует искать корни наших нынешних бед, но очевидно и другое. Мы видим, что с каждой сменой общественной формации в нашей стране, превращенной в страну революций, происходит не возвращение ее на свой национальный путь, а еще большее отклонение на ложную, ведущую к гибели дорогу.

И если в советскую эпоху, в минуту наивысшей опасности, руководитель страны, забывая о лживой марксистско-ленинской фразеологии, мог перейти – вспомните знаменитое «братья и сестры!» – на усвоенный еще в семинарии язык спасения, то произойдет ли такое с нынешними руководителями, которые не стесняются признаваться, что они скачивают себе Гоголя из интернета, – не известно.

Не известно и то, сумеем ли мы сами услышать сейчас адресованные нам спасительные слова...

В современной прозе, ориентированной, так сказать, на русско-букеровскую тусовку, проблема современного состояния страны

разрешается сейчас в поэтике садистского гуманизма, столь характерного для этого литературного направления: Россия, слава Богу умирает, и поэтому не мешайте ей умирать.

Иногда эта мысль приобретает, как в прозе Германа Садулаева, некую чеченскую заостренность: «нам, чеченцам, с нашей повышенной пассионарностью... нужны новые жизненные пространства. И эти пространства, дарованные нам Всевышним Аллахом, да будет Он милосерден к нам – все земли России. Русский народ вымирает, каждый год коренное население России сокращается на миллион. Если русские земли не заселим мы, это сделают другие, те же китайцы...»², иногда, как в прозе Захара Прилепина, вроде бы вызывает протест со стороны героев...

На русофобскую проповедь преподавателя Безлетова: «Ты никак не поймешь, Саша, – здесь уже нет ничего, что могло бы устраивать. Здесь пустое место. Здесь нет даже почвы. Ни патриархальной, ни той в которой государство заинтересовано, как модно сейчас говорить, гео-поли-тически. И государства нет... Не надо ничего делать. Потому что пока рас-се-яне тихо пьют и кладут на все с прибором, все идет своим чередом. Водка остывает, картошечка жарится. А как только рас-се-яне вспомнят о своем, завалившемся под лавку величии, о судьбах Родины, о... о чем вы там все время говорите?.. тогда вы начнете пускать друг другу кровя...» – герой романа «Санька»³ отвечает, дескать, не нуждается он ни в каких национальных идеях, поскольку «революция» и «Россия» – это равнозначные и равновеликие понятия. Россия не мыслима вне революции и без революции.

Критики почему-то считают героя Прилепина типажом из народной глубинки, схожим с шукшинскими разинами и суразами, не замечая, что переполненный, как отмечается в отзывах, «жгущей его изнутри жаждой справедливости», герой нигде не работает и

2 Герман Садулаев. Пурга, или Миф о конце света. Повесть, рассказы. Москва Вагриус. 2008.

3 Захар Прилепин. Санька. Роман. М. ООО «Издательство AdMarginen», 2007.

по сути дела паразитирует со всеми своими революционными порывами на старенькой, надрывающейся на работе матери.

Прилепин уводит, конечно, сопутствующие такому образу жизни переживания и отношения за пределы романа, а динамичная, составленная из погромов и драк с милиционерами и собровцами сюжетная линия помогает ему скрыть обман, но думается, что не только этим объясняется прочность искусственно сконструированного персонажа.

Главное в том, что, погружая своего героя в мир разрушенных нравственных ориентиров, автор и сам, словно бы не замечая их отсутствия, ловко перенацеливает энергию народного протеста с истинных причин несчастий на нечто второстепенное, сопутствующее этим несчастьям...

Вместо воспитания братолюбия предлагается воспитание, взращивание ненависти.

Вместо отказа от революционной мифологии, которой забивали и продолжают забивать головы, предлагается замыкание в этой мифологии.

Для меня роман «Санька» интересен именно этим незапланированным автором художественным итогом.

Увы... Когда современный человек берется выдавливать из себя раба в условиях нестесняемой никакими нравственными ограничениями свободы, он действительно выдавливает из себя раба Божия, человека, полностью доверяющего Богу и в подчинении своем Ему видящего наилучшее средство к совершенствованию, потом неизбежно он выдавливает из себя и гражданина своей страны, и что от него тогда остается?

Для Федора Михайловича Достоевского, например, юбилей которого мы тоже отмечали в этом году, православие было светом, освещающим тот страшный материал человеческих душ, с которым он работал. Для нынешних писателей и православие, и русский патриотизм зачастую становится только материалом, в котором они реализуют свои сумрачные идеи...

5.

Тут самое время вспомнить еще об одном предстоящем нам в ноябре этого года трехсотлетнем юбилее – юбилее Михаила Васильевича Ломоносова.

Когда Вл. Даль говорил о стараниях классиков, приспособивших русский язык для удобства переводов с языков западных, он как раз Михаила Васильевича Ломоносова и имел в виду.

«Со времен Ломоносова, – писал он, – с первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодке, продолжают труд этот с насилием и все более удаляются от истинного духа языка».

Но трагедию натяжки русского языка по римско-германской колодке сам Михаил Васильевич Ломоносов и сформулировал в своей разошедшейся по историческим анекдотам просьбе императрице пожаловать его в немцы.

Понятно, что Михайло Васильевич этой просьбой обличал засилье немцев в русской науке, но содержалось в иронической просьбе великого ученого и прямое значение.

Если бы немцами назначали, Ломоносова следовало бы назначить немцем вперед Шумахеров и Миллеров. Он вполне соответствовал немецкой культуре, многое из неё перенес на русскую почву, и далеко не всегда на пользу этой самой русской почве.

Поразительно, но невозможно найти ни одной страны в мире, где само понятие патриотизма подвергалось бы такому злобному и беспощадному шельмованию, как у нас в России...

Нечистоплотные телевизионные затейщики этого прикрываются порою чуть ли не державными идеями. Дескать, если не сдерживать рост русского патриотизма, то, что станет с целостностью Российской Федерации, населенной великим множеством больших и малых народов.

При этом они забывают, что само понятие русского патриотизма распространяется на все народы, населяющие нашу страну.

Причем касается это не только коренных народов, с которыми русские люди связаны

историческим, духовным и кровным родством, но и народов, появившихся в нашей стране всего несколько столетий назад. Представители этих народов, не теряя своих национальных особенностей, **в русскости** реализуются порою гораздо полнее и глубже, чем замыкаясь внутри своей национальности.

Свидетельство этому – диалог, который как-то сам по себе выстроился в нашей истории между двумя великими деятелями русской науки и литературы...

Коренной, холмогорский русак Михайло Васильевич Ломоносов просит государыню пожаловать его в немцы.

Ну а Владимир Иванович Даль печалился, что мы перестали понимать смысл народных пословиц, и одно только это делает его, человека, происходившего из немецкой семьи, величайшим русским патриотом...

Погружаясь в светочно-духовные глубины языка, созданного православным народом, Владимир Даль через язык и воцерковился и стал православным человеком. И таинство Крещения было лишь завершением того, что совершалось с ним всю его жизнь.

Но сейчас для нас важно другое...

Поразительно, но и самим своим немецким, неправославным происхождением Владимир Иванович Даль обличает бесстыдство аргументации шельмователей русского патриотизма.

6.

Как же должно осуществляться противостояние этим шельмователям? Наверное, важную роль в этом могла бы сыграть литературная критика. Но вот вопрос, какие критерии необходимо заложить в фундамент этой критики, чтобы она стала созвучной времени?

Совершенно очевидно, что литературная критика, которая относится к разрушению нравственности как к чему-то второстепенному, и базируясь якобы на эстетических принципах, составляет различные групповые списки и рейтинги. Увы,

ни о чем эти списки и рейтинги не свидетельствуют, разве только о том, как легко при анализе современной литературы применить эстетические критерии групповыми интересами и симпатиями.

Гораздо продуктивнее выдвинуть в качестве критерия оценки художественного произведения принцип, лежащий в основе русской классической литературы, всегда так или иначе занимавшейся темой спасения своей души или погубления ее.

Можно было бы усовершенствовать это предложение принципом, сформулированным Аввой Дорофеем, который предлагал достаточно простой способ определения: движется человек к Богу или же удаляется от Него. Если возрастает в человеке любовь к ближним, если сближается он с ними – он на верном пути, он приближается к Богу. Если человек удаляется от ближних, он удаляется и от Бога.

И все же созвучнее общественному восприятию будет оценка литературного произведения в соответствии с тем, удастся или не удастся его автору выразить те самые невыраженные национальные мысли, о которых говорил В.И. Даль. Или же он, подобно многочисленным предшественникам, посвящает весь свой талант лишь переводу русской жизни на иностранные языки, укладке ее в зарубежные схемы?

7.

К сожалению, литература наша переживает сейчас системный кризис, обусловленный утратой русским читателем веры в возможность современного писателя прорвать глухое безъязыкое отчаяние современной жизни.

Но это не освобождает нас, так или иначе причастных к созданию литературных произведений от обязанности прилагать все силы для преодоления хаоса, захлестывающего страну, для воссоздания в общественном сознании системы нравственных координат, ограничивающих личный эгоизм и своеволие.

И если попытаться вообразить, что А.П. Чехов писал бы свое письмо не 7 января 1889 года, а столетие спустя, легко допустить, что он посоветовал бы своему адресату написать рассказ о человеке, очарованном лукавыми голосами и принявшемся капля за каплей выдавливать из себя все, что ограничивает его личную свободу. И вот в одно прекрасное утро этот человек видит себя никому не нужным посреди огромной разоренной страны. И человек этот понимает, что не о выдавливании из себя раба следовало бы думать, а о той величайшей свободе быть православным человеком, быть рабом Божиим, быть патриотом своего Отечества, которое так и было выстроено за тысячелетие его православной истории, что спасение собственной души и спасение своей Родины всегда совпадали здесь между собою.

Вполне можно допустить, что великий мастер художественной литературы А.П. Чехов именно этот совет и дал бы сейчас своим коллегам литераторам. И уж без всякого допущения, совершенно определенно можно утверждать, что реализованная в художественном тексте эта история и стала бы событием в современной литературе.

Ноябрь, 2011

*Санкт-Петербург – Ракитное,
келья отца Серафима (Тяпочкина)*

Виктор Тростников,
*писатель, ученый, философ,
профессор Российского Православного
Университета им. св. Иоанна Богослова.*

Просветить – значит вооружить

Исходный тезис

Православное миссионерство и школьное обучение суть два вида одной и той же деятельности – распространения знаний. В истории не было такого государства, которое не придавало бы этой деятельности первостепенного значения. Причина в том, что знание – сила, и приобщая граждан к знанию, государство делает общество, на которое опирается, более сильным, а значит усиливается и само. Однако силой является только истинное знание, если же государство исповедует ложь, оно подрывает этим собственные устои и обрекает себя на падение. Государство, пытающееся утвердить свой режим на ложной идее, подобно человеку, строящему дом на песке. «И пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налетели на дом тот; и он упал, и было падение его велико» (Мф 7, 27). На дом напирают воды рек, на государство напирает поток жизни, ход истории, вступающий в противоречие с тем, чего ожидала от истории ложная доктрина, и возникает верный предвестник падения кризис – агония, после которой неизбежно наступает гибель. В этом утверждении и состоит наш основной тезис, который убедительно подтверждается историей христианского мира.

Разумейте, языцы и покоряйтесь

В первые столетия нашей эры, уже после того, как принявший на Себя человеческую плоть Сын Божий был распят, воскрес и вознесся к Отцу, его учение стало неудержимо распространяться по всей Римской империи. Для нехристиан, особенно для образованных, этот факт казался удивительным и совершенно непонятным. Нет ему единого объяснения и у современных историков. Богословы усматривают здесь действие Святого Духа, сошедшего на учеников Христа в день Пятидесятницы и пребывающего с тех пор в основанной Им Церкви. Но на это можно возразить, что свидетелями чудес, творимых Христом и Его учениками, была относительно небольшая группа людей, которые к моменту массового распространения христианства уже давно умерли. А благодать, получаемую в таинстве крещения, имели очень немногие, так как в то время было принято креститься только в конце жизни, так что большинство христиан были оглашенными.

На самом деле феномен не только не представляет собой ничего загадочного, но был вполне естественным и закономерным. Чтобы объяснить его, надо сделать всего лишь очень простое предположение, которое почему-то не приходит в голову истори-

кам: что христианская жизнь имеет в самой себе нечто очень привлекательное, и тот, кто её изведает, уже не променяет эту жизнь ни на какую другую. Вот так, опытным путём познавая несравненную радость жить по слову Божию, всё большее и большее число людей покорялось этому слову. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше, и постепенно вся Империя перешла туда, где лучше – стала христианской, а за нею начали принимать христианство и окрестные варвары.

Первое отступление от истины

В пустыне Христос был искушаем дьяволом. «Тебе дам власть над всеми царствами и славу их, если ты поклонись мне» (Лк 4, 6).

Иисус устоял перед соблазном, ответив «Отойди от Меня, сатана». Но хвостатый не унялся. Через несколько веков точно с таким же искушением он подступил к западной (католической) Церкви, склоняя её к тому, чтобы, воспользовавшись раздробленностью феодальной Европы, взять в свои руки не только духовную, но и политическую власть над «всеми царствами» и овладеть их богатствами. И, в отличие от Христа, западная Церковь перед этим соблазном не устояла. Для того, чтобы обосновать свою претензию на владение не только душами, но и телами своей паствы, ей пришлось изменить некоторые догматы, и так в учение, на котором была основана европейская жизнь и которое продолжало именоваться христианством, вошёл элемент лжи. В соответствии с нашим основным тезисом, надо было ожидать, что католическая система жизнеустройства скоро войдёт в фазу кризиса, а затем и рухнет. Так оно и произошло.

Расплата

Кризис католического мира начался с движения, которое называется Возрождением, имевшего откровенно антицерковный характер. Беда была в том, что папская Церковь, озлобившая тогдашние элиты жадностью и властолюбием, ассоциировалась в сознании людей с христианской религией,

поэтому «возрождаться» в этом движении стала не апостольская вера, что было бы правильно, а античное язычество, в частности, культ человеческого тела. В XIV – XV веках, пока эта тенденция проявлялась только в искусстве, Западная Церковь не применяла карательных мер, предпочитая огромными гонорарами склонять художников гуманистического направления работать на себя. Яркий пример такого подкупа – Микеланджело, всю жизнь выполнявший заказы Ватикана. Но это была опасная игра. Взгляните на фреску Микеланджело «Страшный суд» в Сикстинской капелле.

Христос изображён на ней могучим атлетом, подобным римскому гладиатору; автор фрески явно любит не духовной его составляющей, а плотской – его мышцами. Тем не менее это Судный День, назидающее пастве, а оно на руку католикам. Но всякий компромисс неустойчив, пришёл конец и этому. От эмоциональных итальянцев эстафету антиклерикализма приняли фундаментальные немцы и в начале XVI века устами Лютера заявили, что Церковь с её «таинствами» вообще не нужна и каждый христианин может быть сам себе и священником, и толкователем Библии. Вся северная Европа запылала от этой искры, будто только её и ждала. Для борьбы с протестантизмом Святой Престол создал подрывную спецслужбу – орден Иезуитов, – затем развязал Тридцатилетнюю войну, но это была уже агония. После эпохи Просвещения, прошедшей под лозунгом Вольтера «раздавить гадину» и Великой Французской революции этой «гадине», т.е. католической Церкви, пришлось сильно съёжиться и уступить главенствующую позицию на геополитическом пространстве протестантской цивилизации.

Хотим сами быть как боги!

Человек обладает свойством хорошо забывать старое и считать его новым, следовательно, привлекательным. Адам и Ева забыли печальную судьбу Люцифера и повторили его бунт против Бога. Вави-

лонские столпотворители забыли судьбу Адама и Евы и повторили их претензию первенствовать не только на земле, но и на небе. Протестанты забыли о бесславном конце обеих этих затей и снова захотели поставить себя в центр мира, отозвав оттуда Бога. Но при этом они не решились публично от Него отречься и говорили: мы верим во Христа, мы любим Его, Он живёт в нашем сердце, но земную жизнь мы должны обустроить самостоятельно – Бог-то Бог, да сам не будь плох.

Во всех трёх случаях из человека выплывало наружу одно и то же: самонадеянность и гордыня. Но ответ на это был неодинаковым – Господь не повторяется. Адама и Еву Он физически изгнал из рая; вавилонянам разделил языки, и, перестав понимать друг друга, они не смогли достроить свою башню. А к отпавшей от Него Европе Бог не стал применять никаких карательных мер: вы хотите жить по своему собственному разумению – живите, посмотрим, что из этого получится. Так начался попушенный Богом грандиозный эксперимент, продлившийся более пятисот лет и составивший эпоху, которую историки называли «Новым Временем», или «Модерном». Творец не только дал протестантам полную автономию, но и содействовал её утверждению, предоставив в их распоряжение огромный североамериканский континент, где они могли устраивать своё бытие как считают правильным, отряхнув с себя прах религиозной традиции.

Упование Нового Вавилона исключительно на природные возможности человека повлекло за собой отказ от всего сверхъестественного, что привело к материализму и рационализму, а ликвидация Церкви с её соборным началом привела к индивидуализму. На этих трёх основах и начала развиваться протестантская цивилизация, получившая второе название «западной», ибо находилась на западе по отношению к четырём другим великим цивилизациям – русской православной, исламской, индийской и дальневосточной.

Итог эксперимента

За первые четыре столетия Нового Времени Запад добился впечатляющих внешних успехов. Материализм заставил его сосредоточить всё внимание на проникновении в «законы природы», а рационализм позволил создать необходимый для этого математический аппарат. Третья составляющая протестантской цивилизации – индивидуализм – породила конкурентный капитализм, провозгласивший: «пусть каждый заботится о своём кармане, и тогда всем будет хорошо». И хотя многие и тогда не считали, что в капиталистическом обществе всем стало хорошо, бесспорно было одно: оно оказалось способным производить неслыханное до этого по количеству и качеству обилие материальных благ. Эти блага были осязаемыми и зримыми, поэтому цивилизации, не умевшие их производить, поклонились Западу как лидеру и благодетелю, в результате чего мир стал однополярным. Это явилось главной характеристикой Модерна, так что его можно отождествить с однополярностью. На правах хозяина Запад создал колониальную систему, с помощью которой ещё больше обогащался и усиливался.

Казалось бы, чего ещё можно желать? Люди стали как боги, идеальный уклад жизни найден. И теперь остаётся только растолковать прелести этого уклада отстающим от Запада народам, помогая им встать на путь прогресса. Но вот незадача: этот уклад начинал не нравиться всё большему числу людей, и не только за пределами западного мира, но и внутри него. Причина этого очень проста: подробно изучив законы внешнего, материального мира, Западная цивилизация совершенно перестала понимать законы внутреннего мира человека; научившись удовлетворять потребности плоти, она разучилась удовлетворять потребности души. Само понятие души вначале было ею упразднено, и человек приравнялся к сложному автомату, а затем его вернули, но только для того, чтобы свести к «рефлексам», «запечатлениям» или ещё каким-нибудь

понятным материалисту категориям. Но и они известны только профессиональным психологам, а мироправители ничего о них не знают и, желая осчастливить человека, пытаются осчастливить не его, а некое воображаемое «потребляющее животное» (consuming animal), каковым реальный человек не является. Все политические деятели Запада и зоны его влияния обещают избирателям только одно: развитие экономики и рост материального благосостояния. Но это тупиковый путь, ибо не хлебом единым жив человек. Как бы ни возрастал средний доход населения, всегда будут те, у кого он меньше, и те, у кого больше, и первые будут завидовать вторым и чувствовать себя несчастными, а достигшие высшего благосостояния и комфорта обнаружат, что самыми лучшими годами их жизни были те, когда они, преодолевая трудности и во всём себе отказывая, «выбивались в люди», а теперь, когда у них есть всё, жизнь для них потеряла смысл. Установка «пусть каждый печётся о своём кармане» на деле привела не к тому, что всем стало хорошо, а к тому, что всем стало плохо. Система ценностей, в которой высшее место занимает доллар, основана на ложном представлении о потребностях человека, а потому она оказалась песком, и возведённое на ней здание западной цивилизации рано или поздно должно было упасть. Признаки того, что его падение уже не за горами, сегодня налицо. Это – глобальный кризис, который происходит не только в экономике, но и во всех сферах жизни, выражающийся в брожении умов и росте антизападных настроений.

Наступает время России

Эксперимент по проверке самодостаточности человека показал, что человек не самодостаточен, что оптимально организовать свою жизнь самостоятельно он не способен. Рецепт счастья, выписанный Западом человечеству, не подействовал, и человечество, убедившись в этом, бурлит и волнуется: ему нужен действенный рецепт, но оно не знает, у кого он есть.

Этот рецепт есть у России. Она получила его по наследству от Византии, Византия – от христиан Рима, христиане Рима – от апостолов, а апостолы – от Того, Кто сотворил человека и потому лучше кого бы то ни было знает, как устроена его душа и каковы её истинные потребности. Руководствуясь в своём жизнеустройстве этим бесценным рецептом, Русь из улуса Золотой орды превратилась в могучую державу, раскинувшуюся на одну шестую часть суши, и создала великую культуру. Правда, в последнее время этот рецепт был ею основательно подзабыт, и она снова стала съёживаться. Но бесценное знание о том, как нужно жить человеку, Россией полностью не утрачено, как утрачено Западом, – оно сохраняется в богословии Русской Православной Церкви, в русской литературе и русском искусстве, в глубинах народного сознания, различающего добро и зло всё ещё по евангельским критериям. И наше историческое предназначение состоит в том, чтобы поделиться этим знанием с остальным человечеством, ибо только оно может вывести его из тупика. Но прежде этого нам надо достать его из-под спуда, стряхнуть с него пыль и первыми им воспользоваться, демонстрируя его действенность. Это и будет осуществлением той промыслительной миссии России, о которой постоянно говорили самые чуткие её сыны, включая Достоевского, не указывая конкретно, как и когда она будет выполнена. Сегодня это проясняется. Выполнить её можно только совместными действиями государства и Церкви, которые, только начавшись, сразу же найдут поддержку народа. Государство должно решительно пресечь западническую реформу образования и сделать главными предметами в школах русский язык, русскую литературу, отечественную историю и основы православной культуры. Церкви же следует широко развернуть миссионерскую и катехизаторскую работу, убедив государство, что субсидировать её так же важно, как и вооружённые силы.

Владимир Блохин,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России РУДН*

Наследие князя Владимира и современность

В истории нечасто происходят события, выходящие за рамки своего времени. Они определяются и описываются отнюдь не научными критериями, а могут лишь быть осмыслены и поняты в свете иных масштабов и измерений, категорий вечности. Тогда такие исторические факты становятся как-бы внеисторичными. Они не укоренены в материальных предметах, не следуют логике повседневной жизни и относятся к явлениям духовного плана. Таким фактом национального духа нашего народа являются деяния великого равноапостольного князя Владимира, которым недостаточно и неправильно давать лишь какую-то отстраненную и рациональную оценку. Все, что сделал святой Владимир, связано с фундаментальным, главным в исторической судьбе нашего народа, наиболее существенным в нашей культуре.

Что в наследии Владимира Святого для нас значимо и актуально? Каждая цивилизация, «высокая культура» имеет свою идею, свое ценностное ядро. Для античных греков – это идея «героя», для китайцев – «срединное царство», для евреев – богоизбранность, а для русских и всех православных – вера в живого Бога, Христа, то есть в

Того, Кто по сути и являлся на протяжении веков русской национальной идеей. Конечно, еще до Владимира мы узнали о христианстве. По преданию апостол Андрей благовествовал на Руси, а великие славянские учителя Кирилл и Мефодий по призыву константинопольского патриарха Фотия осуществляли свои судьбоносные миссии в Хазарию и Моравию. Именно они крестили «неких русов числом более ста» в Хазарии. Мудрейшая Ольга (Елена) крестилась в Царьграде. «Ручеек» христианской веры был еще слишком мал, чтобы открылись языческому сознанию пространства духовного моря. Лишь князь Владимир поставил государственную задачу обрести христианскую веру, открыть смысл исторического существования народа.

Для нашего народа и всей русской цивилизации христианство стало не просто обрядом, не только живой верой, но и самым способом жизни, сформировавшим устойчивые черты характера и политико-правовые идеалы. Лев Александрович Тихомиров, консервативный мыслитель и богослов, справедливо отметил: «Христианское воззрение на власть на Руси развивалось Церковью чище и последовательнее, чем где бы то ни было,

именно потому, что православие явилось нам не в процессе раскрытия, а уже вполне выясненным. Его влияние на умы народа налагалось стройно, без всяких колебаний, без тени противоречий и всесторонне, так, что одна и та же идея освещала русскому христианину все его отношения: личные, семейные, общественные и политические.

Наиболее красноречивый пример этого христианского света – одухотворенный смысл русской литературы, национальной общественной мысли. Дух искания Абсолюта и святости, возвышающие стремления к справедливости и состраданию, – все это пронизывает нашу культуру. Александр Пушкин, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев, Иван Ильин. Какие имена, какая нравственная сила! Их всех не перечислить на Святой Руси, но всех, приобщенных к православию, объединял поиск ответа на главный вопрос жизни – «Как жить свято»? Ошибочно думают, что «русские вопросы» – это знаменитые «кто виноват» и «что делать»? Так мыслила в России прозападная образованная часть общества, которая видела решение общественных проблем лишь в изменении внешней среды, институтов и обстоятельств. Она винила власть в деспотизме, народ в апатии и политической отсталости, но при этом не задавалась вопросом о собственной нравственной чистоте и, как следствие, нередко указывала обществу ложные пути развития.

Принятие Русью христианства было моментом принципиального духовно-исторического выбора. «Русь приняла крещение от Византии. И это сразу определило ее историческую судьбу, ее культурно-исторический путь», – констатирует о Г. Флоровский. А это значит, русские осознали смысл истории, увидели великое место своей Родины в историческом развитии народов. Мы стали ощущать себя частью мировой истории. Некоторые современные философы и ученые в трактовке истории до сих пор следуют прогрессистским постулатам о безликой модернизации, в результате которой создан «совершенный мир» с его автономной

свободой, политической демократией, формальной и внешней по отношению к человеку. Признаком современного запада отныне стал нравственный релятивизм, когда «все дозволено», при котором уже нет святости, нет овеванного божественным Духом абсолютного идеала человека. Западный мир, похоже, утратил абсолютное, божественное мерило бытия, став нехристианским и даже антихристианским. Этот факт уже почти не скрывается. Немного зла, немного добра, границы размыты и... нет человека! Как ни покажется странным, но великое демократическое общество запада становится всё более бесчеловечным в своей основе, поскольку человек в нем понимается не как духовно-телесная сущность, а рассматривается в качестве инструмента (или функции) реализации обезличенной идеи свободы и прогресса. Как тут не вспомнить фразы неуслышанного пророка К.Н. Леонтьева о нашей побирающейся «под западными окнами» (И.А. Ильин) интеллигенции: «Любят человечество, а человека не ценят вовсе»!

Святой равноапостольный князь Владимир в своей жизни стремился к справедливости. Общественный идеал христианства – идеал справедливого государства, идеал, «вытекавший из христианского понимания общих целей жизни. Он соответствовал не одним целям концентрации сил для внешней борьбы... но вообще целям жизни, как их понимал русский человек». «Ты, – говорили церковные учителя святому Владимиру, – поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милованье». Князь поставлен Богом! Это не сила толпы, не богатство и влияние лучших людей: это власть, указанная свыше», – отмечал Л.А. Тихомиров. И сегодня императив христианской справедливости для нас актуален как никогда. До сих пор разъедает нашу жизнь коррупция, сильные не замечают слабых, люди унижены бедностью, а честный труд не всегда является мерой справедливости.

В то же самое время на наших глазах меняется жизнь: стараниями власти, творческо-государственной части элиты мы ушли

от страшных 1990-х гг., сократилось число бедных, государство внимательно следит за своими социальными обязательствами, по мере возможности идет по пути социального государства. Стали заметны и духовные перемены. Пятнадцать лет назад трудно было помыслить о необходимости сохранения культурной идентичности и духовной свободы русского народа, о государственной защите христианства.

Совсем недавно вал не самой качественной западной культуры, антихристианских теорий, крайнего индивидуализма, эгоизма и нетерпимости буквально «накрыл с головой» наш народ. Квазилиберальные СМИ всеми силами пытались вытравить все святое из русской души, сея ненависть к истории страны, к самой России. Все это делалось либо в виде прямой лжи и насмешливо-скептического ерничанья, либо путем культурно-духовных провокаций в виде многочисленных скандальных «перформансов». Пена сходит, и наступит момент, когда она сойдет окончательно. Нам останется только удивляться воспоминаниям о бессильно-злобных потугах наших «заокеанских друзей» и местных прозападных радетелей.

Что может быть сегодня залогом уверенности в нашей победе, в том, что наследие святого князя Владимира восторжествует? Ответ хранится в нашей истории, в опыте великих побед и свершений, когда русский народ с точностью мудреца находил единственно верные решения.

С момента исторического выбора князя Владимира началась борьба за Русь – Россию. На протяжении всей истории своего существования ей пришлось защищаться от двух опасностей: агрессии внешних сил и внутренней антихристианской угрозы. Историк Василий Ключевский подсчитал, что каждый второй год в истории России был годом военной опасности. Эти войны были за «выживание», русский народ боролся за свою землю, дома, семьи, за свою веру, своего Бога.

Исторические параллели и сравнения бывают уместными. Примерно с VIII века,

после битвы при Туре, когда франки оставили сарацин, Западная Европа в течение тысячи лет не знала внешних вторжений и опустошающих войн. Европа богатела, торговала, прирастала капиталами, строила красивые города, в спокойствии созидала науку, стремясь «прочитать мысли Бога» (по словам Альберта Эйнштейна). Не отсюда ли проистекает высокомерное самодовольство Запада, его стремление рассматривать мир сквозь призму «прометеевского человека» и желание посредством «воли к власти», техники и науки навязывать миру свой порядок? Испанские каравеллы бороздили океаны, раздвигая горизонты мира, чтобы не только дойти до предельных границ, но и ограбить слабых. Колониализм – страшный грех, преступление западного человека, последствия которого человечество ощущает по сей день. Складывался этот миропорядок в эпоху языческого Возрождения, как раз тогда, когда стали забываться христианские основы европейской цивилизации.

Но Россия всегда побеждала. Святой Александр Невский остановил рыцарей-псов на льду Чудского озера. Больше двухсот лет длилось монгольское иго. Только вдуматься: демографические потери составляли 10% населения, страх опустошал, обессиливал душу русского человека. И вот оно сброшено Дмитрием Донским и Иваном Великим, когда святой Сергей Радонежский пробудил национальное сознание народа, вдохнул надежду, укрепил веру и волю к победе!

В годы Смутного времени, когда польские захватчики взяли Москву, а политическая власть в полной мере оказалась прогнившей, только Церковь в лице Святейшего Патриарха Гермогена воззвала народ к борьбе за свободу. Можно вспомнить множество ратных и героических подвигов, они были массовыми. Это и Отечественная война 1812 года, и Первая мировая, и Великая Отечественная война 1941-42 гг. Всюду инициатором войн и агрессии выступал антихристианский Запад. И всегда Россия побеждала! Это ли не доказательство правоты наследия князя Владимира?

Отказ от света христианской веры и культуры породил самые страшные социальные теории на Западе – марксизм, основанный на социальной ненависти, фашизм, основанный на ненависти национальной. Два кумира, два идола Запада стали символом дегуманизации человечества – Карл Маркс и Фридрих Ницше. Именно Маркс в середине XIX века призывал к общеевропейской войне против России, а затем, в XX веке марксизм служил государственной идеологией СССР, во имя которой в жертву приносились судьбы миллионов крестьян и самой Церкви, уничтожена была историческая Россия. Второй, Ницше, вдохновлял белокурых немецких парней в 1941 году беспощадно уничтожать нашу родину.

Особенно хотелось бы сказать о последней Великой Отечественной войне, 70-летний юбилей которой мы сейчас отметили. Пора отбросить ненужную и нечестную политкорректность. Против нас воевала не только Германия и ее прямые сателлиты, но почти вся Европа. Из 350 дивизий Вермахта 100 дивизий были не германскими. На стороне фашизма воевали венгры, итальянцы, румыны, голландцы, французы, болгары, норвежцы, финны и др. Есть сомнения в том, что и завтра они не встали бы на стороне известного мирового жандарма.

Мы обязаны сегодня защищать память последней войны. Современный враг воюет не копьями и мечами, его оружие – это ложь, подтасовка фактов, подмена понятий. Эта война опасна, потому что носит духовный характер, и порой очень трудно разглядеть не только окопы, но и рубежи неприятеля. Почти не видно линии разграничения, потому что под видом правды подбрасывается вранье, и делается это убедительно, хлестко, бездоказательно, как будто все давно решено.

Поветрие времени – стремление завысить количество жертв, доказать, что СССР выиграл войну «забрасыванием трупов». Уже слышатся такие странные заявления, что если бы мы не выиграли войну, то хорошо бы жили. Воистину, либо подлость,

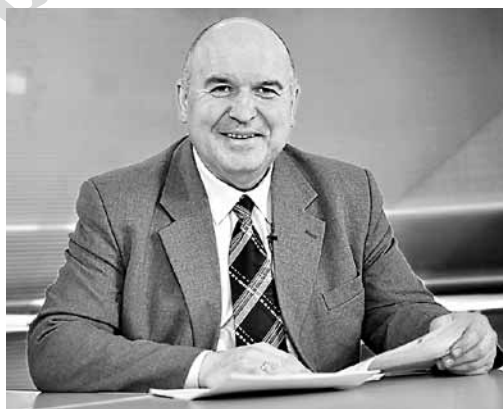
либо глупость. Второе явно не наблюдается. Напомним в этой связи план геноцида народов СССР – «План Ост». Почему именно сегодня стали забывать страшные вехи «холокоста»?

Видимо, западным пропагандистам и их «псевдолиберальным» друзьям очень хочется сформировать представление о русских солдатах, выигравших войну, как фанатиках. При этом, как заученная мантра, повторяется тезис о культурной и технологической отсталости страны. Но как тут не вспомнить, как либерально-передовая Франция была разгромлена вермахтом за две недели, а Британия окопалась на островах? Какие слова нужны, для осознания такого важного факта, что СССР победил всю Европу с ее технологиями, прогрессом и передовой культурой. Какие нужны примеры силы человеческого духа, чтобы осознать, что женщины, старики и 500 тыс. советских детей произвели промышленной продукции больше, чем вся Европа, а великая империя демократии, США, открыла второй фронт лишь тогда, когда поняла, что фашизм будет побежден и без ее участия?

Видится какой-то глубинный смысл в том, что в год празднования Победы в Москве у исторического Кремля возводится памятник святому равноапостольному князю Владимиру. В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона есть такие строки:

«Восхвалим же и мы, – по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, – свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».

И этот призыв святителя Илариона, который был современником равноапостольного князя Владимира, мы должны помнить всегда!

Виктор Овчинников,

член-корреспондент

Международной Кирилло-Методиевской академии,

член Общественной палаты

Центрального федерального округа,

заместитель председателя

Общественной палаты Белгородской области,

председатель Белгородского отделения общества

«Знание» России

Солидарное общество и современные проблемы гуманизации личности

Содержание проблемы, вынесенной в название доклада, является сложным и малоизученным. Если разработка проблематики солидарного общества применительно к нынешнему состоянию российского общества имеет непродолжительную историю в несколько последних лет, то современные проблемы гуманизации личности всесторонне рассматриваются уже полтора века.

Исходная позиция, определяющая гуманизм как мировоззрение, ценностную установку, как принцип развития культуры породила, естественно, разные точки зрения на понимание гуманизма.

В научном мире получило широкое хождение определение гуманизма как исторически изменяющейся системы воззрений, признающей ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей.

Зачастую гуманизм сводится к проекту *человеческого общежития*, в котором реализуются общечеловеческие ценности.

Казалось бы, проект (стратегия) формирования солидарного общества очень близок по замыслу проекту гуманизации. Но это только на первый взгляд! Учитывая то, что проект солидарного общества реализуется не как матрица для всех, а имеет конкретную привязку к конкретной территории, кон-

кретному населению, конкретному укладу, он может быть реализован только на основе традиций и ценностей конкретного сообщества, а не на абстрактных общечеловеческих ценностях. Это фундаментальное отличие приводит и к различным результатам, ибо и чистого гуманизма нет.

Несколько слов об истории проблемы. До середины 19 в. понятие «гуманизм» ассоциировалось с гуманизмом эпохи Возрождения или же с другими культурными течениями. Впервые термин «гуманизм» в значении определенного взгляда на жизнь появился у датского философа Габриэля Сибберна в книге «О гуманизме» (1858 г.). В середине 1910-х гг. новые трактовки гуманизма Скотта Шиллера (Великобритания) и Джона Дьюи (США), состоящие в том, что гуманизм должен исходить из идеи целостности человеческой природы (симпатий, интересов, желаний), а не только из интеллекта, логики или разума, стала использовать американская унитарная церковь, отрицавшая догмат о Троице, учение о грехопадении и таинства. Американский религиозный гуманизм использовался для борьбы за демократизацию религиозных институтов. Для многих проповедников демократической религии главная цель человека состоит в том, чтобы содействовать человеческому благополучию «здесь и теперь».

В 1920-е гг. в Западной Европе и США гуманистами стали именовать себя «свободолюбивые люди», рационалисты, агностики, атеисты, считая, что название «гуманист» точнее всего передает суть их воззрений. Это гуманистическое движение составили в основном так называемые «этические общества». Их цель состояла отделить нравственные идеалы от религиозных идеалов, которые ими объявлялись доктринами, метафизическими системами и этическими теориями. Они провозглашали цель придать нравственным идеалам независимую силу в личной жизни и общественных отношениях. Эти этические общества составили так называемый Международный этический союз, созданный в Цюрихе в 1896 г.

Рано или поздно, но гуманисты должны были изложить свои взгляды, и это произошло в начале 1930-х гг. В 1933 г. появился первый «Гуманистический манифест», который подписали 34 либеральных гуманиста того времени, в том числе Дьюи, Флорид, Уилсон и другие. Он стал фактически программным документом религиозного гуманизма и объявлял о создании новой нетрадиционной гуманистической религии. В 15 тезисах провозглашалась идея о несотворенности Вселенной, признавался факт эволюции природного и социального миров, версия о социальных корнях религии и культуры. Авторы манифеста отвергали дуализм души и тела и предлагали взамен органическую точку зрения на жизнь. Они предлагали отвергнуть традиционное различие между священным и мирским. Конечно же, русская цивилизация принципиально не приемлет такого подхода. Вместе с тем нельзя не отдать должное этому поколению гуманистов, которые выразили твердое убеждение в том, что существующее утилитарное, ориентированное на прибыль общество (классическое капиталистическое) обнаружило свою несостоятельность. По их мнению, в целях справедливого управления должен быть создан социально ориентированный

коллективный экономический порядок. Также отметим, что эта идея сегодня является одной из ключевых в формировании солидарного общества. Вместе с тем это не означает, что все участники процесса формирования солидарного общества должны и обязаны подписаться под первым гуманистическим манифестом, весьма далеким от наших российских национальных традиций.

Такую позицию подтверждает и тот факт, что родиной гуманистического движения на европейском континенте в 1940-е гг. стала Голландия, где ныне половину населения составляют атеисты, а 25% совершеннолетних считают себя гуманистами. Голландское гуманистическое движение – это стройная вертикаль вплоть до региональных отделений с единственным в мире Гуманистическим университетом в Утрехте. Тот, кто изучал современную Голландию, понимает, что в довольно старом рыночном обществе (Голландская (Нидерландская) буржуазная революция была первой в мире, и рыночному обществу в этой стране более 400 лет) сегодня огромное количество противоречий и проблем.

Необходимо признать, что развитие гуманизма в первой половине XX в. было объективным процессом, но, как и другие течения, он не смог остановить наступление многих разрушающих человечество форм общественного устройства, в том числе и фашизм. В наиболее полном виде состояние гуманизма отразил американский философ-атеист Эрнест Нагель, заявив, что «человечество является «случайным событием» в истории Космоса. Натуралистический подход к реальности стал набирать силу, появились даже гуманистические премии, которые подразумевали признание семи видов гуманизма (например, позиция Уоррена Аллена Смита).

Заметный след оставил труд Корлисса Ламонта (1902-1995 гг.) «Философия гуманизма», который развивал идеи светского гуманизма, при этом достаточно часто приводил в качестве примера Советский Союз.

Его фундаментальный труд «Философия гуманизма» стала классикой натуралистического гуманизма. Его десять тезисов отразили во многом и этот тип гуманизма. Чего стоят только перлы автора: «все формы сверхъестественного являются мифом», «человек является продуктом природной эволюции». Вместе с тем, нельзя не выделить и рациональное, что может быть сегодня использовано для анализа. Например, один из тезисов провозглашает необходимость долгосрочной социальной программы, другой тезис утверждает, что индивид достигает блага, гармонично сочетая личные желания и непрерывное саморазвитие с работой, вносящей вклад в благосостояние общества и другие. В целом гуманизм Ламонта – это атеистический гуманизм. Парадокс, но относительно себя термин «атеист» он не применял, подчеркивая, что необъятность Вселенной предостерегает гуманистов от абсолютного отрицания Бога.

Отмечу, что светские гуманисты фундаментальной ценностью считают идею прав человека и потому активно стремятся создать альтернативу традиционным религиям, «не ущемляя права на самоопределение».

Результатом нового этапа развития гуманизма стал Международный этический и гуманистический союз. В настоящее время он объединяет 90 организаций в 30 странах. Ежеквартально выходит журнал «Международные гуманистические новости».

Чтобы найти консенсус и дать консолидированное определение, в 1991 г. гуманисты вывели формулу «минимальное утверждение», по которому гуманизм – это демократическая, нетеистическая (**нетеизм** – термин, который охватывает религиозные и нерелигиозные направления мысли, отличающиеся отрицанием теизма или веры в личностного бога или богов. Первоначально использовался как синоним термина секуляризм, но со временем объединил различные, в том числе и взаимоисключающие, воззрения, для которых характерен натуралистический подход, такие как агностицизм, скептицизм и атеизм. Его используют

в христианской апологетике и в теологии освобождения. Иногда употребляется как синоним термина атеизм) и нравственная жизненная позиция, утверждающая право и долг человеческих существ самим определять смысл и образ собственной жизни. Как следствие, эта позиция отрицает супранатуралистические воззрения (супранатурализм (от лат. *supra* – сверх, и *naturalis* – природный, естественный) – мировоззренческая концепция, утверждающая существование особого духовного мира; вера в особый духовный мир.) на действительность».

В 1973 г. был принят второй «Гуманистический манифест». Его подписали сотни ученых, философов, писателей, унитарийские священники, нобелевские лауреаты, среди них и три советских ученых – физик А.Д. Сахаров, математик А.С. Есенин-Вольпин, биолог Ж.А. Медведев.

В 17 тезисах, распределенных по четырем разделам, представлена гуманистическая точка зрения на смысл жизни, гражданские свободы и демократию, отстаиваются права индивида на самоубийство, аборт, развод, эвтаназию и сексуальную свободу. Как видим, гуманисты настолько зашли далеко в «очеловечивании» человека, что этот процесс по сути стал разрушать самого человека и «человеческое» в человеке. Хотя нельзя и отрицать позитивные призывы гуманистов в этом манифесте к экологическому и экономическому планированию, противостоянию ядерной катастрофе.

В Манифесте представлена свобода атеистическому, связанному с научным материализмом, а также либерально-религиозному – отрицающему традиционные религии.

Естественно, что второй манифест вызвал критику со стороны тех, кто не принял спрятанное под вывеской светского гуманизма американо-английское видение устройства человеческого сообщества. В ответ все группы критиков были объявлены консервативными религиозными группами и против них был подготовлен новый документ «Декларация светского гуманизма». Его подписали 58 видных ученых, писателей, художников,

общественных деятелей, в том числе советские диссиденты – специалист по компьютерным технологиям Валентин Турчин и биолог Жорес Медведев.

Вот как гуманисты сформулировали свою позицию в защиту светского гуманизма и манифеста: «... Данный манифест отстаивает ту форму светского (секулярного) гуманизма, которая определенно соответствует принципам демократии. Он противостоит всем разновидностям веры...».

Они назвали десять фундаментальных принципов светского гуманизма:

1. свободное исследование
2. отделение церкви от государства
3. идеал свободы
4. этика, основанная на критическом мышлении
5. моральное образование
6. религиозный скептицизм
7. разум
8. наука и техника
9. эволюция
10. образование

Зададимся вопросом, можно ли на этих принципах построить солидарное общество, где будут разрешаться острейшие противоречия в жизни людей. Не наукообразные заключения, а практика показывает, что, конечно же, нет. Все эти принципы гуманистов – социальная иллюзия, ибо все за собой несут такие противоречия, преодолеть которые может только солидарное общество.

Не избавил от ущербности светский гуманизм и новый документ 1988 г. «Декларация взаимной зависимости», которая предприняла попытку дополнить Всеобщую декларацию прав человека, принятую в ООН в 1948 г.

Последние два десятилетия ведущий теоретик светского гуманизма американец Пол Куртц. Он позиционирует себя сторонником диалога марксистов и немарксистов, гуманистов и Ватикана и т.д. Его перу принадлежит «Гуманистический манифест 2000: призыв к новому планетарному гуманизму». Появление этого документа связа-

но с утратой позиций коммунистов в мире, с распадом СССР и СЭВ, изменениями во всем мире.

Манифест в России подписали академики В.Л. Гинзбург, Н.Н. Моисеев, проф. С.П. Капица и др. Его поддержали Е.П. Велихов, Н.Г. Басов и др. Перечень подписантов опубликован в журнале «Здравый смысл», 1999 г., №13. Манифест представляет собой развернутую программу построения **глобального планетарного сообщества**.

Попытки дать новое определение гуманизма свелись к признанию позиции, высказанной шотландцем Эриком Мэттьюз. Он отмечает, что «светский гуманизм – это не какая-либо специфическая система верований, религиозная или квазирелигиозная... Он представляет собой определенное отношение к жизни... Гуманисты верят в то, что имеющаяся у нас жизнь является единственной, и мы должны стремиться сделать ее достойнее и счастливее, насколько это возможно для нас и других людей. Мы не согласны с тем, что существуют доказательства существования каких-либо богов или жизни после смерти, и мы полагаем, что должны смотреть в лицо проблемам этого мира без перспективы потусторонней помощи. Не существует необходимости иметь для жизни «окончательную цель». Жизнь может иметь столько же смысла или цели, насколько индивид стремится ей придать».

Фактически провозглашается культ индивидуальности, но, совершенно нет ответа как эти индивидуальности будут разрешать из века в век переходящие противоречия и проблемы.

Таким образом, можно констатировать, что современный западный светский гуманизм имеет пять опор:

1. гуманизм предлагает набор ценностей и достоинств, вытекающих из признания человеческой свободы и самостоятельности. Этика гуманизма противоречит этике религиозно-авторитарной;
2. гуманизм отрицает идею сверхъестественного;

3. гуманизм привержен методу исследования, опирающемуся на разум и научную объективность;
4. гуманизм обладает своей нередуктивистской естественной онтологией, основанной на научном знании;
5. делом философов-гуманистов являются не только вопросы теории, но и воплощение идей гуманизма в практической жизни.

По мнению Куртца, чтобы гуманизм завоевывал сердца людей необходимо, чтобы вначале их завоевала **евпраксофия** (прямой перевод – блаженство-практика-мудрость). Сами гуманисты признают, что пока гуманизм не станет реальной альтернативой религиозным культам, он будет оставаться одним из интеллектуальных движений.

В России Российское гуманистическое общество создано в 1995 г. (до 2001 г. Русское), которое возглавляет проф., д.ф.н. В.А. Кувакин – МГУ им. М.В. Ломоносова. Кстати, он подписал манифест-2000. С 1996 г. издается ежеквартальник «Здравый смысл: Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов». В редакционном совете немало англичан и американцев. Особый акцент российские гуманисты делают на связь гуманизма с личностью. Они утверждают, что абсолютно бесчеловечных людей не бывает и быть не может. Но нет и абсолютно, стопроцентно человечных людей. Речь идет о преобладании и борьбе в личности того и другого. Следуя за Кувакиным, публицист А.Г. Круглов (Абелев) считает, что гуманизм есть человечность, т.е. готовность строить совмест-

ную жизнь на минимуме самых простых, непосредственно ощущаемых каждым, универсальных ценностей, предоставив взгляды на все иное свободе совести». Российские гуманисты считают, что альтернативы гуманизму у нашей страны просто нет.

Участникам данной конференции достаточно хорошо известны подходы к формированию солидарного общества на Белгородчине, а также положения Стратегии формирования солидарного общества на длительную перспективу. Следует подчеркнуть, что вопрос вовсе не состоит в том, больше станет гуманизма или меньше, если мы активно включимся в процесс формирования солидарного общества. Вопрос в другом. Следует признать, что на рельсах современного гуманизма мы концептуально не решим принципиальные вопросы теории и практики солидарного общества, строительство которого необходимо осуществлять на основе православной традиции, в актуализации которой должна одну из ключевых ролей играть именно Русская православная церковь.

В этой связи, безусловно, формирование солидарного соборного общества принципиально отличается от программы современных гуманистов, сводящейся к построению глобального планетарного общества. Одновременно следует качественно изменить подходы к научно-теоретическому и практическому сопровождению начавшегося процесса формирования солидарного общества на Белгородчине, вплоть до создания НИИ проблем формирования солидарного общества.

Иван Чарота,

*доктор филологических наук, профессор,
академик Сербской Академии наук и искусств,
академик Международной Славянской Академии наук и искусств,*

*зав. кафедрой славянских литератур
Белорусского Государственного Университета*

То реальное, что препятствует идеальному Дерусификация самосознания белорусов и перспективы союза Беларуси с Россией

Заявленная тема не формальности ради вынуждает исходно выделить понятия, которые принимаются нами в качестве ключевых и опорных. В данном случае это, прежде всего, *союз/союзное государство, воссоединение/реинтеграция, объединяющая русскость...* Ими пользоваться мы должны безо всяких оглядок на то, что думают и говорят по этому поводу «внешние» – к примеру, высокочтимые Обама, Кэмерон, Олланд, Меркель, Грибаускайте или Олбрайт и ей подобные. Причем мы сами, конечно же, во всех анализах и прогнозах обязаны как можно адекватнее оценивать реальные итоги декларирующегося государственного строительства. И признать: *для союз, которые сложились на данный момент, уместно сравнение только с тем, что нынешняя молодежь называет «гражданским браком».*

Понятно, основные проблемы создания настоящего союза предопределяются суровой реальностью глобального переустройства мира. И потому никак невозможно игнорировать вопросы геополитические, оборонные, государственно-правовые,

социально-экономические, финансовые, торговые и т.д. В разных планах, к тому же, дает о себе знать вроде бы неоспоримый закон: «Бытие определяет сознание». Однако правомерно ли все сводить только к «базису», не уделяя должного внимания тому, что прежде называли «надстройкой»? Особенно если учитывать, что как раз ее важнейшие составляющие не столь резко изменчивы, не в такой степени зависимы от «потребы» геополитики и «злобы» текущих моментов.

Имеется в виду, прежде всего, общее духовно-культурно-историческое наследие, благодаря которому не только сформировалась общность наших народов, но и впредь могла бы сохраняться надежная основа для восстановления и укрепления единства. Разумеется, при условии, что мы будем действительно заботиться о полученном наследии, о сохранности основы. В противном случае не миновать той мрачной перспективы, которую часто обозначает один мой уважаемый коллега и друг – выпадения из истории, а также из многовековой общности. Будучи уверенным, что

по-настоящему великие дела не могут осуществляться без объективной критики и искренней самокритики, смею утверждать: как раз это большинством политиков, политологов, политтехнологов, идеологов и Беларуси, и России принималось в контексте общих деклараций, однако недооценивалось либо оценивалось неадекватно. За все это несет ответственность, безусловно, также гуманитарно-научная и творческая интеллигенция. И Беларуси, и России.

Если же внимательно и беспристрастно анализировать, воздействуют ли должным образом объединительные процессы на ориентиры общественного сознания, то выводы получаются отнюдь не радующими. Увы, есть все основания говорить о том, что даже усугубляется сдвиг, произошедший вследствие развала СССР; в частности, значительная часть граждан Беларуси, особенно молодежи, интеграцию общеевропейскую считает не менее привлекательной, а при этом более выгодной, нежели интеграция белорусско-российская... К тому же в РБ все очевиднее становятся результаты происходящей дерусификации – важнейшего средства дезинтеграции по отношению к РФ. Причем, если в «перестроечный» период антирусские установки открыто формулировались преимущественно имевшими радикальные взгляды деятелями Белорусского Народного Фронта, т.е. незначительной частью общества, и поэтому находились в арсенале актуально-политической риторики отдельных групп, то впоследствии они нашли достаточно широкий отклик в среде национальной творческой интеллигенции, которая влияние их и, соответственно, разделительных идей еще более распространила, умножила. И теперь антирусские настроения массовым сознанием воспринимаются уже не как чуждые «интересам белорусского народа», а наоборот, соответствующие патриотическим задачам «продолжать возрождение», «укреплять самобытность», «отстаивать суверенитет», утверждать принципы «мультикультурности» и «плю-

рализма» в противовес «российскому деспотизму»...

В связи с этим часто, и не без оснований, доводится слышать возражение: мол, простой народ-то считает иначе, настроен по-другому. Но вряд ли стоит преувеличивать удельный вес «народного мнения» в итогах политического переустройства. Всем нам известны итоги нескольких референдумов накануне развала СССР, а также результаты Беловежского и подобных соглашений. Иное дело, что народ в целом действительно должен больше ориентироваться на волю Божию, а не на декларации политиканов. Соответственно, взаимоотношения Беларуси с Россией и впредь еще могут основываться на том, что наши народы вышли из единой купели (Крещения) и собираются у одной чаши (Причащения), что они вместе создавали единое духовно-культурное пространство, поэтому представляют один культурно-исторический тип. При этом, однако, нельзя и невозможно прикрываться расхожей фразой: «Мы – один народ». Такое утверждение, безусловно, имеет свой смысл. Только это смысл уже исторический, наподобие того, что дошел до нас в изложении летописцев: «Един народ славянский». Нужно согласиться, что звучат обе фразы гордо, а значит – пугающе для наших недругов и противников нашего единства. Да колесо истории невозможно открутить как на тысячелетие, когда в единоверии и единомыслии утверждался суперэтнос славян, так и на полтора столетия, когда были особые шансы для дальнейшего утверждения русской общности. И все, что впоследствии произошло, теперь уже из истории не вычеркивается. А успело произойти многое.

Немаловажен и диапазон реакций на идею триединства русского народа в массовом сознании нынешних белорусов, особенно при столь бурно проявляющейся русофобии в Украине. Если использовать расхожую метафору «дерева», то получается примерно вот что: общие корни одними безапелляционно оспариваются – «в осно-

ве нашего этногенеза балтский субстрат», другими ставятся под сомнение – «кто его знает...ведь у нас не было симбиоза с финно-уграми, да и татаро-монголы нас не покоряли»; и единый ствол с могучими ветвями не принимается, как правило, во внимание – «он, даже если был, то многократно ломался, а сейчас мы видим нечто иное, как отвалившиеся ветви».

Впрочем, так или иначе, едва ли не преобладающему большинству белорусов уже внушена мысль, что верными, надежными являются ориентиры исключительно западные, указываемые высокоразвитыми странами, «цивилизованными» народами, которые нам давно предлагают выгодное партнерство. И вот что получается: место народов-братьев, которых мы не только ради патетики называли единокровными и единоверными, просто так может быть занято «партнерами». Споры нет, такие настроения сложились под влиянием основательно потрудившейся «прогрессивной» интеллигенции. Но не только. Ведь понятие «партнерство» при обсуждении белорусско-российских отношений весьма частотно и в обиходе наших политиков.

А тем временем все разгорается война цивилизаций, война мировоззрений, война идей и идеалов, война опорных смыслов бытия, война кодов сознания, война духовно-нравственно-психических моделей человека....

И охватывает она весь мир, имея уже очевидные результаты. Вряд ли кто-то сможет убежденно оспаривать то, что на наших глазах существенно меняется самосознание многих народов глобально «перестраиваемого» мира. Налицо утрата разумного начала и контроля разума, собственно самосознания – исторического, национального, духовно-культурного...

Однако автор этих «горестных замет» собрался поразмышлять вслух не о других, более или менее отдаленных, а о народе моем, кровно родном. И не могу не поде-

литься тревогой из-за того, что у моих соотечественников-соплеменников за последние два десятилетия – в итоге «перестройки» советской и глобальной – самосознание подверглось весьма заметной деформации. Как-никак прежний наш гимн начинался словами: «Мы, беларусы, з братняю Руссю разам шукалі к шчасцю дарог...» Теперь же дорог к счастью ищем раздельно.

Приходится констатировать, что массовое общественное сознание граждан Республики Беларусь, как и большинства постсоветских республик, все более подчиняется идее Европы. Причем дело-то в притягательности не идеи самой по себе, в ее конкретно-историческом содержании или философской сути. Манящими, по прагматическим соображениям, оказываются всего лишь обещанные преимущества нового надгосударственного устройства жизни на континенте и, что особенно симптоматично, структуры, на которых будто бы клином сошелся свет – Европейский Союз, Европейский суд, Европейский Банк да плюс еще общеевропейская денежная единица. А вожаемость их для обедневшего после известных катаклизмов большинства населения бывшего СССР изначально предопределялась и все еще поддерживается идеологами соответствующего рода: «европейский стандарт», «европейский уровень жизни», «европейские ценности как общечеловеческие», «передовая цивилизация Европы», «достижения европейской культуры» и, конечно же, «объединенная Европа», «общеевропейский дом».

Вследствие соответствующей «промывки мозгов», разного рода мытья и катанья, в Беларуси, прежде всего – среди интеллигенции, уже в самом начале 1990-х годов нашлось немало тех, кто стал полагаться на преимущества идеологического «евроопта» и с энтузиазмом приступил к капитальному «евроремонту» унаследованного дома, а также к соответствующему «окультуриванию» среды: силами таких были созданы центр «Европейский выбор» и «Гражданская кампания «Европейская Беларусь»,

Европейский гуманитарный университет и просветительская организация «ЕвроФорум», «Европейский клуб» и «Европейский учительский клуб», учреждены «Европейское Радио для Беларуси» и радиостанция «Европа Плюс, Беларусь», журнал «Ев्रो-стиль», газеты «Европа плюс» и «Европейское время» и т.д. и т.п. вплоть до «Еврообоев» и «Евродент Гинекологии»... Короче, все упомянутое, а также «европейский марш» и «европейская неделя иммунизации», было организовано «евроактивистами» не столько для себя и своих близких, сколько для общественности – «чтобы прояснить над Беларусью европейское небо...» [1]. Кстати, предпринимались также и активные попытки заменить кириллическую азбуку, которая, дескать, для белорусов сужает горизонты, ограничивает светлые перспективы интеграции в Европу...

Примечательно, что и до, и после того, как интеграционно-глобализационно-дебилизационный «процесс пошел», содержание фоновых идеологем вообще не подлежало хоть какому-то обсуждению, несмотря на то, что в каждом конкретном случае имелись поводы серьезные. Скажем, когда нам в качестве идеального предлагалось «открытое общество», все же стоило уточнять: для чего оно должно быть открытым – для перевалочных баз чужого оружия и наркотиков, для распространения сатанизма, для культа силы, для разрушения семей, для беспредела деморализации, т.е. для разрушения тысячелетних традиций и сформированного духовного генотипа? Да и когда декларировался «приоритет прав человека», никто внятно не мог и даже не собирался объяснить, как эти права сочетаются с правами наций и народностей, т.е. с процессами национально-государственной суверенизации в рамках существовавших объединений, равно как и с присвоением основных имущественных, да и гражданских в целом, прав новоявленными олигархами. Пропаганда «передовой культуры и цивилизации», опять-таки, аргіогі отвергала опасения насчет того, что

мы оказываемся в страшной зависимости от кока-цивилизации, американской псевдокультуры, о которой автору этих строк один старый сербский монах сказал так: «Что нам ихнее, когда у нас в каждом сельском доме сохранились культурные ценности, в несколько раз старше самой Америки?!» От себя добавим, ради уточнения: наша славянская, православная культура – это понятие, производное от культа иного, нежели культ доллара или культ овцы Долли. И в этом ее несомненная значимость, да и непреходящая актуальность.

Однако белорусов тоже манили ориентиры иные – ведущие в реальной перспективе к состоянию, которое публицист, соотечественник упомянутого монаха, без обиняков оценил следующим образом: «Огромное большинство народов мира уже окончательно утратило свои корни, подвергшись декультуризации. Вместо активного развития и созидания собственных культур они стали пассивными потребителями «интернациональных» суррогатов утраченных ценностей, то есть антикультуры «made in USA» [2].

Особенно опасным было то, что в сознании большей части белорусов из желанной европейскости как бы закономерно и неизбежно выпадала славянскость, в прежние времена по всем критериям чрезвычайно важная для белорусской «самости». А со временем привычной стала установка, что славянскую общность следует понимать как надуманный концепт, абстракцию. В лучшем случае у нас она трактуется как произвольно выборочное сочетание – чего с чем, неважно. Одним словом, в белорусском обществе исподволь складывались предпосылки для деславянизации в определении геополитических ориентиров, а также и векторов эволюции сознания. В частности, симптоматично распространение специфических «теорий» этногенеза белорусов не как славян, а народа, сложившегося на балтском субстрате, по специфической литовской линии; или – на субстрате ятвяжском, опять же специфически, отдельно от рус-

ских, формировавшегося... Незаметно вроде бы самоценным становился вопрос именно о субстрате, а не существовавшей (что засвидетельствовано бесчисленным множеством документов) общности, в которой нынешние белорусы законно сами себя считали «РУСами», «РУСичами», «РУСкими», «РУСинами», «белоРУСцами» и как таковые именно воспринимались всеми иностранцами.

А к нынешнему времени под воздействием антирусских концепций уже выросло и воспиталось целое поколение граждан «суверенной и независимой» Беларуси, для которых по отношению к их стране, их согражданам не имеют особого значения, а то и просто неприемлемыми являются, понятия «общерусские корни», «общерусское этно-духовное пространство», (бело)русский народ как «ветвь русской общности», «составляющая русской цивилизации», «сегмент/элемент русского мира» не говоря уже о сохранившемся в историографии определении «Западная Русь», которое по отношению к современности, геополитической реальности наших дней, в самом деле вряд ли уместно. Какие-то частности этого большого вопроса действительно следовало бы выносить на широкое обсуждение, не позволяя при этом, чтобы производилось искажение главного. Но, увы, у нас все упомянутые выше понятия стали почти безапелляционно интерпретироваться как свидетельства утраты собственного национального сознания в результате влияния «российской имперской политики и идеологии». Так что представители молодого поколения, особо не задумываясь, легко могут солидаризироваться с небезызвестным в среде белорусской «образованщины» Яном Станкевичем (1891 – 1976), который предлагал «...отбросить смешное и **вредное название «белорус»** и назвать себя нашим исконным **славным именем кривичи** (Здесь и далее в цитатах подчеркивания наши. – И.Ч.)» [3]. Стоит обратить внимание, что это позиция не одного Станкевича. Ее поддерживал ряд представителей «возрождения» начала XX века. В частности, высо-

коавторитетный в кругах нынешней белорусской интеллигенции Вацлав Ластовский (1883 – 1938), считавший, что именованию «Крывія ... предназначено в истории народа замкнуть круг времени, быть очистительным огнём, магическим дорожным знаком, целебной и живительной водой Возрождения Народа» и активно это именование закреплявший своими историографическими и лексикографическими разработками [4]. Намерение «замкнуть круг времени» носителям такой идеологии окончательно привести к реализации пока не удалось. Однако сама эта идея, в «инвариантах», развивается также многими гуманитариями Беларуси наших дней – даже с усугублением антирусской-антироссийской и антиправославной направленности при интерпретации самых разных явлений. Например: «Заметим, что названия «Белая Русь», «белорусский», «белорусец» по отношению к нашим землям появились только в середине

XVII в. во время войн Московского государства с Речью Посполитой. Видать, **именно от москвитин исходила инициатива называть жителей смежного государства [тех, кто исповедовал русскую (православную) веру] белорусцами**. Потому использование термина «белорусы» было чрезвычайно удачным: **это давало России возможность убедительно обосновать свою захватническую политику**» [5]; «...Католичество, например, с его дисциплинированностью **полезно подействовало на белорусскую психику, зачатки белорусского возрожденческого движения** тоже появились в католической среде (К. Калиновский, Я. Баршчевский, Я. Чачот, В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Багушевич и др.), **католичество оказало влияние и на православие, которое в Беларуси отличается от российско-го и не имеет ни цезарепапизма, ни крайней пассивности, оно открыло двери для белорусского народа и в международной жизни** (например, Ватиканская радиостанция первая включила белорусские передачи в свою программу), и благодаря католи-

цизму белорусы причисляют себя к народу Запада и др.»; «Разделы Речи Посполитой в конце XVIII столетия осуществили **извечную цель Москвы по отношению к Беларуси, которая включала в себя прежде всего воцарение на наших землях православия и самодержавия**» [6]; «Под тревожные звуки органа национальная душа не могла уснуть, в то время как **«малиновый звон» густым елеем обволакивал, утихомиривал и расслаблял** мятежные мысли и устремления. Я не собираюсь оскорблять ничьих нынешних религиозных чувств, я только пытаюсь понять объективное преимущество в нашем колониальном прошлом **фермента западнохристианской евроцентричности...** Нетрудно догадаться, какую официальную роль выполняло православие с конца XVIII в. на аннексированных российским царизмом территориях Беларуси, – оно проводило колониальную политику в духовной сфере (...) Тогда католицизм на Беларуси выступил альтернативой, средством защиты своей духовной независимости в условиях наступления царизма (...) **Все лидеры бунтарей, повстанцев, косионеров тех времен были преимущественно из католической среды (...)** В конце концов, и само понятие «католицизм» переводится как «общечеловеческий», «международный»...» [7]; «Видать, кроме политических, есть и объективные, обусловленные состоянием и развитием культуры причины немассовости возрожденческого движения белорусов. Конечно, главная из них – **подколониальное существование белорусской культуры в XX веке, существование ПОД культурой расейской**» [8].

Результаты дерусификации сознания исторического получили уже закрепление не только в отдельных бесцензурных публикациях, но и в учебных пособиях для школ разных уровней:

- так, для обозначения возврата русского языка (вместо польского) как языка школы, культуры и делопроизводства в конце XVIII и во второй половине XIX вв. общепотребительным термином стано-

вится «русификация», нередко – с эпитетом «принудительная»;

- многие историки вслед за публицистами подчеркивают значение «немосковских эпох» – особенно Великого княжества Литовского (1366-1569) и Речи Посполитой двух народов (1569-1795) – дескать, вместе с Россией предки нынешних белорусов были всего 120 лет (на протяжении 1795 – 1915 гг.), тогда как с Польшей – 236, да и удельные княжества, а затем ВКЛ тоже существовали без Московии;
- давали все-таки свои плоды публичные дискуссии, является ли для белорусов Отечественная война 1812 года, в ходе которых настоятельно предлагалось установить памятники не только белорусам, воевавшим на стороне французов, но и самому Наполеону; в ряде СМИ подобные вопросы ставились в связи с Первой мировой войной; такого же плана диспуты навязывались неоднократно и по отношению к войне Великой Отечественной (Второй мировой).

Уже четверть века у нас многие будто бы пекутся о национальной идее. Но, как правило, имея в виду не результат обобщенного исторического опыта нации, не выражение исконной сущности, не коллективное самосознание народа, а всего лишь желаемое актуальное политическое настроение, которое можно было бы выразить в лозунгах, еще точнее – в slogанах, как сейчас говорят. При этом сторонники так называемого «третьего белорусского возрождения» суть своего slogана, как правило, основывают на призыве-требовании: «Беларусь – в Европу!...» И ему, вроде бы, противопоставить нечего... Так что беспристрастному взгляду открывается реальность, без преувеличения, страшная: на этот катастрофически переломный момент белорусы не имеют и как бы не желают иметь общей идеи национальной, в полном и прямом смысле, а добровольно согласны обходиться тем, что им предлагается в уготованной архитекторами нового мироустройства ситуации; хотя нас ведь ориентируют на дробление, выч-

ление отдельных компонентов синтеза национального и государственного начал, подчинение общей идеологии партийным интересам, таким образом способствуя не единению нации, а противопоставлению частей ее, поляризации («шчырыя беларусы» і «прыхільнікі аб'яднання з Расіяй, г.зн. знішчэння беларускасці»), провоцированию гражданской войны в специфических формах – слава Богу, пока еще не таких, как в Украине. Соответственно, ведя речь о системе координат, в которой должна бы начертаться белорусская национально-государственная идея, мы никак не можем обойти чрезвычайно опасно проявляющееся безразличие к ряду важнейших моментов, необходимых при здоровом уме для нормальной ориентации.

А разговор на данную тему, собственно, заводить не имеет смысла без объективной характеристики духовно-нравственного состояния, в котором оказалась «элита» нашего общества. И первое, что следовало бы выделить как определяющую черту сознания, – это растерянность. Впрочем, такая характеристика может трактоваться, с полным правом, как поверхностная. Не потому, что она неверная, а потому, что отражает лишь видимое любому незашоренному взгляду частичное и внешнее проявление более серьезного и значительного по сути – общей потерянности, утраты ориентации, обусловленной всем произошедшим как за последние десятилетия, так и за последний век.

Собственно, размытыми оказываются едва ли не все начала, и прежде всего этно-духовные, за что белорусская интеллигенция несет ответственность, ибо не сохранила в должной полноте историческое сознание, не закрепила истинных представлений о реально существовавших и существующих основах и даже о потребности в них.

Тем более что дезориентированность многих «творцов идей» очевидна уже в терминологии, в применяемом ими понятийном аппарате. Взять хотя бы опорную для данного случая категорию «нация/нацио-

нальное», использующуюся, за редчайшими исключениями, некорректно, поскольку о белорусском как национальном – чего бы это ни касалось: языка, культуры, истории, государственности, геополитики... – обычно речь ведется по отношению ко всем временам, хотя вести речь о сформированности белорусской нации до XX столетия нет никаких оснований, и по-иному это освещать никто, кроме публицистов, которые первыми и единственно определяющими считают факторы актуально-политические, а объективно-исторические разве что упоминают, да и то в трактовке, ситуативно удобной, а на самом деле – искаженной, вульгарно подчиняемой злободневности, т.е. «злобе» дней наших. Именно потому для вместе взятых граждан РБ неопределимым оказывается исторический идеал своей национальной государственности, поскольку для одних он в Великом Княжестве Литовском (независимо от того, насколько оно было национальным, да и суверенным, самостоятельным государством), для других – в Белорусской Народной Республике (при всей ее мифичности), для третьих – в СССР (с его, мягко говоря, специфическими принципами определения национально-государственного суверенитета).

В силу этого граждане Республики Беларусь вовсе не одинаково, а наоборот, весьма различно относятся ко многим историческим событиям. Особенно таким, например, как битва под Оршей 1514 года, разделы Польши в 1772-1795 гг., присоединение белорусских земель к России в 1793-1795 гг., польские восстания 1831 и 1863 гг., великие войны 1812-1814, 1914-1918, 1939-1945 гг., а также к созданию Союзного государства Беларуси и России, к воссоединению Крыма с Россией, к провозглашению самостоятельности Донецкой и Луганской республик...

И дело не в частных случаях психоисторической девиации, а в системном изменении представлений граждан современной Беларуси о логике истории, о Божьем промысле относительно белорусов как народа

и Республики Беларусь как национально-государственного образования, о фундаментальных ценностях, о реальных приобретениях и утратах в прошлом, настоящем и будущем. Короче говоря, имеются вполне достаточные основания вести речь о некоей деформации самосознания белорусов в конце XX – начале XXI веков, даже по сравнению с полными коллизиями предшествующими временами.

Скажем, то, что Лев Сапега (1557–1633, великий канцлер, а затем великий гетман Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского) для поляков был и остается личностью положительно значимой, объяснимо и вполне понятно. Равно как и то, что для русских-великороссов он был и остается супостатом, предводителем захватчиков, да к тому же еще и вероотступником (будучи крещеным в Православии, перешел в кальвинисты, затем принял католичество). Собственно, при желании допустимо видимые с нынешних позиций противоречия объяснять-оправдывать – хотя бы тем, что речь ведется о личности, являющейся продуктом своего времени и своей среды. Но практически невозможно понять, на каких основаниях этой исторической персоне дается вот такая аттестация: «Лев Сапега – звезда первой величины на небосклоне белорусской истории и культуры»; «Позиция канцлера – это патриотизм высшей пробы, подтверждение того, что Лев Сапега никогда, ни при каких условиях не торговал Родиной» [9].

Ведь широко известно, что в интригах борьбы за польский трон Лев Сапега сначала подыгрывал Федору Иоанновичу (московскому), а затем Сигизмунду III Вазе (польскому), что сам он нарушил мир с Московским княжеством, которого добивался и который лично подписал в 1601 году; предостаточно свидетельств об истинной роли его – мягко скажем, не «высшей пробы» – в событиях 1607 года, в организации военной кампании 1609 года и особенно в развернувшейся войне 1610–1618 гг. Впрочем, пафос цитируемого частного мнения можно считать всего лишь апологетикой многооб-

разной материализации безгранично широкого восславления канцлера Сапеги. А она такова: Льву Сапеге в Беларуси установлен памятник, его имя носит улица в Минске, с его портретом выпущена почтовая марка и отчеканена монета, его именем названо просветительское общественное объединение «Фонд им. Л. Сапеги», которое имеет статус наблюдателя в Конгрессе местных и региональных властей Европы, а в Бешенковичской районной библиотеке совместно с Витебским общественным объединением женщин организуется историко-литературная гостиная с конкурсом школьных сочинений «Лев Сапега: жизнь для Отчизны» (!!!).

Отнюдь не безобидной и безвредной (и бескорыстной?) является массовая увлеченность мантрами из слов с основами «европа» и «евро». Тем паче что она сопровождается также формированием иллюзорной картины мира – в прошлом, нынешнем и будущем.

Как ни досадно, а приходится говорить об опасности специфической, не от Интернета зависящей, «виртуализации» сознания, навязываемого современным белорусам, что замечается на разных уровнях и во многих аспектах, особенно по отношению к истории политической и культурной: тут и виртуальное Великое Княжество Литовское как белорусское (а не Литовское, Русское и Жемойтское...), и виртуальные герои белорусской истории – помимо упомянутого выше Сапеги, литовские князья Миндовг, Альгерд, Витовт и Ягайло, и виртуальный покровитель белорусскости король Речи Посполитой венгр Штефан Баторий («Сцяпан Батура»), и виртуальные лидеры именно белорусского национально-освободительного движения Тадеуш Костюшко и Викентий Константин («Кастусь») Калиновский, и виртуальная толерантность в ВКЛ и Речи Посполитой на протяжении всех времен ее существования, и виртуально доминирующий на белорусских землях Константинопольский Патриархат в новое время, и виртуальная Белорусская

Народная Республика начала XX века вкупе с виртуальной Радой БНР, которая заявляет о себе в начале XXI века, и виртуально благотворное значение Брестской церковной унии, которая сформировала виртуальную национальную веру – униатство, и виртуальная Белорусская Автокефальная Православная Церковь в Америке...

Чтобы избежать обвинения в досужем вымысле, укажем на некоторые факты: в Витебске установлен памятник Альгерду; в Гродно и деревне Пелеса Вороновского района – Витовту; на официальном уровне принимались также решения о необходимости установить памятники Гедимину в Лиде и Миндовгу в Новогрудке (а вот предложение установить в Новогрудке памятник Ярославу Мудрому поддержки не нашло); для культуры РБ «брендовое» значение приобрели «Радзивиллиана» и «Сапегииана»; портреты Радзивиллов, Сапег и близких им по роли в истории массово тиражировались на почтовых марках, открытках, постерах, календарях; в РБ учреждались орден, медаль, литературная премия и стипендия имени Кастуся Калиновского, его имя носят гимназия, улицы ряда городов страны (две из них – в столичном Минске, хотя именем основателя научного белорусоведения – первого академика-белоруса! – всемирно почитаемого Евфимия Карского не назван даже какой-нибудь переулок).

Не лишне все-таки еще конкретно задержать внимание на роде польских магнатов Радзивиллов, имена и лица которых фактически не исчезают из нашего поля зрения, поскольку имеются «Радзивилловские» торговый центр, универсам и ресторан, в котором на десерт подают «грушу по-радзивилловски», а не только в них можно встретить «Радзивилловские» хлеб, сыр, колбасу, минеральную воду... Не меньше «радзивиллизировано» и культурное пространство нынешней РБ, которое годы уже пестрит анонсами о выставках типа «Радзивиллы и книга» (Минск), об участии Национального исторического музея РБ в международной выставке «Кузены Рад-

зивиллы (Николай Рыжий и Николай Черный) – начало величественной эпохи князей» (Биржай, Литва) и т.п.

Реальные «заслуги» Радзивиллов собственно перед белорусами, мягко говоря, весьма сомнительны, что фактологически обстоятельно и весьма убедительно показал Я. Алексейчик, автор книги «Восьмой грех». Тем не менее они безоговорочно «обелоруживаются» и неизменно представляются в идеальном свете – просто уму непостижимо, до чего доведен культ Радзивиллов; осталось только название страны поменять: Беларусь на Радзивиллия.

А в дополнение к указанному приведем конкретную иллюстрацию того, как ВКЛ и Речь Посполитая не только виртуально сопрягаются, но идентифицируются с безоговорочно идеализируемым Европейским Союзом: «Речь Посполитая двух народов – это же был первый Евросоюз в Европе! В Речи Посполитой в согласии жили разные народы, которые создали одно из самых больших государственных образований на континенте»[10].

Геополитический аспект данной проблемы при существующих подходах оказывается более чем условным, тоже виртуальным. В Беларуси, например, нередко можно было услышать и прочесть следующее: «Мы принадлежим к региону восточносреднеевропейскому...»; а до сих пор устно и письменно повторяется: «Мы живем в самом центре Европы», а в то же время часть элиты непременно добавляет: «Нам нужно возвращаться в Европу – как можно скорее!».

Не менее симптоматичны проявления этого плана дезориентации большинства современных белорусов в парадоксально сочетаемых «обнаружениях» нового центра Европы и стереотипных утверждениях, что уникальность Беларуси и ее народа – в статусе пограничья между Востоком и Западом.

Условный европейский ориентир, который иллюзорно представлен выше любого Александрийского столпа, является определяющим не только для публицистов отдельного толка. Представители разных поли-

тических платформ особую значимость придают идее «центра Европы» – именно в Беларуси. Соответственно, и научные силы задействованы: «Белорусские ученые провели новые расчеты и с большой степенью точности определили географический центр Европы. Он находится в Витебской области на юго-западе от Полоцка, рядом с озером Шо. Словом, кто бы и как бы ни высчитывал и ни искал центр Европы, он-то находится в Беларуси!» [11]. А региональные власти, сначала замешкавшись, затем тоже подключились и поставили знак «Географический центр Европы». Правда, не рядом с озером Шо, а в центре древнего Полоцка... Пожалуй, на зависть многим иным претендентам на «евроцентровость».

Что же касается упомянутого состояния «между», то как будто в ином положении чувствуют себя многие другие народы, включая не только самых ближних по родству – русских и украинцев, а также соседей – поляков и литовцев, но и словаков, словенцев, чехов, сербов, болгар, румын, грузин, да и турок, в конце концов... Опять-таки, мы постоянно принимаем во внимание не реалии, а виртуальные – надуманные либо навязанные – связи между ними. Тогда как настоящая идеология должна представлять собою систему взглядов, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к реальности, доступной в одних случаях живому созерцанию, в других – абстрактному, но никак не лишенному здравых начал, осмыслению.

Надо признать, что отношение к «русскому вопросу» в РБ имеет определенную зависимость от отношения к языковой ситуации, языковой политике. Проблема национального языка у нас время от времени становится горячей, в реальности горячей не являясь. Да, она сложна и не совсем типична, если сравнивать с другими странами: при официальном двуязычии в РБ сейчас активно пользуется языком русским, а не белорусским, фактически более 80 % населения республики – за исключением стариков-сельчан, обходящихся родными диалектами, и части интеллигенции,

которая русский язык исключает из обихода по принципиальным соображениям; на русском языке у нас во всех сферах ведется делопроизводство; преимущественную, подавляющую, часть составляют русскоязычные издания книг, журналов и газет; в основном по-русски ведется вещание радио и телевидения... Вот некоторые данные, излагавшиеся ответственными лицами: на 2002 год «примерно 30 % газет – чисто белорусскоязычные, около 15% – на русском и белорусском, остальные – русскоязычные»; «в 2006 году во всем объеме выпуска книги на белорусском языке занимают 7,1 процента, 6,7 процента – книги на иных языках, а вся остальная часть (86,1 процента) – книги на русском языке»; по состоянию на конец 2014 г., «больше всего книг в Беларуси издается на русском языке – около 85 процентов. Белорусскоязычные книги ежегодно занимают нишу в 10-12 процентов»; «В учреждениях высшего образования на белорусском языке обучаются 300 студентов, на русском и белорусском языках — свыше 149 тыс. студентов, на русском языке — около 212 тысяч» [12].

Между тем, у нас при двуязычии внешне существует и многоязычие внутреннее, поскольку носителями белорусского языка используются разные системы правописания, произношения, даже графики; в дополнение ко всему этому недавно проведена орфографическая реформа, объективные итоги которой вряд ли осмысливали исходно даже сами ее авторы, т.к. по сути она разрушает худо-бедно существовавшую кодификацию и, соответственно, ограничивает круг полноценных носителей языка: фактически на данный момент даже подавляющая масса обладателей высших ученых степеней по филологии не знает правил нововведенной орфографии; то же самое – с учителями-белорусистами... Конечно же, задача государства – всемерно способствовать поддержанию языка титульной нации, а соответственно, ее литературы и вербальной культуры. Но... при имеющихся коллизиях у нас для этого

пока никто не нашел приемлемых для всех граждан страны решений.

Отдельного разговора заслуживает еще более сложная (хотя напрямую уже не зависящая от сложившейся языковой ситуации) проблема национальной идентификации. А ведь итогами ее решения, так или иначе, будут обусловлены перспективы белорусской нации как полноценного рода-народа и судьба его Родины как государства.

Вроде бы все согласны, что нельзя спекулировать на чувствах патриотизма, имеющих незаменимую ценность тогда, когда они мотивируются настоящей любовью к родине, желанием отстоять ее достоинство. Но отнюдь не любовь и уважение к Белой Руси, а тем более защита ее исконной сущности, культивируется в процессе глобализации. Большинство устремлений глобализаторов-европеизаторов на нашем пространстве, как правило, сводится к дискредитации Русскости и Православия; это, можно сказать, общий знаменатель. В то же время только слепые, глухие и бездумные могут не замечать, сколь активно и небезуспешно, в чем убедиться позволяют даже приведенные примеры, идет у нас колонизация вкупе с католизацией ради благотворной якобы европеизации, а точнее – глобализации в американской расфасовке. Для пущей убедительности такого, а не иного, суждения о происходящем не лишне вспомнить, как бывший главный представитель Католической Церкви в Республике Беларусь, архиепископ (впоследствии – кардинал) Казимир Свёнтек открыто декларировал: «Моя программа – распространение польскости на этой территории: нам следует как можно больше детей и молодежи отправлять в Польшу на экскурсии, на учебу, а из Польши сюда присылать ксендзов и монахов, нам нужно организовывать кружки поляков, курсы польского языка...»[13]. А для полноты картины, пожалуй, не лишне добавить и следующее: «... В начале 1990-х годов делалось также иное: в костелах на территории суверенной Беларуси были вывешены польские

государственные флаги и портреты президента Польши. Белорусское правительство было вынуждено принять специальное постановление, приказывая убрать из культовых зданий государственные символы чужой страны, в которой, кстати, тогда уже начали печатать географические карты, на которых Западная Беларусь значилась как польская территория. О Казимире Свёнтеке польские кинематографисты сняли документальный фильм, который показывали по польскому телевидению и в котором Свёнтек говорил о своих планах колонизации Беларуси, ни разу не упомянув имени страны, в которой он живет и работает. Я помню последний кадр этого фильма: лицо Казимира Свёнтека на весь экран и его слова: «Едем поляком» («Я – поляк!»). Лишь после того, как белорусское правительство выступило с жесткой оценкой такой политики католичества, в костелах началась «белорусизация» [14].

Что представляет собой эта «белорусизация»? С одной стороны, Римско-католическая церковь стала активно использовать белорусский язык и в богослужебной практике, и в успешно развивающемся издательском деле, и в своих средствах массовой информации, что с одобрением принимается интеллигенцией. Католические священники широко развернули культурно-просветительскую и воспитательную активность среди детей и молодежи, к чему общественное мнение относится также положительно. Однако следует иметь в виду, что если речь идет о «белорусизации», а не о чем-то ином, то нельзя не видеть противоположного по сути: в здоровой исторической памяти белорусов все же сохранилось (хотя это у нас почему-то не принято вспоминать), что в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском (бело)русский язык был запрещен (1696) по решению конфедерации сословий Речи Посполитой, да и сейчас в качестве белорусскости систематически навязывается польскость, о чем было сказано выше. И дополнительным доказательством того же

несть числа. Из них нельзя не упомянуть, к примеру, такие: на белорусской земле установлено множество памятников Римскому папе Иоанну Павлу II (т.е. поляку Каролу Войтыло); памятники ставятся даже мрачнопамятному униатскому архиерею Иосафату Кунцевичу, которого народ прозвал «душехватом» (тогда как бурные протесты определенных кругов вызвала уже сама информация, что Синод Белорусского Экзархата РПЦ будет рассматривать вопрос о канонизации митрополита Иосифа (Семашко), воссоединившего белорусских униатов с Русской Православной Церковью); в первые строки реестров «белорусской» славы вписывается польская шляхта XV-XIX веков; массово «обелорушиваются» деятели польской культуры; у нас активно действуют Польско-американский фонд свободы, фонд «Помощь полякам на Востоке», фонд «Semper Polonia», фонд имени Стефана Батория, учреждённый поляками-доминиканцами фонд «Через границы», фонд «Образование для демократии», Институт в поддержку демократии в Восточной Европе и т.п.

Понимая необходимость в культурном взаимодействии двух соседних и родственных народов, мы можем и обязаны с должным почтением относиться к активно действующему в нашей стране Польскому институту, к выходящим у нас журналу «Magazyn Polski» и газете «Głos znad Niemna», а также и к «Союзу поляков», и к ассоциации «Польская община». С неодинаковой степенью терпимости граждане-белорусы воспринимают то, что из Польши на территорию Республики Беларусь направлено действие спутникового телеканала «Белсат» и организовано вещание белорусской службы «Радио «Полония». Однако очень многих, если не всех, белорусов смущает введение пресловутой «карты поляка».

Конечно, все мы должны учитывать, что определенный процент населения Беларуси составляют поляки: согласно официальным данным, их **3,9%** (или 395,7 тысяч),

тогда как белорусов – 81,2%, а **русских – 11,4%** [15]. Наряду с этим никак нельзя не учитывать того, что буквально за последние два десятилетия поразительно вырос и стал уже достаточно большим процент католиков (неполяков?). Не так давно изданная энциклопедия «Республика Беларусь» содержит сведения, что лишь за три года, с 1994 по 1997 соотношение численности католиков изменилось с 9,9 % на 10,4%, а вот **православных, наоборот, с 80% на 77,4%** [16]. Вообще-то, статистика подобного рода нередко выглядит скорее как пропагандистская либо иллюзионистская, а не исследовательская, научно обоснованная. Скажем, в совсем недавно появившемся (под весьма серьезным названием) сборнике представлена следующая «цифр»: **«...72,6% отнесли себя к православным, 0,4% – к разным направлениям протестантизма, 9,3% – к католикам»** [17]. Однако в том же издании другой автор, еще более авторитетный, приводит иные данные: «Мониторинговые социологические исследования показали, что среди верующих с православием отождествляет себя **ровно 80,0 процентов, с католицизмом – 8,5 процента**, с протестантизмом – 0,6 процента» [18]. Правда, он же в докладе на конференции Международного Единства Православных народов (МФЕПН) представлял о численности католиков другие сведения: «По данным на декабрь прошлого года, **80%** общества Беларуси назвало себя **православными, 12% – католиками...** [19]. А в университетском «Вестнике» незадолго до этого публиковалась существенно отличающаяся статистика: «Среди верующих около **76% – православные, около 14% – католики...**» [20]. Но еще более поразительны статистические расхождения в случае с публикациями весьма значимого официального журнала, когда в одной из них Уполномоченный по делам религий и национальностей РБ указывает, что на 2009 год **«...по самоидентификации с православием – 72,6%, с католицизмом – 9,3%...»** [21], а через десяток стра-

ниц «Арцыбіскуп, Мітрапаліт Мінска-Магілёўскі» сетует: «Всего в Беларуси на нынешний день работает около 440 священников, что недостаточно для душпастирской опеки над **полутора миллио-нами католических верующих**» [22]. Но даже нерадивые ученики средних классов общеобразовательной школы с европей-зирующей болонской системой обучения, подсчитав, должны уяснить, что 1,5 (полто-ра) миллиона по отношению к 9,5 миллио-нам составляют отнюдь не 9,3%, а почти в два раза больше!

Спору нет, национальные и религиозные чувства граждан РБ, являющихся поля-ками (этническими или «костельными» – не так важно), должны безоговорочно уважать-ся. Да речь о другом: на фоне, который нами бегло очерчен, велась и ведется фронталь-ная обработка массового сознания в явно антирусском и антиправославном духе. Вот, к примеру, образчик (далеко не самый мерз-кий) местной русофобии: «Внешний облик православных церквей менялся более мед-ленно. Может, такой неспешности способ-ствовала ортодоксальная каноничность этой конфессии. Например, русские священ-ники не могут служить в церкви, если на ней нет хотя бы одной *цыбуліны* (Т.е. «луко-вицы». – И.Ч.). Когда в Гродненскую Кало-жу пустили верующих, ее настоятель долго терпел, а потом нанял работников, чтобы те на Каложу тоже *прышпандорылі... цыбуліну*. История эта закончилась тем, что батюшку с прихода сняли и отправили куда-то, как я слышал, в Тамбовскую губернию (...) После XVIII века наши земли вошли в состав Рос-сийской империи и началась новая, очеред-ная, эпоха. Католиков пастепенно отстраня-ли от активной общественной жизни, **Унию разогнали в 1839 году**, храмы строили исключительно православные, а те като-лические, что еще остались, в большинстве **забрало себе тоже православное руко-водство...**» [23]. По тем же целям много-кратно, с закрытыми глазами, бьет другой радетель за белорусскость: «После «креще-ния Руси» в стремлении идеализировать

это событие adeпты новой религии приня-лись рьяно уничтожать все свидетельства «языческого невежества». Епископы ску-пали либо отнимали летописи, сжигали их, вывозили в Византию (...) На совести хри-стианских «борцов за культуру» не только уничтожение памятников древних славян, но и старообрядных святынь – книг, хра-мов, монастырей»; «Что белорусский народ из-за **государственной политики руси-фикации, в стороне от которой не стоит и РПЦ**, едва ли не весь онемел в своем род-ном языке, видят и светские, и церковные власти» [24]. Кстати, две последних цитаты – суждения представителя исторической науки РБ, который в эпоху той самой «руси-фикации» получил две ученых степени для того, чтобы развивал белорусскую истори-ографию на истинно научных основах, одна-ко в последние десятилетия свою квалифи-кацию решил подтверждать лишь весьма пространными и совершенно непродуман-ными русофобскими газетными статьями.

Силами вот такого рода публицистов, идеологов-пропагандистов, а также недо-бросовестных историков у нас пугалом сде-лана «русификация» 1860-х годов и нацио-нальная политика советского периода. Хотя на удивление мало говорится о том, как в XVI-XVIII веках на всех белорусских землях, а в 20-30-е годы XX века в Западной Бело-русии велась целенаправленная и жесткая полонизация, что подтверждается свиде-тельствами многих ученых, в числе которых и украинский ученый богослов: «Если бы не Богдан Хмельницкий и не раздел Польши, то **белорусский и украинский народы, вероятно, полностью были бы полони-зированы, вследствие унии**» [25], и бело-русский историк академического склада: «... Когда в 30-е годы на замковой горе в Гродно были найдены основания древнего право-славного храма, то польские археологи по сути не засвидетельствовали это официаль-но, ибо факт этот прямо противоречил одно-сторонней польской историографии, кото-рая **считала Гродно городом польским**» [26]. Такие плоды на протяжении веков

давало размежевание Pax Slavia Latina ↔ Pax Slavia Orthodoxa. Сейчас дает тоже. Иногда в формах открытых и даже демонстративных, о чем мы упоминали, а иногда и латентных, возможно, и неосознаваемых – как в этих, к примеру, случаях: турагентство «Солвекс» (Минск) в октябре 2007 года провело интернет-акцию «Семь чудес Минщины», из 46 предложенных памятников Минской области выбрав семь объектов, к которым были привязаны экскурсионные маршруты, а 6 «чудес» (из 7) – это костел Рождества Девы Марии в Будславе, костел Воздвижения Святого Креста в Вилейке, костел Архангела Михаила и костел Св. Алексия в Ивенце, Фарный Костел Святейшего Божьего Тела в Несвиже; несколько лет назад у нас появились почтовые карточки в честь классиков отечественной литературы, а таковыми, оказывается, являются Адам Станкевич, Винцент Гадлевский, Микола Касперович, Янка Купала, Язэп Драздович, Алесь Гарун, Вацлав Ластовский... Опять-таки те же «чудеса»!

В свое время А.С. Пушкин, отзываясь на выход собрания сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, о белорусах писал как о «... народе, издревле нам родном, **но отчужденном от России** жребиями войны» [27]. А войны же и в послепушкинскую эпоху, включая наше время, идут.

И то ли еще будет, если воплотятся в жизнь рекомендации, подготовленные современными (довольно высоко поставленными) деятелями в сфере белорусской культуры, а именно: «При разработке стратегии национально-культурного и духовного развития исключительно важным является доскональное изучение опыта иных стран, **прежде всего европейских**, ибо белорусская культура является частью европейской христианской цивилизации. **Успешным и возможным для нашей акцептации является в первую очередь польский опыт** (имеется в виду как сохранение культурных достижений, так и реализация стратегии дальнейшего культурного развития). Огромное значение имеет

также использование опыта британского (не случайно интеллектуальный потенциал становится самым мощным фактором национального развития), немецкого и даже **американского** – последний особенно полезен своей поликультурностью, динамичностью, инновациями» [28].

Так вот нам рекомендуется «европеизироваться». Увы, как наличествующие, так и планирующиеся результаты – не в пользу (бело)русскости и Православия.

Однако это вовсе не значит, что Православие перестало быть основным и неотменным идентификационным признаком белоРУССКОГО этноса. Без него представители нашего народа (не состоявшейся пока нации), населения РБ вместе взятого, даже если сохраняют остальные внешние атрибуты принадлежащих к общности, формируют некие субэтносы – белоПОЛЯКОВ, белоЕВРОПЕЙЦЕВ, белоАМЕРИКАНЦЕВ...

На здравый ум, не лишне бы задуматься над тем, что сопряжению “белорусского” с “европейским” в намечающейся перспективе предопределена, мягко говоря, дихотомичность. Новое мироустройство вынуждено, так или иначе, национальное подчинять наднациональному, хотя до поры до времени это явно и не декларировалось. Тем не менее коллизии, этим обусловленные, на белорусской ситуации уже успели проявиться, и весьма симптоматично. Если в начале 1990-х годов национальная идея не только считалась объективно неизбежной и воспринималась как двигатель развития, то уже в начале 2000-х она стала объективно гаситься не чем иным, как европейской интеграцией. Не случайно ведь популярный поэт, которого признавали «шчырым беларусам», носителем именно «самости» (благодаря чему впоследствии выдвигался кандидатом в президенты страны), ничтоже сумняшеся публично заявлял: «Никакой национальной идеи нам уже не надо. ... Посмотрите, что в Европе делается! Сегодняшний мир развивается по совершенно иным законам: Евросоюз, глобализация и прочее» [29].

Будем помнить, что игнорирование или недооценка этнонациональных различий приводили к трагедиям весьма крупного масштаба. Следует признать, что некоторые различия историей были принесены (это и территориальные разделы, и вероисповедные размежевания, и соответствующие расхождения в ряде обычаев, и закрепление отдельного языка, и формирование самостоятельной литературы...) Однако еще более следует помнить, сколь опасно противоположное – когда целенаправленно преувеличиваются различия, чтобы у различаемых стереть память о корнях и добиться, чтобы напоминания об этих корнях вызывали комплексы, а в итоге – ненависть и к ним самим, а еще более – к сохраняющимся их носителям.

А у нас с конца 1980-х годов немисливо активизировалось и многими силами стимулировалось столкновение различий, причем с убийственной логикой: негативное советское – это исключительно русское. Как в этом случае, например: «И сегодня для реваншистских тоталитарных сил, которые мечтают о реставрации Советской империи, Беларусь – лакомый кусок. Без нее, как и без Украины, нет великой России, нет настоящей империи. Отсюда и реанимация эксплуатированной царизмом устаревшей славянской идеи» (*Примечание автора*: Она, как и аналогичные пангерманская, пантюркистская, панамериканская идеи, неадекватные цивилизованному обществу, давно сданы в архив истории), активизация политизированного пророссийского православия и коммунофашизма» [30]. Вот чему в значительной мере, особенно у молодого поколения, оказалась подчиненной белорусская национальная идентификация. Временные особенности ее, понятно, зависят от всей совокупности внешнеполитических, внутривнутриполитических, социокультурных условий. Но в нынешнем мире необычайно сильны прагматично-адаптационные устремления. Именно они сейчас многообразно культивируются, приобретая пораз-

ительную динамику и непредсказуемые возможности влиять как на массовое сознание белорусов, так и на восприятие белорусскости «со стороны». Для этого не требуется ни осведомленность, ни надежность фактографии, ни выверенность суждений-заключений. Достаточно того, что задается известный «тон» и на деланной простоте вызывается «унисон» – как, например, в распространяемом среди иностранцев многокрасочном «энциклопедическом» (!) буклете с таким вот содержанием: **«Правильнее бы писать «историческая Литва», «Литовское княжество», «Литва Великая», «Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское и иных», а также не беларусы, а «литвины»; «Беларусы сегодня – это литвины вчера»; «Беларусь идет «по европейскому пути»: демократии (шляхетской), правового государства (...) Московская Русь формируется как «евразийское» государство с ярко выраженными признаками «восточной деспотии» и «азиатчины»; «Беларусь изучайте по Польше...»; «Есть некая «золотая середина» между гонимым и чувством «младшего брата». И скорее всего, эта середина ближе к «шляхетности», а не крепостному праву. Жыве Беларусь!»** [31]. И не случайно также, что в этой «энциклопедии» среди бесчисленного изобразительного материала, множества костелов, замков и прочих польско-шляхетских достопримечательностей, а в придачу и языческих капищ, дан всего один снимок православного храма – да и то, похоже, с целью показать «исторический памятник, отнятый у католиков». Как не случайным, судя по всему, является утверждение, будто «изучение собственно белорусской истории начали представитель шляхетского рода Константин Тышкевич (1806-1868) – археолог, писатель по истории, археологии, географии и этнографии – и его брат Евстафий Тышкевич (1814-1873)», когда в действительности начала белорусоведения положены православными белорусами Иоанном Григоровичем, Иоанном Носовичем, Константином Калайдовичем, а его

плодотворное развитие осуществлялось благодаря тоже православным ученым Ивану Боричевскому-Тарнаве, Ксенофонту Говорскому, Михаилу Кояловичу, Платону Жуковичу, Иоанну Малышевскому, Николаю Никифоровскому, Евстафию Орловскому, Евфимию Карскому, Владимиру Завитневичу и многим другим, которые в данной книжке совершенно обойдены вниманием.

На подобные опусы вроде и не стоило бы внимание обращать. Но ведь они являются не только свидетельствами уже достигнутых результатов соответствующей идеологической обработки сознания, но и напоминанием об угрожающих масштабах ее в будущем. Никак нельзя, соответственно, закрывать глаза на то, что деформация самосознания белорусов оборачивается тотальной дерусификацией. Сейчас уже русофобия прочно внедрена в сознание практически всех белорусов возраста ниже тридцати лет. Их, можно сказать, убедили, что быть белорусом означает последовательно и категорично демонстрировать свою особенность

и отдельность от русского народа, русской истории и культуры, непричастность к её традициям и духовным ценностям, выделять и абсолютизировать различия в основных этнокультурных признаках, особенностях национального характера и т.д. Кому же это выгодно? А к чему такое может привести? И кто возьмет на себя ответственность за реально происходящую деформацию массового сознания и самосознания народа?

Поэтому особую значимость получает вопрос, каким же будет основной вектор просвещения и воспитания впредь.

Так или иначе, по большому счету (как говорили мудрые предки наши, по Божьей воле), краеугольный камень национальной (!) сущности белоруса – русскость. Если этот камень убрать, сущности не на чем держаться. «Белость» сама по себе пропадет. Иными словами, тогда не только о здоровом национальном самосознании, но и ни о какой национальности не может быть речи. Да и союзное государство окажется домом, который хотят построить на песке.

Літаратура

1. См.: «Каб праясніць над Беларуссю еўрапейскае неба...» (На пытанні Алеся Разанава адказвае славенскі паэт Вена Таўфер) // Літаратура і мастацтва. 20.06.1997. С. 13-15.
2. Калаіч Драгош. Трэтья мировая война. – М.: ИИПК «Ихтиос», 2006. С. 65.
3. См.: Станкевіч Я. Нацыянальны назоў беларусаў // Беларускі студэнт (Прага). 1923. № 2-3. С.10.
4. См., нпр.: Ластоўскі В. Падручны расейска-крыўскі (беларускі) слоўнік. – Коўна, 1924; Ластоўскі В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. – Коўна, 1926.
5. Хаўстовіч М. Шляхамі да беларускасці. Нарысы, артыкулы, эсэ. – Варшава, 2010. С. 197.
6. Уладыкоўская Л. Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 32-33, 46.
7. Шунейка Я. (Пытанне каталіцкае) // Залоска Ю. Версіі. – Мн.: 1995. С. 55-57.
8. Быкаў У. Мы – апошнія, за намi чарга... // Залоска Ю. Версіі. – Мн.: 1995. С.40.
9. Саверченко И. Канцлер: Историческое эссе // Неман. 2013. № 8. С. 134, 156.
10. Ян Забродскі. «Рэч Паспалітая двух народаў – першы Еўрасаюз у Еўропе!» /Гутарыў Мікалай Анішчанка // Літаратура і мастацтва, 4.05. 2007. С. 13.
11. (Без подпісы).»Дакладнасць тыдня» // Літаратура і мастацтва, 11.10. 2002. С. 2.
12. См.: Літаратура і мастацтва, 31.01. 2003. С.4; Літаратура і мастацтва, 10.08.2007. С.4; Літаратура і мастацтва, 23.01.2015.С.9; <https://news.mail.ru/inworld/belarus/society/21154736/?frommail=1>

13. Цит. по: Гардун Сергій, прот. Яшчэ раз пра мову богаслужэння // Царкоўнае слова. 2008, № 4. С. 11.
14. Там же.
15. Республика Беларусь. Энциклопедия. Т.1. – Минск, 2005. С. 46, 55.
16. Там же. С. 466.
17. Земляков Л.Е., Шерис А.В. Религиозная составляющая национальной безопасности Беларуси // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 55.
18. Котляров И.В. Конфессиональные отношения в зеркале общественного мнения // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 85.
19. См.: Przegląd Prawosławny. 2013, № 4(334). S. 7.
20. См.: Пирожник И.И. [и др.] Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси // Вестник БГУ. Серия 3. 2007. № 1. С. 76 – 84.
21. Гуляко Л.П. Уникальный опыт Беларуси // Белорусская думка. 2009. № 5. С. 14.
22. Там же. С. 29.
23. Валасевіч І. Жыве на Беларусі Бог // Літаратура і мастацтва, 3.08.2007. С. 4.
24. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мн., 1996. С. 10; Лыч Л. Аўтакефалія праваслаўнай царквы – шлях да рэлігійнай незалежнасці Беларусі // Народная воля. 13.01.2015. С. 4.
25. Доктор Протопресвитер Г.К. Костельник. Ватикан и Православная Церковь. // Церковный вестник (Варшава). 1991. № 6. С. С 36.
26. Астроўскі Ю. Беларусы: адзін народ і тры нацыі? // Літаратура і мастацтва, 15.05.1992. С. 14.
27. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т.VII. – М.-Л., 1951. С. 328.
28. Уладыкоўская Л. Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы да некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 110.
29. Некляев В. «Пофиглярили и хватит» // Свободные новости плюс. 25 авг. – 5 сент. 2002. С. 6.
30. Маракоў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794 – 1991. Энцыклапедычны даведнік: У 3 т. Т. 1. – Мінск, 2004. С. 43.
31. Якутовский Г. Беларусь – это круто. – Минск, 2014. С. 5, 18, 44, 60.

Виктор Аксющец,
российский философ,
публицист, политик,
народный депутат РСФСР (1990-1993),
государственный советник 1 класса,
доцент Государственной Академии
славянской культуры

Национальный образ России

В начале XXI века решается, чем будет увенчано **столетие российских революций**: Россия выйдет обновленной из огненных испытаний или перестанет существовать. Современные дискуссии о путях страны **ограничены** политикой и экономикой, в лучшем случае экологией и демографией. Остаются вне внимания **духовные проблемы**, которые не решались в России на протяжении XX века. Речь идёт о духовном и нравственном состоянии общества, национальном характере и сознании, психологии народа, исторической памяти, исторической преемственности, национальных идеалах – базовых ценностях и вековых традициях российской цивилизации. О том, что отличает один народ от другого, что является смыслом его жизни, основой его самоидентификации и без чего народ гибнет.

Начинать обсуждение этих проблем приходится с признания прискорбных фактов: к началу XXI века **русский народ** во многом утерятил навык национальной спайки, выпал из лона русскости в религиозном, интеллектуальном, моральном, бытовом плане; подавлен чужеродной экономической волей; политически дезинтегрирован и отчужден от власти. Всё это ведёт к угасанию жизненной силы, вымиранию трудоспособного населения, алкоголизму и

социальной деградации народа. И не потому, что он достиг дряхлого возраста или иссякли его жизненные силы, а по причине невиданных испытаний XX века. Но без возрождения **государствообразующего** народа невозможно существование России.

В решении этих проблем необходимо учитывать национальную специфику. На формирование характера русского народа повлияли три основных фактора: языческая природа восточнославянских племен (**этнический генотип**); воспитание народа Православием (**духовный архетип**); уникально суровые условия выживания, которые требовали культивирования определённых качеств (**исторический архетип**). Генезис русского народа определялся не этнической, а религиозной, культурной доминантой, поэтому русские объединили множество племен и народов.

Русский народ формировался на основе общности религии, государства и культуры (языка). Православие было духовной основой всех сфер жизни, на основе Православия сложились государственность и культура. Известная формула графа Уварова «**Православие. Самодержавие. Народность**» отражает этот непреложный исторический факт. Каждый национально-государственный организм имеет свою духовную кон-

ституцию, определяющую его сущность и позволяющую ему самоидентифицироваться. Уваровская формулировка обозначает основные сферы **национальной самоидентификации**: 1) как народ осознаёт свою связь с Высшей Реальностью, с Богом, – **религиозность**, или **дух народа**; 2) как народ понимает своё земное обустройство, свою цивилизацию и государственность, – **земное тело народа**; 3) в чём народ укореняет себя, видит своё родство, как народ осознаёт себя, понимает свою миссию в жизни и в истории, что выражается в разнообразных формах национальной культуры, – это **душа народа**. **Триединую сферу национального самосознания** можно именовать как «**Вера. Патриотизм. Национализм**». Ответы на вопросы: «Какова наша вера?», «Какое государство мы строим?», «Какую культуру и цивилизацию мы возрождаем?» – это ответы на вопрос о возрождении **единства национального духа, души и тела**, о нашем национальном бытии.

Из глубинной религиозной веры (которая не всегда осознаётся вполне, но может проявляться в латентных формах) протекают базовые духовные и нравственные ценности народа, сохраняющиеся в секулярном обществе. Укоренена **русская национальная вера в Православии**, которое аккумулирует духовные и нравственные ценности **русской цивилизации**. Народ жив, пока сохраняются его специфические национальные духовные и нравственные **ценности**, которые проявляются в явных или скрытых формах, несмотря на глобальные общественные катаклизмы.

Чувство **патриотизма** – любовь к своему отечеству – подвигает к строительству и сохранению своего государственного дома. Русским свойственны *инстинкт государственного самосохранения*, традиционные представления о форме государственной власти, которая в России всегда была **единодержавной**. В государственности реализуется воля нации к историческому бытию. Поэтому «самым большим пороком для госу-

дарства является слабость» (А.В. Гулыга). Распад государственного тела свидетельствует о духовной и душевной деградации нации.

Чувство **национализма** – любовь к своему народу – связывает преемственность культурных, цивилизационных и бытовых традиций, без которых невозможны национальное самоощущение и самосознание, а значит, и существование народа как такового. Большинство русских людей объединены общим чувством любви к своим сородичам, соотечественникам, к малой и большой Родине, привязанности к своей земле, русский человек не может мыслить свою жизнь и самореализацию вне атмосферы русской культуры. Сегодня расчленённый русский народ объединяет только Русская Православная Церковь. На основе единства Православия можно восстанавливать общее **культурное, цивилизационное поле** и единое государство.

Нация существует до тех пор, пока проявляются её **конституирующие свойства**, неизменные в течение веков. Экономический уклад к ним относится частично, ибо не он определяет то, что отличает **российскую цивилизацию** от всех прочих. Хотя экономика может способствовать либо мешать национальному самоопределению.

В здоровом народе **национальные архетипы** проявляются в органичной форме, в больном искажаются вплоть до противоположности. Больная духовность – это **идеократия**, гипертрофированная государственная воля – это **этатизм**, агрессивный национализм – это **шовинизм**. В последнее время общество научилось понимать, что борьба с крайностями национализма не исключает, а предполагает здоровый патриотизм, борьба с тоталитаризмом не должна доходить до самоубийственного разрушения государственности. Расчленение государства и угнетение национального достоинства государство-образующего народа вызывают агрессивную самозащиту, что формирует социаль-

ную базу для экстремистских идеологий.

Своеобразное – неэтническое – формирование русского народа во многом определило его национальный характер, что сказалось в строительстве российской государственности. Без мощного централизованного государства русский народ не выжил бы в предельно суровых географических, климатических и геополитических условиях. Поэтому русские всегда относились к своему государству более сакрально, чем европейские народы. Русский **многоэтнический народ**, получивший **соборное воспитание** Православием, построил единственную в истории империю, где государствообразующий народ не имел преимуществ. Русский народ нёс основное бремя государственного строительства, нередко имел меньше прав, чем вошедшие в империю народы. Поэтому жизненные интересы **народа-государствообразователя** совпадают с жизненными интересами всех народов России. Русское национальное возрождение не несёт опасности другим народам страны и является необходимым условием их возрождения.

Для решения глобальных проблем от народа требуется **сверхусилие**, на которое русские люди способны в экстремальной ситуации и при наличии **сверхидеала**. В обыденной жизни русские, как правило, расслабляются (иначе не выдержали бы напряжения в борьбе за историческое выживание). Русский человек не способен на **сверхмобилизацию** ради материальных целей, но совершает чудеса героизма при защите Родины и священных для него ценностей либо при выполнении великой исторической миссии. Для русских людей важно, чтобы жизнь была пронизана высшим смыслом, который не сводится к индивидуальной корысти, а выражает духовные идеалы и ценности локальных общностей (малая Родина) и всего народа (большая Родина). Только русский писатель может **так** говорить о высшем смысле жизни: *«Тем-то и сильна великая нрав-*

ственная мысль, тем-то и единит она людей в крепчайший союз, что измеряется она не немедленной пользой, а стремится их в будущее, к целям вековым, к радости абсолютной. Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несёт в себе всё, все стремления, все жажды, а стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы. Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью “спасти животишки”? ничего не получите, кроме нравственной формулы: “Каждый за себя, а Бог за всех”» (Ф.М. Достоевский). При достижении высокой цели русские люди проявляют сопричастность **общему делу**, открытость, доверительность и взаимоподдержку, задушевность и взаимопонимание в личном общении. В **соборном единении** во имя высоких идеалов проявляются лучшие черты русского характера.

Русский народ **духовно мобилизуется** в **пограничной ситуации**, несущей угрозу существованию (*«пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится»*). Пока немецкая армия в годы Великой Отечественной войны не дошла до Москвы, народ не был способен к полноценному сопротивлению. Но и **наличие смертельной опасности**, и осознание её – необходимые, но не достаточные условия для **национального пробуждения**. Для общенационального единения необходим **волевой импульс верховной власти**, способной выразить и защитить высшие национальные интересы, возвысившись над распрями в обществе и расколами между обществом и властью. *«Русский долго запрягает, но быстро едет»*: когда была осознана смертельная опасность и когда власть призвала народ к борьбе за спасение Отечества (*«братья и сестры...»*) – народ одержал великую победу.

Так очередной раз был явлен **национальный архетип поведения – формула русской победы**:

- смертельная угроза;
- осознание угрозы элитой и обществом;
- формирование национального идеала;
- призыв верховной власти к нации;
- сверхмобилизация общества;
- победа.

Благодаря этому русский народ выдерживал все исторические испытания и выходил из них духовно окрепшим. Великий народ сохраняется в истории, выполняя свою историческую миссию, отвечая на исторические вызовы.

Смертельная угроза российской цивилизации в настоящее время налицо. Каждый из современных общемировых кризисов способен похоронить мировую цивилизацию. Они несут опасность и России, ибо на нашей стране в усугубленной форме отзываются все общемировые проблемы.

Внешние угрозы – мировые кризисы, угрожающие существованию России и русского народа:

- глобальный **экологический** кризис ведёт к **техногенной** перегрузке планеты, к уничтожению ресурсов **биосферы** с помощью технических средств, к истощению **природных** ресурсов;
- **демографический** кризис – перенаселение планеты при ограниченных мировых ресурсах. Уменьшение рождаемости в богатых и большая рождаемость в беднейших странах ведёт к огромной миграции и размыванию населения западных стран желтой и чёрной расами. Над малозаселенной российской Сибирью навис миллиардный Китай;
- в наступающих **войнах за мировые ресурсы** Россия оказывается лакомым куском для многих, ибо при 3% мирового населения она контролирует 13% территории и располагает около 40% природных ресурсов земного шара. Через два-три десятилетия в России будет жить 1% мирового населения,

которому придётся защищать от посягательств около половины мировых запасов сырья;

- мировой **экономический** кризис обусловлен недостатком ресурсов планеты для обеспечения всего населения; процветанием *золотого миллиарда* в противостоянии нищающему большинству населения Земли; неизбежным в обозримом будущем коллапсом доминирующей в мире экономики США и крахом долларовой пирамиды;
- конфликт **цивилизаций** вызывает **терроризм** и **войны** с реальной опасностью распространения и употребления оружия массового поражения;
- **однополярная глобализация** превращает большинство стран мира в ресурс для выживания государств *золотого миллиарда*. Россия с огромной территорией, богатейшими природными ресурсами, высококвалифицированным неприхотливым населением оказывается для правящих субъектов глобализации полем противоборства с конкурентами за источники сырья, инструментом дипломатической борьбы и «громоотводом» мирового терроризма;
- России грозят смертельные **геополитические опасности**: население сопредельных государств более чем в десять раз превышает население России, а большинство окружающих государств настроено к России недружественно либо агрессивно. Три четверти границ России приходится на страны, в которых быстро растёт население и увеличивается потребность в сырьевых ресурсах.

В стране возрастают **внутренние угрозы**:

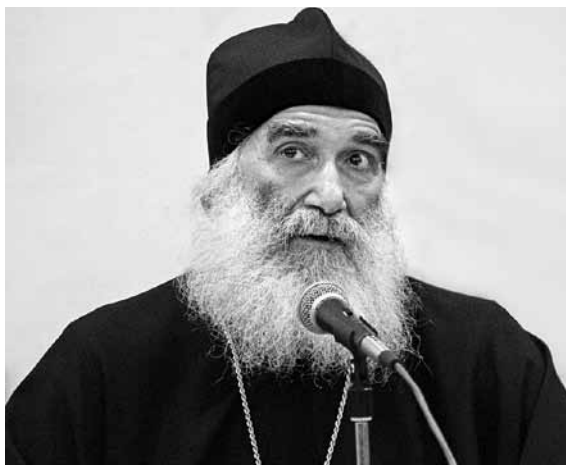
- увеличивается экономическое и технологическое отставание от мировых лидеров;
- увеличивается поток бедствий, аварий, техногенных катастроф из-за эрозии инфраструктуры и неэффективности государственного управления;
- в государственном управлении ещё

сильно деструктивное влияние радикал-либералов;

- с другой стороны, некоторые силы пытаются укреплять государственность через этатистский застой или националистический реванш;
- ещё сильна опасность терроризма исламского фундаментализма;
- усугубляется поражение генофонда нации алкоголизмом и прогрессирующей наркоманией;
- растёт социальная напряжённость вследствие увеличивающейся пропасти между богатыми и бедными;
- в результате многих негативных факторов высока смертность населения, особенно детская смертность, низок срок жизни. Смертность в России в 2,5 раза превышает европейскую, в 1994 году пик смертности достиг 15,7%, чего не было с военных времен;
- симптомы вымирания особенно сказываются на русском государствообразующем народе: в начале девяностых годов смертность превысила рождаемость, сформировался **феномен «Русского креста»** – линия смертности, идущая вверх, пересекла линию рождаемости, падающую вниз;
- в результате усиливаются угрозы вытеснения русского народа с исторических территорий исламскими и китайским

народами. Уже готовы концепции замены государствообразующей роли русского народа быстро растущими народами российского ислама.

Всё это несёт угрозу распада страны, превращения России в сырьевую территорию США или Китая. России навязывают роль зоны, за счёт которой снимаются противоречия между ведущими центрами силы. Вновь наступил момент **глобального исторического вызова**: либо нация вдохновится **новой миссией в новой эпохе**, либо русский народ и Россия перестанут существовать. Если армии для победы необходим боевой дух, то народ нуждается в **пробуждении национального духа** – того, что придаёт людям волю к жизни, к борьбе за самосохранение и к созиданию. Только **порыв национальной энергии** позволит преодолеть духовное и нравственное разложение общества, гражданскую апатию, падение стимулов к жизни. Это обязывает верховную власть сформулировать **идеалы национального спасения** и побудить общество к **духовной мобилизации**. Духовные идеалы могут стать мощнейшей преобразующей силой. Русский народ обладает аскетическим характером, способен к самоограничению, в русском обществе нравственные и духовные идеалы всегда были приоритетнее материальных и прагматических.

Протоиерей
Николай Германский

Россия и судьбы мира

России...

*Красный всадник на белом коне
Защищает лазурное небо:
То Россия привиделась мне,
Русь Святая на троне победном.*

...и её недоброжелателям

*То ослабившись в страшной гримасе,
То беснуясь, по-волчьи воя,
То визгливо, то силым басом
Не любило нас зло мировое.*

Если посмотреть на Землю из холодного космоса, то мы увидим голубой шарик. Это наша родная планета, которая давным-давно была создана Творцом для того, чтобы человек, Его любимое творение, был счастлив на ней и, духовно совершенствуясь, платил ответной любовью своему Небесному Отцу.

Но произошло то, что мы называем первой исторической катастрофой. Человек, сотворённый свободным, потерял свою первозданную цельность и тем самым положил начало новой истории, которая в скором времени отметилась первой кровью. Из зависти один из сыновей Адама поднял руку на родного брата и убил его. С тех пор кровь начала разливаться по всей земле и

стала визитной карточкой человечества, постепенно потерявшего разумение о главных смыслах бытия. Причина потери памяти, на наш взгляд, проста: люди так сильно удалились от Бога, что всерьёз стали полагать, что могут выстроить своё счастье без Него. В результате мир подошёл к черте, за которой зияет пропасть. Если человечество не проявит зрелость и не вернётся к подлинным нравственным ценностям, то оно прекратит своё существование как не имеющее морального права двигаться дальше.

В Послании к Ефесеянам апостол Павел говорит, что мы боремся «не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 10–12). И эта борьба происходит не на суше, не на воде, не в холодном космосе, а в первую очередь в наших сердцах. И, стало быть, от нас и зависит, какой наша жизнь будет сегодня, завтра, да и будет ли она вообще.

В своей безумной и бесплодной борьбе с Богом силы тьмы желают лишь одного – доказать Богу, что человек есть существо неудачное и неспособное совершать благородные поступки и исповедовать высокие идеалы. И им позволено искушать и соблазнять человека, ослабляя или вовсе истребляя его веру в Божественный промысел.

Оторванный от Бога человек остаётся один на один со своей совестью. И наделённый свободой, этим высочайшим даром Творца, всю свою жизнь стоит перед выбором, который либо вернёт ему потерянный рай, либо низвергнет в адскую бездну.

Являясь участником драматической истории последних лет и ощущая на себе её сверхнапряжённую атмосферу, невольно приходишь к мысли, что некая сверхъестественная сила проводит весьма небезуспешные опыты по выведению нового сорта людей, которые под благовидными предложениями создали бы новый миропорядок, в центре которого был бы уже не Бог, а человек. И эта сила, обладающая нечеловеческой хитростью и сверхчеловеческой ненавистью, одновременно разрабатывает несколько вариантов с надеждой на то, что хоть какой-то из них сработает. И, как покажет история, неплохо сработают все...

К примеру, коммунистическая модель, которая является праматерью всех революций и которая, между прочим, была призвана под видом достижения всеобщего блага и вселенской справедливости «загнать» человечество в светлое будущее. Бессовестно эксплуатируя христианскую терминологию и провозглашая нравственные принципы, украденные из Евангелия, она не оставила места лишь для Бога, Который никогда не обещал человеку Царства Небесного на Земле. Он учил, что это царство находится внутри каждого из нас. Но такая правда идеологов революции не устраивала, ибо она открывала человеку верный взгляд на вещи, происходящие в мире и в его собственном сердце. Такого человека обмануть или сломить либо очень трудно, либо вовсе невозможно. А цель всякой революции, собственно, и заключается в том, чтобы человек, разрушая вековые традиции, собственными руками убивал в себе Бога.

Следующая модель – фашизм, имеющий своим намерением стереть с лица земли этот зловерный и безбожный коммунизм, а заодно поставить на колени его главную носительницу – якобы варварскую и безбожную

Россию, которая весьма быстро набирала экономическую силу и политический авторитет и становилась угрозой всему «просвещённому» человечеству. А вместе с тем очистить жизненное пространство, уничтожив пару-тройку грязных, никчемных и никому не нужных, на их взгляд, народов.

И солдаты вермахта, подпоясанные ремнями, на которых было написано «С нами Бог», без страха и упрёка безжалостно и хладнокровно уничтожали себе подобных. Помнится, совсем незадолго до Великой Отечественной, в 1939 г., вождь фашистской Германии был выдвинут на получение Нобелевской премии мира.

Но в то же самое время в стороне от всех вполне благополучно развивалась ещё одна модель, которая не обременяла себя лозунгами и идеологическими призывами и которой двигал лишь холодный расчёт, а целью была прибыль, и только прибыль. С точки зрения её апологетов, именно материальное богатство может сделать человека счастливым и самодостаточным, давая ему настоящую власть. Власть и, как они полагают, свободу, но не ту, которая освобождает человека от рабства греху, а ту, которая позволяет ему делать всё, что он пожелает, снимая с него какие бы то ни было моральные обязательства. Кстати сказать, на сей раз Западная Европа подсутилась и исправила свой недочёт, наградив нынешнего лидера этой модели Нобелевской премией мира. Вот только непонятно за что: то ли за совокупность всех кровавых деяний, совершённых американцами до него, то ли за их совокупность в его бытность?

Интересно то, что все эти глобальные эксперименты, разные по своей форме, на самом деле имеют одну и ту же цель – мировое господство, за которой скрывается ещё более важная цель, и, без сомнения, более глобальная – вытравливание христианского духа из человеческого обихода, ибо там, где ненависть, вероломство и двуличие – Христа нет и быть не может.

Но не стоит, однако, забывать о той единственно верной модели, которую предложил

человеку Сам Творец, в фундаменте которой лежит Его бесконечная Любовь, рождающая всё чистое, доброе, светлое, а стало быть, пригодное для полноценной жизни.

В этой любви нет и не может быть ни зависти, ни ненависти, ни лукавства. Она, по слову апостола Павла, многие грехи покрывает и имеет великое свойство прощать и дарить человеку радость даже тогда, когда у него, казалось бы, ничего не остаётся.

Невольно вспоминается рассказ одной монахини, которая во времена страшных гонений несколько лет отсидела за веру в сталинских лагерях и потом рассказывала, что никогда у неё не было такой радости, как в те времена. Она сидела в клетке, но была свободна, потому что в её сердце жил Христос, который две тысячи лет назад пришёл в этот мир и пролил за него *Свою* кровь. И Он продолжает проливать *Её* за каждого из нас, а человечество по-прежнему продолжает забивать гвозди в *Его* пречистые руки своими грехами. Каково же Богу, вложившему всю *Свою* любовь в человека, взирать на *Свое* ослеплённое гордыней творение, беззастенчиво демонстрирующее Ему свою независимость!

Почти век прошёл с тех пор, когда великий русский мыслитель Иван Ильин произнёс слова, которые и ныне звучат более чем современно: «Всё, что произошло в мире в двадцатом веке и продолжает совершаться и ныне, свидетельствует о том, что христианское человечество переживает глубокий религиозный кризис. Широкие слои людей утратили живую веру и отошли от христианской Церкви... Человек нового европейского «уклада души» всё более отчуждается от вечных истин христианства... привыкает «обходиться без них», религиозно мертвеет, умственно и нравственно вырождается и идёт навстречу невиданному ещё в истории человечества культурному кризису»¹.

Разве не о сегодняшних днях говорит Иван Ильин? Обезбоженный западноевро-

пейский и североамериканский мир, претендовавший на то, чтобы показать всем верную дорогу к счастью, не в состоянии этого сделать. Но он успел поразить «бациллой потребительства» огромную часть человечества. Упор на материальное благополучие привёл в конечном итоге к мировому кризису, который по сути своей является кризисом человеческого духа.

Замечательной иллюстрацией того, как это произошло, является опыт Западной Европы. Можно сказать, что ее закат начался в эпоху Возрождения, когда проводники новой культуры, называвшие себя гуманистами, прославляя земную красоту и возвеличивая человека, создали предпосылки для того, чтобы для Бога в человеческом сердце оставалось все меньше и меньше места. Здесь необходимо вспомнить и о том краеугольном событии в истории Церкви, после которого Ренессанс и секуляризация западноевропейского мира стали вполне естественными. Это ее раскол в X веке на восточную православную и западную римокатолическую, который видимым образом показал, что Восток и Запад мыслят и ощущают мир по-разному. Эта разница в мировосприятии начала формироваться гораздо раньше, в эпоху Вселенских соборов, когда западное богословие, допуская в церковных догматах роковые искажения, создало неизбежные предпосылки для искажения и всего опыта Церкви. Но первый раскол – это еще не конечная остановка. Главная цель вселенского зла – это полное уничтожение духовной памяти в человеке. А посему происходит новый раскол, сопровождающийся бесконечными делениями на все новые и новые сектантские образования, и слово «реформа» прочно входит в практику человеческого бытия. И то, что происходит с Европой сегодня, позволяет нам констатировать весьма грустную правду: наступивший после религиозного средневековья Ренессанс стал началом не возрождения Европы, а ее умирания.

Но это, естественно, произошло не в одночасье. В течение нескольких столетий

¹ Ильин И. А. Основы христианской культуры / Ильин И. А. Мюнхен : Из-во Братства прп. Иова Почаевского, 1990. 330 с. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin01.htm> (дата обращения: 02.12.2014).

человек пропускал через себя новые представления о мире, которые в конечном итоге развернули его от Евангельского блаженства к земному наслаждению. И тот факт, что часть западноевропейской молодежи сегодня начала уходить в набирающий силы исламский фундаментализм, этот суррогат веры, является верным признаком умирания Европы. Причина в том, что эта молодежь не нашла для себя шанса раскрыть свой духовный потенциал в недрах теперь уже вполне обезбоженного общества, правящая элита которого полностью потеряла свою самостоятельность и стала безропотной исполнительницей воли своего «всемогущего» североамериканского хозяина.

Таким образом, Европа заражается духом безбожия до такой степени, что кризис, о котором мы говорили выше, становится неизбежным. В переводе на русский язык «кризис» означает «суд». Правильно толкуя это слово, человечество должно осознать, что предстоит не перед страхом физического уничтожения, а перед дыханием самой Вечности, взирающей на него и ожидающей его преображения.

Но неужели на Земле не осталось места, где ещё существует понятие о страхе Божьем и подлинных духовных ценностях? Такое место есть. И это наше Отечество, Россия, в которой ещё теплится огонёк живой веры и жажда Высшей Правды. Из всех православных держав на сегодняшний день мы – единственные, кто может влиять на мировые процессы и чей голос раздаётся всё громче и громче. Мы начинаем осознавать своё подлинное предназначение.

Проживая великую историю, испытывая невероятные взлёты и не менее невероятные падения, мы каким-то совершенно чудесным образом не выродились в карликовое государство, что произошло некогда с Византийской империей, а остаёмся поистине великой державой. Хотя наши недруги никак не хотят или не могут разглядеть нашего величия, которое заключается не столько в территориальных масштабах, сколько в нашей духовности, в нашем вели-

ком народе, который подарил миру великую культуру и явил ему великих святых, по которым Россия всегда ровняла свою жизнь, ибо во все времена и поныне идеал святости для нашего народа был и остаётся важнейшим.

Так, может быть, для этого и сохранил нас Господь до сего дня, чтобы рассказать запутавшемуся миру об этом идеале как о благословении Творца, которое человечество получило через Его Божественное Слово: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48), «Будьте святы» (1Пет. 1, 16), «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32).

Рассуждая о предназначении русского человека, Ф. М. Достоевский восклицает: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово? Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено...»²

На протяжении всей своей христианской истории наш народ бережно старался хранить образ Христа в неискажённом виде: он мудро и мужественно стоял за эту чистоту и во времена благоверного князя Александра Невского, когда ему предлагали унию, и во времена великих русских граждан Минина и Пожарского, когда его снова захотели окатоличить, и во времена нашествия двенадцати языков, когда вся Европа ополчилась против него, и во времена страшного революционного эксперимента, когда народу-Богоносцу под страхом смерти было запрещено упоминать Имя Божие, и в не менее страшные времена Великой Отечественной, ну и сегодня, когда по всем признакам наступает один из последних актов всечеловеческой драмы.

2 Достоевский Ф. М. Пушкин. Очерк / Достоевский Ф. М. // Александр Сергеевич Пушкин : интернет-сайт. URL: <http://www.as-pushkin.ru/index.php?cnt=6&sub=11> (дата обращения: 02.12.2014).

Не за эту ли преданность Христу и Его Правде Европа нас, мягко говоря, недолюбливает, а североамериканские штаты и вовсе вычеркнули бы нас из истории, если бы им это было позволено. Мы имеем в виду, конечно, не большинство простого народа, а элиту, которая несёт ответственность перед Богом и человечеством за то, куда и как ведёт свой народ. Из либеральных кругов постоянно раздаются голоса, что всё это, дескать, наши фантазии, но давайте в таком случае послушаем нашего соотечественника Н. Я. Данилевского: «Европа не признаёт нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для неё простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды. Как ни рыхл, ни мягок оказался верхний, наружный выветрившийся и обратившийся в глину слой, всё же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твёрдое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить и которое имеет силу и притязание жить своей независимой и самобытной жизнью. Итак, во что бы то ни стало – ни крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем – надо не дать этому ядру ещё более окрепнуть, разрастись и пустить корни и ветви вглубь и вширь. Не допускать до этого – общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники, и даже вручить ему знамя цивилизации»³.

Так что же это за ядро, которое лежит в основе русского мира и не даёт ни Западу, ни Востоку, ни Северу, ни Югу разорвать Россию в клочья или, по крайней мере, поставить на колени?

Рассуждая о цивилизациях, русский аргентинец И. Андрушкевич прорисовывает

3 См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / Н. Я. Данилевский ; предисл. Н. Н. Страхова ; ст. К. Н. Бестужева-Рюмина ; сост., вступ. ст. и коммент. А. А. Галактионова. 6-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та : Глаголь, 1995. 552 с. (Литературное наследие русских мыслителей). URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/jev/rop/ada/nil/> (дата обращения: 02.12.2014).

великолепную схему, которая представляет цивилизацию в виде трёх концентрических сфер. Внутренняя сфера – ядро цивилизации – это тип верования, определяющий шкалу духовных ценностей. В ядре формируется дух цивилизации. Ядро обволакивается «питательной мякотью», которая есть не что иное, как культура. Культура порождается типом верования, но когда она начинает стремиться к независимости, то может войти в противоречие с ним. Третий слой – это «защитная скорлупа», т.е. общественные и государственные институты, которые защищают и «питательную мякоть», и ядро от внешних и внутренних врагов.

Здесь необходимо понимать, что с искажением ядра происходит искажение всего цивилизационного уклада. Блестящий пример тому – это сегодняшние события на Украине. В известной степени ее историю можно сравнить с историей некогда великой Византии. Разница лишь в том, что Византия была империей, и притом великой, а Украина была лишь частью империи, но та и другая совершили роковую ошибку, приняв унию. В результате Великая Империя вырождается в карликовое государство, а Украина, в отличие от нее, рискует гораздо больше: она может лишиться возможности стать даже карликовым государством и вовсе потерять свой суверенитет. И то, что их нынешние вожди нынче лобызают православные иконы, демонстрируя свою приверженность Православию, есть лишь жалкая форма. Их помыслы всецело там, где звенит монета, там, где можно потешить свое властолюбие и тщеславие, там, где христианский дух давно выветрился. И все это – результат либо отрыва от цивилизационного ядра, либо циничная попытка подменить его главные смыслы.

Ядром русского мира является Православие. И нам понятно, почему поход на Восток, начавшийся на заре нашей цивилизации, продолжается до сего дня. Мы слышим ответ на этот вопрос из уст одного из наиболее влиятельных вдохновителей североамериканской идеи мирового господства и после-

довательных и агрессивных ненавистников русского мира З. Бжезинского: «После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское православие»⁴. Что ж, спасибо господину Бжезинскому за откровенность. Но почему же он и его компания так ненавидят Православие? Не потому ли, что оно является единственной силой, которая не позволяет вселенскому злу, пытающемуся прикрыть свою подлинную сущность ангельскими одеждами, окончательно обезбожить мир, ввергнув его в глобальную катастрофу и, обескровив, подготовить пришествие того, кому они поклонялись с самого начала своего существования, принося в жертву коренные народы Северной Америки, и кому преданно продолжают служить и доньне, выворачивая наизнанку Божественную правду. Как здесь не вспомнить слова пророка: «Горе тем, которые зло называют добром и добро – злом, тьму почитают светом, а свет – тьмою, горькое почитают сладким, а сладкое – горьким! Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны перед самими собою» (Ис. 5, 20).

Можно сказать, при этом не умаляя достоинства других великих народов, что сегодня по большому счёту главная борьба происходит между двумя сверхдержавами – Россией и США. И это борьба двух совершенно разных мирозерцаний, двух совершенно разных культур. И будущее человечества, если хотите, зависит от того, кто из них выйдет победителем в этой далеко не шуточной войне и чей путь человечество предпочтёт.

Порой кажется, что Европа и Североамериканские Штаты словно боятся раскрыть свои объятия России, опасаясь того, что, соприкоснувшись с её широкой и отзывчивой душой, они захотят остаться в этих объятиях навсегда.

На самом деле нам есть что предложить миру. Русская культура всегда была и остаётся одной из главных проповедей Евангельского духа. Она удивительно

чутко, глубоко и пророчески показывает и раскрывает главные смыслы бытия. Вскормленная православным мирозерцанием, она на протяжении всей своей истории была верным ориентиром для чутких сердец, ищущих Высшей Правды. Но, наверное, ни в ком так цельно, гармонично и глубоко она не раскрылась, как в А. С. Пушкине, о котором И. А. Ильин сказал: «Он дал нам право верить в призвание и творческую силу нашей Родины, благословлять её на всех её путях и прозревать её светлое будущее, какие бы страдания, лишения или унижения ни выпадали на долю русского народа. Иметь такого поэта и пророка значит иметь свыше великую милость»⁵.

Не зря Пушкин сам себя называл «эхом русского народа», народа с огромной открытой душой, способной вместить в себя все страдания человечества. И если бы он написал лишь одно своё произведение, «Сказку о рыбаке и рыбке», поразительное по своей простоте и глубине, лично для меня он уже был бы великим писателем и пророком. Это произведение как часть великой русской культуры вполне может быть названо посланием русской души «просвещённому» человечеству, в котором Пушкин гениально показывает этому человечеству пути правды и лжи, пути спасения и гибели.

В образе простого и смиренного старика легко угадывается Россия, призванная Богом пребывать в трудах и молитвах и желающая жить спокойно и праведно.

А рядом – сварливая старуха, беспокойная, ненасытная и неблагодарная.

И вот, за своё долготерпение старик сподобляется поймать рыбку, готовую исполнять его желания. Но удивительно то, что он ничего не просит у неё для себя. Почему? Да потому что у него всё есть: и мир на душе, и любимое дело, и даже сварливая жена, которой постоянно чего-то не хватает

⁴ Цит. по: Платонов О. А. История русского народа в XX веке / О. А. Платонов. М. : Родник, 1997. Т. 2. 1040 с. (Терновый венец России). URL: <http://lib.ru/PLATONOWO/russ3.txt> (дата обращения: 02.12.2014).

⁵ Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. / И. А. Ильин. М. : Книга, 1990. С. 328.

ет и с которой он обречён жить бок о бок всю свою жизнь. У древних христиан рыба была символом Христа – Спасителя. Полагая, что и в сказке Александра Сергеевича она также символизирует Господа, который всегда «гордым противится, а смиренным даёт благодать», как сказано в Евангелии. Так что же старуха? Наказание или награда для старика? Можно предположить, что, взирая на его праведность, и старуха станет добрее. Но если этого не произойдёт, а старик претерпит все её выходки, он может стать святым, а потом и её вымолит.

Но, читая сказку, мы что-то не видим, чтобы старуха становилась лучше: чем больше она получает, тем больше ей хочется. А старик по-прежнему остаётся для неё дурачиной и простофилей, впрочем, как и Россия для «просвещённых» народов Запада. Несмотря на всё это, он переживает за свою жену, пребывающую в зависти и ненависти, и, кажется, ему неловко за неё и перед всем миром и, конечно же, перед Рыбкой, т.е. пред Господом. Он печалится, взирая на её безумие, но снова идёт к морю и снова просит Владычицу морскую о милости. И она снова посылает ему эту милость и делает это до тех пор, пока старуха в безумии своём не переступает черту: ей уже мало повелевать людьми и народами, она теперь желает занять место самой Рыбки и чтобы Та была у неё на посылках.

О, как это напоминает современное общество потребления во главе с США и большей частью западноевропейского мира. Они вовсе не прочь выстроить своё благополучие за чужой счёт, при этом беззастенчиво используя остальной мир в своих корыстных интересах, легко избавляясь от тех, кто не разделяет с ними их идеалов. Желание повелевать народами настолько вошло в их обычай, что даже далёкая мысль о том, что кто-то может составить им какую-то конкуренцию, приводит их в ярость. И чувство собственной непогрешимости и исключительности, вероятно, настолько ослепляет их, что они, кажется, были бы не прочь в конечном итоге занять

место самого Творца.

А что же Россия? Так же, как и старик, который готов был нести на себе старуху, терпя её причуды, так и она по образу Христа отдаёт себя в жертву миру, пропуская через себя всё его несовершенство. Она жертвует собой и тогда, когда стоит за правду, защищая своих православных братьев, и тогда, когда становится площадкой для страшных экспериментов, и тогда, когда, как всегда оболганная, измороженная, но не сломленная, возвращается к себе самой, возвещая миру Правду о подлинных нравственных ценностях, которые растерял мир, образом жизни которого стали циничная ложь и двуличие.

И так же, как у старика со старухой, так и у России с США и Европой, увы, две совершенно разных миссии. У первой – взывание Небесной Правды и обретение Евангельского блаженства, а у вторых – взывание радостей и наслаждений земных и только земных. Нетрудно догадаться, куда приведёт человека первый путь и куда его может привести второй.

И пока человечество, наделённое божественным даром свободы, будет пытаться сделать правильный для себя выбор, мы всеми силами должны возвращать в свою жизнь историческую и духовную память, которая живёт внутри каждого из нас и которую нужно лишь разбудить. Главной задачей на этом пути должно стать укрепление цивилизационного ядра, которое формирует нашу культуру и государственность. За этим должна стоять титаническая, в полном смысле подвижническая просветительская работа. Русский человек достоин того, чтобы знать правду о самом себе и главных смыслах бытия, выраженных простыми и понятными словами. А русские дети имеют полное право учиться не по тридцати учебникам истории, а по одному, но умному и честному. Ведь мы проживаем не тридцать, а одну общую для всех нас историю, как бы печальна она временами ни была.

Большевики были гениальны в своей лжи. Пообещав народу мир, они ввергли его

в братоубийственную войну; пообещав крестьянам землю, они отняли её у них; пообещав светлое будущее, они сделали его беспросветным.

Мы же должны быть гениальны в правде ясно сформулированной, понятной и близкой большинству нашего многонационального народа – от высших руководителей до самых простых людей независимо от национальности и религиозной принадлежности.

Сегодня, и я в этом уверен, именно Россия имеет полное право объявить миру о главенстве не геополитических интересов, о которых сегодня только и говорят, а о том, что в основе всечеловеческого благобытия лежит не абстрактный гуманизм и желание накормить генномодифицированной продукцией миллионы обездоленных, а подлинная духовность, в основе которой – любовь Творца к Своему творению и ответная любовь творения к своему Творцу, выраженная в её благодарности и разумных поступках.

Народ, услышавший из уст своих руководителей ясные и честные слова о том, кто мы и каковы наши главные цели и задачи, не останется в стороне и сделает всё возможное, что от него зависит. Весьма знаменательными являются слова лидеров двух великих держав, произнесённые совсем недавно, практически в одно и то же время. Президент Соединённых Штатов сказал во всеуслышание примерно следующее: «Самой главной организацией в мире является правительство США». Мы бы назвали это прелестью вселенского масштаба. А вот что сказал президент России: «Самое

главное в жизни – это любовь. Любовь к семье, к Отечеству, без которой жизнь теряет смысл».

Ивану Ильину принадлежат замечательные слова о том, что русский человек без любви есть существо неудавшееся. В этом смысле слова В. Путина можно расценить как подсказку к тому, какой бы могла быть формула русской национальной идеи. В центр этой формулы можно и нужно поставить триединую любовь – любовь к Богу, любовь к Отечеству и любовь к человеку.

И провозглашение этого национально-го принципа существования могло бы стать сигналом как собственному народу, так и всему миру.

Сегодня Россия стоит на Голгофе, распинаемая врагами Христа. И если мы духовно сплотимся и не разбежимся «страха ради иудейского» и сможем воззвать к Нему, как некогда благоразумный разбойник, и принести Ему достойное покаяние, то, может быть, тогда, вдохновляемые Его распятием и воскресением, мы найдём в себе силы сказать последние Его слова на Кресте: «Господи, прости их, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23, 34).

Прости, Господи, и их, и нас за малодушие и маловерие, за ту боль, которую приносим Тебе своей недостойной жизнью, и дай нам силы принять Твою любовь, ибо без неё мы прах и тлен, и только она может помочь нам умягчить злые сердца, уврачевать вековые раны и воздать Тебе достойную хвалу.

Аминь и Богу слава!

Аркадий Минаков,
доктор исторических наук,
профессор Воронежского
государственного университета,
руководитель Центра по изучению
консерватизма

Слово о русском консерватизме

Консерватизм – это блистательное направление русской мысли, представленное знаковыми в истории культуры и общественной мысли именами, начиная с основоположников русского консерватизма – Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, его продолжателей и апологетов – зрелых А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, славянофилов и почвенников, Ф.М. Достоевского, св. Иоанна Кронштадтского, П.А. Столыпина, Патриарха Тихона, И.А. Ильина, А.И. Солженицына и десятков других не менее узнаваемых и масштабных фигур из национального русского культурного и политического пантеона.

Коротко говоря, консерватизм представляет собой идеологию и стиль мышления, опирающиеся на христианские нравственные ценности и позитивные национальные традиции.

Исторически первыми в начале XIX в. возникли течения консерватизма, ставящие своей целью борьбу с русским западничеством, точнее с галломанией, «французолобием». Франция тогда абсолютно доминировала в Европе, подобно тому, как сейчас доминирующую роль в мире играют США. Французские языковые, культурные и идеологические модели рассматривались частью тогдашней элиты как объект для подражания, как то, что необходимо во что

бы то ни стало пересадить на русскую почву: от языка и моды до политической идеологии и государственного устройства. При этом российские галломаны, как правило, не осознавали, что основная угроза Российской империи исходила именно от Наполеоновской Франции, стремящейся к мировому господству и агрессивно распространявшей порядок, возникший в результате Великой французской революции.

Одна из причин, по которой ряд консерваторов приняли самое активное участие в устранении с политической арены великого либерального реформатора М.М. Сперанского, заключалась в том, что он воспринимался ими как своего рода «агент влияния», центральная фигура ненавистной им либеральной «французской партии». Таким образом, они заблокировали реализацию масштабного конституционного либерального проекта, который на том этапе должен был реально ограничить самодержавие. И, как небезосновательно опасались консерваторы, одновременно существенно ослабить мощь России перед большой войной в 1812 г.

В полемике с галломанами были сформулированы некоторые основные постулаты нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость некритического подражательства западноевропейским образцам,

ставка на собственные самобытные традиции: языковые, религиозные, политические, культурные; на патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность традициям мощной государственности – самодержавной монархии.

Наиболее видные лидеры консерваторов той эпохи А.С. Шишков и Ф.В. Ростопчин первоначально были политическими маргиналами, пребывавшими в опале. Перед Отечественной войной статус консервативных оппозиционеров радикальным образом изменился: они заняли ряд ответственных государственных постов, получили реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора Александра I. В кадровой политике по сути дела произошел «тектонический» переворот: вопреки своим внутренним либеральным установкам Александр I вынужден был сблизиться с консервативной «русской партией».

1812 г. стал звездным часом консерваторов, им предоставилась беспрецедентная возможность для озвучивания и частичной реализации своих идей. Шишков, занявший место Сперанского, был основным идеологом и пропагандистом войны, Ростопчин – диктатором Москвы, организовавшим знаменитый московский пожар, сорвавший стратегические замыслы Наполеона, что заставило его в условиях начавшейся зимы начать великое отступление, закончившееся полным разгромом французской армии.

Консервативно-патриотические настроения и взгляды начала XIX в. объективно оказались необходимым политическим инструментом для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского высшего общества. Во многом благодаря усилиям консерваторов высший образованный слой вновь начал говорить на русском, а не французском языке.

Отцы-основатели русского консерватизма, за редким исключением, были гениальными и «просто» талантливыми литераторами, среди них Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин,

И.А. Крылов, С.А. Ширинский-Шихматов и др. Кроме того, один из них, Карамзин явился создателем консервативно-патриотической версии русской истории, оказавшей серьезное влияние на формирование национальной идентичности образованного слоя, лояльного государству и Церкви.

В начале XIX в. в лоне русского консерватизма вызрела концепция мощной централизованной власти, позволяющей концентрировать материальные и людские ресурсы на жизненно важных для государства и общества направлениях – самодержавия, являвшегося в сознании консерваторов главной причиной и гарантией могущества и процветания России. Самодержавие представлялось им как особый, самобытно-русский тип власти, тесно связанной с православием. Самодержавие было демиургом, создавшим русскую государственность и русский народ. Ограничить самодержавие означало столкнуть страну в катастрофу, как минимум резко ее ослабить. Создателем этой концепции был Н.М. Карамзин.

В рамках официальной консервативной идеологии царствования Николая I (ее главными представителями были министр народного просвещения С.С. Уваров и историк М.П. Погодин) была провозглашена знаменитая триада «Православие. Самодержавие. Народность», противопоставляемая французскому лозунгу: «Свобода, равенство, братство». Уваров, по сути дела, дал удачную подсказку для разработки консервативной доктрины. Не более того. Он явился создателем национальной системы образования и науки. Теперь чиновники обязаны были иметь высшее образование, причем базирующееся на вышеуказанных идейных принципах. Прекратилось былое увлечение западноевропейским мистицизмом и масонством правящего слоя. Элита перешла на русский язык, по крайней мере, она его уже очень хорошо знала, с абсолютным засильем галломании было покончено.

Это было время «Золотого века» русской культуры. Значительная часть консерваторов была его ведущими творцами – зрелый

А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.В. Жуковский, Н.А. Гоголь, Ф.И. Тютчев.

Представители славянофильства, или в их собственной формулировке, «православно-русского направления мысли» (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин) в целом признавали уваговскую триаду как отправную точку своих взглядов. Став первыми в России светскими богословами, религиозными философами и публицистами, они в условиях нараставшей секуляризации и индифферентного отношения к религии вновь открыли значимость православной религии и Церкви образованному обществу, положив начало своего рода светскому православному Возрождению.

Монархия в их понимании носила народный, небюрократический характер и должна была органично сочетаться с «земщиной», то есть системой местного самоуправления снизу, и выборным всесословным законодательным Земским Собором наверху, на которые бы опиралась власть самодержца.

Славянофилы отчетливо сформулировали исключительно важную идею самобытного пути развития России, принципиального культурно-религиозного различия Европы и России. При этом их отношение к Западу не носило негативного или изоляционистского характера. Ценные достижения Запада, с их точки зрения, было необходимо использовать, но таким образом, чтобы не нанести вред собственной культуре и традиции. Они резко критиковали Петра I, изменившего ход русской истории, осуществившего своего рода радикальную западническую революцию сверху.

Ряд ключевых деятелей славянофильства явились уже в царствование Александра II разработчиками отмены крепостного права, освобождения крестьян обязательно с землей, а также земской реформы, т.е. всесословного (а не только дворянского) местного самоуправления. Великие реформы, сыгравшие исключительно важную роль в истории России, имели ярко выраженную славянофильскую окраску.

Во время мощного Польского восстания

1863–64 гг. русофобия восставших поляков, агрессивное давление на Россию Запада, активно поддержавшего повстанцев, взлет радикального движения внутри России привели к резкому «поправлению» настроений в правительственных кругах и обществе. Либеральные умонастроения, характерные для начального этапа Великих реформ, сменились консервативным «поворотом».

Лидером консерваторов того времени выступил М.Н. Катков, создатель талантливой консервативной журналистики, выступивший против дальнейшего углубления либеральных реформ, расшатывавших и деморализовавших государство (помним, что именно в это время появляется нигилизм, сильное революционное движение, начинается терроризм, возникает «окраинный» сепаратизм). На первое место консерваторы ставили интересы государства и русского народа, исходя из того, что интересы всех народов, населявших Россию, неразрывны связаны с русскими национальными интересами как системообразующим фактором общей государственности, отказ от достижения которых неизбежно повлечет за собой всеобщее бедствие.

Катков был не просто государственным, а поборником имперской идеи, категорически выступавшим против национал-сепаратистских движений за единство и целостность Российской Империи. Им была осознана значимость национального вопроса, в частности, впервые поднята проблема украинского сепаратизма.

Одновременно произошла радикализация основных положений историософии русского консерватизма – от признания определенных различий в судьбах России и Европы до создания целостного учения великого русского ученого Н.Я. Данилевского о различных культурно-исторических типах, лежащих в основе славянского и западно-европейских миров, т.е. учения о самобытной русско-славянской православной цивилизации, русской цивилизации. Сейчас это понятие активно стало использоваться в политической лек-

сике. Данилевский обосновал одно из ключевых положений русского консерватизма: о невозможности механических заимствований фундаментальных источников культуры одной цивилизации у другой. Точнее, по Данилевскому, это возможно, но с существенными ограничениями, тогда, когда речь идет о заимствовании лишь естественно-научных и технических знаний. Слепое заимствование может приобрести разрушительный характер при попытках пересадить на российскую «духовную матрицу» религиозные, культурные, нравственные принципы чужой цивилизации. Учение Данилевского о цивилизациях было уникальным прорывом в понимании всемирной и русской истории. Он подверг критике европоцентризм, идеологию, провозглашающую превосходство Запада над другими цивилизациями, показал равноценность и равнозначимость великих цивилизаций, подобных русско-православной, романо-германской, китайской, индийской и т.д.

Творчество вершинного гения русской культуры Ф.М. Достоевского происходило под сильнейшим влиянием идей русских консерваторов, в особенности Данилевского и славянофилов, что нашло яркое отражение в становящимися в наши дни все более востребованным «Дневнике писателя» и косвенно – в его великих литературных творениях.

В правление императора Александра III К.Н. Леонтьев и К.П. Победоносцев осуществили критику идей политического либерализма и парламентаризма. Лидером здесь был, пожалуй, Победоносцев, наставник двух последних русских царей. Для него все вышеупомянутые идеи суть «великая ложь нашего времени», когда под прикрытием выборного начала и парламентаризма, при помощи продажной печати формируется путем подлогов и манипуляций власть абсолютного меньшинства – космополитической олигархии и бюрократии, ничего общего не имеющая с народовластием. Именно поэтому самодержавная монархия, с его точки зрения, была единственно относительно

нравственной и «прозрачной» формой правления, реально способной отстаивать общественное благо, а не своекорыстные интересы анонимных закулисных групп.

К.Н. Леонтьев в условиях, когда образованное общество в основном исповедовало атеизм и отрицало наличие надындивидуальных высших ценностей, отстаивал идею «византизма», т. е. исключительно сильной иерархической государственности, базирующейся на православии, которая бы могла сдерживать в России процессы социальной энтропии и политической деградации. Леонтьев одним из первых подверг критике современную секулярную культуру, которая, с его точки зрения, неуклонно вела человечество, в том числе и Россию, к духовному, интеллектуальному, эстетическому, нравственному и антропологическому вырождению.

В начале царствования Александра III, начавшегося после убийства народовольцами-террористами его отца, Александра II, произошло жесткое столкновение двух консервативных в своей основе проектов: славянофильского либерально-консервативного, предполагавшего сочетание самодержавия с Земским Собором. Он был выдвинут влиятельным славянофилом И.С. Аксаковым и министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым. Новый император под давлением Победоносцева и Каткова выбрал последовательно-консервативный вариант, предполагавший сохранение неограниченного самодержавия. Во многом этот вариант сформировался не только под влиянием шока от страшных последствий народовольческого террора, но и разочарования от негативных последствий либеральных реформ, заставших консерваторов осуществить пессимистическую переоценку творческих и деловых возможностей «земщины», или, говоря современным языком, гражданского общества, которое в целом оказалось неспособным к планомерной административной и хозяйственной работе, предпочитая заниматься деструктивной критикой власти и поддержкой революционного подполья.

Консерваторы, прежде всего Победоносцев и педагог С.А. Рачинский, осуществили программу широкого распространения церковно-приходских школ, т.е. внедрения мощной религиозно-патриотической компоненты в народное образование, призванной сыграть стабилизирующую роль в условиях нарастающего кризиса.

При Александре III консерваторы сформулировали экономическую программу консервативной модернизации, предполагающей жесткие меры протекционистского характера и учет внутрироссийских условий, прежде всего аграрного характера русской экономики. Главным условием успеха программы широких мероприятий по развитию национальной индустрии и экономики в целом они считали сохранение мощной самодержавной власти. В той или иной степени этих взглядов придерживались министры финансов И.А. Вышнеградский, ранний Витте, в дальнейшем — Столыпин. Развитие индустрии и финансов, стремительный промышленный рост начала XX в. во многом шли под знаком подобных воззрений.

При Николае II в начале XX в. в силу необходимости противостояния нараставшим революционным процессам началась принципиально новая стадия русского консерватизма: организационное и партийно-политическое объединение консервативных сил — возникли такие организации как Русское собрание, Союз русского народа и др., корпоративные союзы, например, право-консервативный Союз русских рабочих.

Среди консерваторов было немало представителей интеллектуальной элиты того времени, например, академики — филологи А.И. Соболевский и К.Я. Грот, византист Н.П. Кондаков, химик Д.И. Менделеев, художники В.М. Васнецов, Н.К. Рерих, К. Маковский, поэты Б. Садовский, М. Кузьмин. Членами этих организаций были св. Иоанн Кронштадтский, будущий Патриарх Тихон (Беллавин), будущий создатель РПЦЗ Антоний Храповицкий.

Показательно, что среди канонизированных церковью святых новомучеников и

исповедников XX в. членами право-консервативных организаций было 13 человек. Членов право-консервативных организаций насчитывалось от 400 до 600 тыс., причем среди них преобладали крестьяне. В эти годы власть поддержала правых консерваторов, поскольку нуждалась в них в качестве опоры в борьбе с левыми либералами и радикалами.

Меры, осуществленные П.А. Столыпиным с 1906 г., представляли собой своеобразный вариант консервативной модернизации. Опираясь на мощный ресурс самодержавной власти, подавляя революционный террор и сепаратистские движения, Столыпин сделал ставку на русский патриотизм и консерватизм.

Так, по инициативе Столыпина в Государственной Думе в 1908 г. была создана своего рода «русская партия» — «Всероссийский национальный союз», занимавшая умеренно-правую позицию, ее идеологию можно определить как консервативный национализм, наиболее яркими выразителями которого выступали издатель самой популярной консервативно-националистической газеты «Новое время» А.С. Суворин, его сотрудники, блестящие публицисты и литераторы М.О. Меньшиков и В.В. Розанов. Всероссийский национальный союз был опорой Столыпина в Государственной думе. С точки зрения его членов, становым хребтом Российской империи был русский народ. Укрепление государства предполагало приоритет русской национальности, русского языка, русской школы, русской культуры. Предоставление же преимущества окраинам неизбежно должно было вести к росту сепаратизма и ослаблению государства.

С подачи Л.А. Тихомирова, Столыпин пытался решить взрывоопасный рабочий вопрос, опираясь на идеи консерваторов. Суть их сводилась к следующему. Самодержавие в силу своего надклассового характера может решить рабочий вопрос так же, как ранее решило крестьянский (вопреки сопротивлению части дворянства). Именно самодержавное государство должно было

выступить независимым арбитром в решении конфликтов между торгово-промышленным классом и пролетариатом, ограничив аппетиты первых и предоставив правовую помощь и меры просветительского характера вторым.

Консервативные идеологи предложили Столыпину и вполне адекватные пути решения назревших проблем церковной жизни: восстановление патриаршества; освобождение церковной жизни от диктата государственной власти, развитие приходов и т.д.

В этот период в трудах бывшего народо-вольца и идеолога террора Л.А. Тихомирова, пережившего после убийства Александра II глубочайший духовный переворот, который развернул его к Православию и самодержавной монархии, в частности, в трактате «Монархическая государственность» было осуществлено масштабное теоретическое осмысление самодержавия как самобытной и уникальной формы российской государственности, соответствующей ей правовой системы, способов функционирования и взаимосвязи различных политических институтов, связи ее с религиозным мирозерцанием. С точки зрения Тихомирова, самодержавная монархия, твердая и сильная система власти, в отличие от демократии, может реально защитить права личности и дать свободу творчества человеку, допуская самое широкое самоуправление на местном уровне.

Представители правоконсерваторов ясно видели, в отличие от своих политических противников, в каком катастрофическом состоянии может оказаться Россия, если на практике будут реализованы политические проекты русских левых либералов и социалистов. В частности, видный член правой фракции Государственного Совета П.Н. Дурново еще до начала Мировой войны писал Николаю II о том, что в случае войны с Германией «все неудачи будут приписаны правительству». Дума начнет яростную агитацию против него, что вызовет революционные выступления, в ходе которых будут выдвинуты социа-

листические лозунги, которые захватят широкие слои, в частности, черный передел земли для крестьян и общий раздел всех ценностей и имуществ. Армия, лишившаяся за время войны наиболее надежного кадрового состава, состоящая в основном из крестьян, окажется деморализованной. «Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».

Именно видные представители консервативного лагеря предлагали последнему императору вполне реалистические политические рецепты, которые в условиях кризиса, вызванного войной, позволили бы избежать революции. Среди них были введение в стране военной диктатуры, усиление консерваторов во власти как в центре, так и на местах; прекращение финансирования органов, связанных с либеральной оппозицией, жесткая цензура и т.д. Николай II не последовал этим рекомендациям.

После февральско-октябрьской революции 1917 г. представители консерватизма были либо физически уничтожены, либо вынуждены были покинуть страну.

Одним из аспектов великой «миссии русской эмиграции» было сохранение и осмысление русской консервативной идеи, что нашло отражение в трудах И.А. Ильина, И.Л. Солоневича, правых евразийцев и представителей так называемого «русского религиозного ренессанса». Все они оказались, прежде всего, в той или иной мере систематизаторами русских консервативных ценностей, тонкими аналитиками причин революции 1917 г. Они дали прозорливый прогноз о тех опасностях, которые подстерегали Россию при крушении советской системы, предсказали крупнейшую геополитическую катастрофу 1991. Кроме того, оказавшись на Западе и хорошо изучив его изнутри, они сформулировали те опасности и соблазны,

которые может представлять для национального самосознания будущей России мировоззрение, идеализирующее политический, экономический и культурный строй Запада. Консерваторы, в частности Иван Ильин, были убеждены, что после падения коммунистического режима основная задача национального спасения и строительства будет состоять в создании новой элиты, или «в выделении кверху лучших людей, – людей, преданных России, национально чувствующих, государственно-мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения». Если эта задача не будет выполнена, то «Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период ... деморализации, всяческого распада и международной зависимости».

В СССР в рамках самой советской системы, которая первоначально возникла как абсолютный антипод консервативному проекту (достаточно вспомнить основные цели левого проекта: ликвидация частной собственности, государства, религии, церкви, буржуазного права, семьи, отрицание патриотизма во имя интернационализма и т.д.) с начала 1930-х гг. постепенно произошел своего рода «консервативный переворот» (я подчеркиваю условность этого термина!), осуществляемый группой Сталина-Жданова. Сложилась своего рода «советская консервативная традиция» в рамках тоталитарной идеологии и монополии коммунистического государства на любые решения в политической, экономической, идеологической, культурной и т.д. сферах. После физического уничтожения значительной части левацких элементов в партии важными элементами этого ситуативного консерватизма стали советский патриотизм, выборочная апелляция в пропаганде к фактам исторического прошлого, обращение через призму партийной цензуры к образам великих князей и царей, полководцев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра I, Суворова и Кутузова. Еще до войны агитпропом было

признано прогрессивное значение принятия христианства Русью от Византии в X в. Тогда же произошло окончательное оформление жесткой номенклатурной иерархии, культивировалось «государственничество», началось дозированное сотрудничество с Православной церковью, были запрещены аборт, началась защита семейных ценностей и общественной морали, была сделана ставка на традиционные формы искусства и культуры в рамках социалистического реализма. «Советский консерватизм», пусть в редуцированной, искаженной, порой в эстетически и интеллектуально плакатно-пропагандистской форме объективно противостоял ценностям общества массового потребления, авангарда и постмодернизма, так называемой сексуальной революции второй половины XX века. Конечно, отрицание ряда базовых классических консервативных ценностей в советский период преобладало: отрицалось право частной собственности, верховенства права, шла непрерывная борьба против религии, декларировался принцип «пролетарского интернационализма» и т. д. Феномен ситуативного «советского консерватизма» безусловно существовал вплоть до конца 80 – начала 90-х. И в какой-то мере объясняет высокую популярность фигуры Сталина в современном массовом сознании.

В 1960-е гг. возникла так называемая литературная «русская партия», которая парадоксальным образом сочетала «советский консерватизм» с интересом к некоторым аспектам истории дореволюционной России, Православной Церкви, идеям некоторых классиков консервативной мысли, в частности славянофилов, К. Леонтьева и В.В. Розанова. Ее наиболее известными представителями были литературные критики В.В. Кожинов, С.Н. Семанов.

Особняком стояла мощная фигура А.И. Солженицына. Его общественно-политическая публицистика, начиная с 1960-х гг., памятный многим по началу «перестройки» проект «Как нам обустроить Россию» являются в своей основе безусловно кон-

сервативными. Солженицын остро ставил вопросы о расчленении русского народа в результате распада СССР, о возвращении к традиции земского самоуправления, создании русской национальной школы, защите традиционной культуры и т.д.

Подытожим сказанное. Со времени радикально-западнических реформ Петра I российская государственность была отнюдь не консервативной по своей природе. Ее космополитические и западно-ориентированные верхи часто ограничивали и сводили на нет творческий потенциал консерваторов. Они оказывали лишь эпизодическое, «точечное» воздействие на государственную власть, его ни в коем случае не стоит преувеличивать. Системного, постоянного влияния в отличие от западноевропейских консерваторов в России не было.

Дореволюционная власть апеллировала к русской идентичности, консервативным ценностям лишь тогда, когда имел место цивилизационный вызов, угрожающий самому существованию государства, например, в 1812 г. Русские консерваторы спасли власть в 1905-1907 годах. Но после того как произошла частичная стабилизация, либеральная бюрократия, при

пассивном отношении монарха, расколола консервативное движение и сделала многое для его компрометации. В феврале 1917 года государство защищать было уже некому. Нечто похожее, разумеется, со всеми необходимыми оговорками, произошло с «советскими консерваторами» в 1991 г.

Исторический опыт показывает, что парадигма верховной власти, которая обращается к консервативно-патриотическим ценностям лишь в моменты смертельной для нее опасности, войн и революций, и, напротив, максимально их ограничивает, а то и подавляет в относительно спокойные для нее периоды, крайне опасна, более того, в определенных условиях чревата социальной и национальной катастрофой.

История, возможно, не учит. Но она точно сурово наказывает за невыученные уроки. Представляется, что один из таких важных уроков, которые необходимо извлечь из русской новейшей истории, – это осознать роль и значение консерватизма в сохранении и развитии общества, его морали, культуры и государственности. Какие из этого последуют политические выводы – еще предстоит решать.

Сергей Куприянов,
*профессор,
доктор экономических наук,
заведующий кафедрой
Института экономики и менеджмента*

Проблемы формирования этического сознания в экономике

Одна из особенностей экономики XXI века состоит, на наш взгляд, в необходимости отказаться от прежних приоритетов, парадигм и, прежде всего, от установки на извлечение максимальной финансовой выгоды. К бизнесу предъявляются несколько иные требования, носящие в большей степени социальный характер – охрана окружающей среды, рост уровня занятости, охрана здоровья и т.д. Это реальность, непризнание которой, с большой вероятностью, приведет к необратимым последствиям ликвидации человечества как биологического вида.

Сигналом к необходимости перехода на новые принципы хозяйствования является современный мировой кризис.

Обзор многочисленных публикаций о современном мировом кризисе, начавшемся в 2007-2008 годах, свидетельствует о наличии большого количества различных взглядов и подходов на это явление. Причем, это касается буквально всего, что относится к кризису, начиная от его названия «мировой финансовый кризис», «мировой экономический кризис», – причин его возникновения, характеру развития, путей выходов из него и так далее. В

частности, невозможно назвать одну причину, вызвавшую данное планетарное явление. Можно выделить лишь основные аспекты причин происходящего кризиса. В частности, аспект глобализации – мировые дисбалансы, кризис регулируемых глобальных рынков, несоответствие статуса США современным глобальным вызовам; цивилизационный аспект – исчерпанность мировой валютно-финансовой системы, кризис капитализма; аспект физической экономики – кризис перепроизводства, в том числе и финансовых продуктов: фьючерсы, опционы, деривативы; финансово-экономический аспект – разрыв между мировой финансовой и экономической сферами, непомерный рост финансовой сферы, перепроизводство долгов; структурный аспект – падение эффективности капитала и совокупного спроса; аспект цикличности – вхождение мировой экономики в понижающую фазу цикла Кондратьева; этический аспект – человеческий фактор не соответствует требованиям научно-технической революции.

Каждая из вышеуказанных причин в состоянии самостоятельно вызвать кризис,

а их совокупность, образуя синергетический эффект, привести к тяжелым последствиям во всех сферах хозяйственной, социальной, культурной, политической жизни. Нусогенный характер текущего кризиса становится все более очевидным. Нусогенный кризис – это кризис существующей модели бытия всего человечества и каждого человека в условиях стремительно изменяющейся реальности и нарастания числа локальных и мировых вызовов. Выход из него предполагает принятие принципиально иных, качественно новых решений и подходов. Поэтому инерционная поддержка отживших свой век доктрин и парадигм, концепций и идей, стремление во что бы то ни стало сохранить малоэффективные, несостоятельные институты, тщетные попытки вдохнуть жизнь в символы уходящей эпохи – все это признаки грядущих неизбежных перемен, которые коснутся каждого человека в отдельности, каждой страны, всей планеты в целом.

Представления о выходе из мирового кризиса за счет согласованных действий правительств ведущих стран мира, центральных банков этих стран, всемирных финансовых организаций являются иллюзорными, нежеланием признать очевидное. Основным аспектом текущего кризиса – это кризис идей, этики, нравственности, поэтому выход из него, а также поиск современной парадигмы развития, в том числе и экономики, следует искать, на наш взгляд, в несколько иной размерности, необходимости отойти от стереотипов. Речь идет, прежде всего, об изменении этического сознания.

Этическое сознание есть, в основном, результат уровня развития социума. (Мы сознательно избегаем давать определение этическому сознанию, поскольку любое определение односторонне и характеризует лишь одну какую-то грань, пусть даже очень важную, но одну этого комплексного явления). Его условно можно разделить на две части: постоянную, константу, не меняющуюся во временном срезе и переменную, более изменчивую и подверженную воздействию

внешней среды. Причем постоянная составляющая может прибывать за счет перемещения отдельных, проверенных временем элементов из переменной составляющей. Таким образом, этическое сознание имеет тенденцию к развитию обеих своих частей, одна из которых увеличивается за счет присоединения апробированных самой жизнью правил и норм поведения человека в обществе, а вторая, более гибкая и современная, отражает направления и формы проявления развития общества в историческом аспекте.

Исследуя проблему формирования этического сознания, можно выделить три условных уровня факторов: личностный, государственный и инфраструктурный. Первые два являются полярными, поскольку расположены на двух противоположных полюсах, и инфраструктурный как промежуточный. Личностный и государственный уровни, при всех их внешних различиях, обладают общими, объединяющими их элементами, подобие единства противоположностей.

Кратко о каждом из них

Личностный – это нравственное, этическое воспитание в семье. Его можно характеризовать как естественный, природный. Он связан с первичным, подсознательным восприятием ребенком окружающего. Вопросы добра и зла являются одними из первых, задающихся человеком, едва пришедшим в этот мир.

*Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
– Что такое хорошо
и что такое
плохо?*

В. Маяковский

С этих вопросов начинается вообще познание окружающего. Это первые уроки, которые получает из внешней среды человек. Это позывные, на которые его приемник ищет адекватные решения и соответ-

ствующую модель поведения. И эта модель зачастую является определяющей на всю последующую жизнь, но может подвергаться в той или иной степени коррекции.

Наибольшее влияние на формирование этического сознания личности оказывают следующие факторы:

- семья и, прежде всего, мать, так как ее воздействие на ребенка происходит не только на социальном, а биологическом, геномном уровне. Однако такой ключевой фигурой может быть и иной, наиболее авторитетный для ребенка член семьи. Важную роль здесь играют традиции, семейные обычаи, внутренняя культура;
- религия. Без религиозного воспитания ребенка любое воспитание будет ущербным. Атеизм как учение не имеет под собой сколько-нибудь серьезного обоснования. По своей сути он построен на бездоказательных лозунгах французских просветителей. Лишенный религиозного воспитания, человек отторгает от себя огромный пласт мировой культуры, но самое главное, лишается страха Божьего, что превращает его в щепку, болтающуюся в круговороте мирового хаоса. Несомненно, что религиозное воспитание связано с семьей и, в первую очередь, с матерью. Как писал У. Теккерей: «Мать – это имя Бога на устах и в сердцах маленьких детей»;
- школа и дошкольные учреждения. Это первая встреча человека с социумом, нечто альтернативное семье, но также претендующее на влияние и формирование личности по своему образу и подобию;
- возраст. На разном этапе своего развития человек оказывается под влиянием возрастного фактора. Об этом очень убедительно и обоснованно говорил святитель Феофан Затворник. Причем, он особое внимание уделяет юношеским годам. «Это время воскипания телесно-духовной жизни. Тихо живет дитя и отрок, мало быстрых движений у мужа, почтенные седины склоняются к покою;

одна юность кипит жизнью. Надо иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн... Начинаются первые его собственные движения – начатки пробуждения его сил, и имеют для него всю прелесть: силою своего влияния они вытесняют всё, что прежде было положено на мысль и сердце. Прежнее для него станет мечтой, предрассудком. Только настоящие чувства истинны. Только они имеют действительность и значение. ... Из ней выходят два порядка людей: одни сияют добротой и благородством, другие омрачены нечестием и развратом; а третьи – средний класс, смесь добра со злом»...

Домашнее этическое воспитание есть основа всему последующему. Почему же не соблюдается порядок такого воспитания, – причина этому или в неведении такого порядка, или его непонимании и, соответственно, пренебрежении. Этическое воспитание, предоставленное самому себе, принимает зачастую превратные, ложные и вредные направления как на бытовом, домашнем уровне, так на последующих этапах обучения. Но и там, где этическое воспитание подчиняется известным правилам, оно нередко оказывается неэффективным и уклоняющимся от цели, по причине ложных идей и начал, на которых выстраивается этот порядок. Это может быть ориентация на внешние факторы, приспособление к среде проживания, усовершенствование сил только естественных и прочее. Нравственным понятиям отводится не главное место. Но когда ошибочно начало, то и утверждающее на нем не может вести к добру.

Каждый из вышеперечисленных факторов, определяющих личностный уровень, оказывает сильное воздействие как положительное, так и отрицательное. Наибольший результат достигается при совпадении их векторов, поскольку в этом случае можем наблюдать эффект синергии. Это факторы прямого воздействия.

Государственный уровень представляет по существу реальную политику государ-

ства в области нравственного воспитания личности. Он не ориентирован на конкретного человека, его задача – создать рамочные условия для формирования индивида. Основная проблема здесь, на наш взгляд, в единстве истинных целей, официально провозглашенных целей и реально претворяемых в жизнь в сфере формирования нравственных устоев личности, то есть в единстве мысли, слова и дела. Если эти составляющие не будут одного направления, то ожидаемый эффект будет с противоположным знаком.

Государство обладает реальной и довольно сильной возможностью (финансовой, интеллектуальной, идеологической, политической и прочей) для достижения поставленных целей. Поэтому очень важно преодолеть искушение заняться каждым индивидом. Это действие, как показала практика СССР, Германии, Северной Кореи и других авторитарных государств, является порочным и бесперспективным. Оно приобретает одну из форм фанатизма (политического, религиозного, идеологического и т.п.) в своём экстремальном выражении и ведущей к гибели физической и социальной как отдельной личности, так и общества в целом.

Среди основных инструментов государственного этического воздействия на социум и его индивидов можно выделить:

- национальную идею;
- отношение к религии;
- отношение к власти и законам;
- практика формирования законодательной базы. Здесь имеется в виду, как создаются наши государственные законы. Они красивые, юридически грамотные, достаточно логические, но... недействительны, поскольку писались по аналогии с соответствующими законами других стран. Была взята форма, а содержательная часть не подверглась глубинной корректировке. А поэтому опять приходится руководствоваться «революционной целесообразностью». Наиболее сложный и неоднозначный по

своему влиянию на личность, на наш взгляд, представляет инфраструктурный уровень. Расположен он между двумя полюсами: государством и семьей. По силе и мощи его воздействия на личность он превосходит полюсные уровни, поскольку хотя на полюсах и накапливается максимальная энергия, но она не самодостаточна и нуждается для реализации в своей противоположности. Факторы инфраструктурного уровня, уступая по энергетической мощи государству и семье, самодостаточны. Сила их в том, что человек на этом уровне делает выбор, он принимает для себя решение. А ведь известно, что нет ничего более сложного, чем сделать выбор. Поэтому цена такого шага, как правило, велика. И если в двух вышеуказанных ситуациях проблемы выбора нет, то здесь все иначе.

В семье родителей не выбирают. Приходится довольствоваться тем, что есть. Лидер также изначально определен. Что касается роли государства, то оно, на первый взгляд, как бы отделено от личности. Человек может воспринимать те или иные идеи, а может – нет. Выбор, тем не менее, в значительной степени предопределен, а зачастую его вообще нет. Личность не прилагает значительных усилий, перекрывающих определенный предел, величину которого человек считает для себя ценной и существенной.

Коль уж человек находится в социуме, то он не может целиком принадлежать сфере влияния какой-то одной из этих двух групп – государству или семье. Представляется, что это следует пояснить. Выбор лежит между этими крайностями. Возникает проблема поиска «золотой середины», то есть необходимо определиться, к какому полюсу наблюдается тяготение: к интересам государства или приоритет отдан семье. Для индивидуума это принципиальный момент. С точки зрения государства, этот выбор не носит столь принципиального характера.

Возникает довольно парадоксальная ситуация. Государство, по крайней мере, в

России, это, прежде всего власть, то есть навязывание своей воли, соблюдение собственных интересов. Это не свобода. В то время, как воспитание личности основано в качестве одного из важнейших принципов на свободомыслии и свободе действий. Управлять личностью очень непросто. Намного проще руководить обществом, образованным из зависимых людей. Причем форма зависимости не играет принципиальной роли. Будь то экономическая, политическая, военная, идеологическая и прочие зависимости. Тем не менее эти составляющие (государство и личность) образуют единое целое. И на настоящий момент и в обозримом будущем одно без другого существовать не может. Значит, необходим переходник, как в электротехнике, от розетки российского стандарта к европейскому. Необходим механизм, примеряющий интересы государства и личности на данном историческом этапе. Причем этот механизм носит сугубо исторический характер и применим только для данного этапа. По мере смены условий он также подлежит изменениям. Здесь уместно, на наш взгляд, привести высказывание Е. Богата, советского писателя-публициста, о том, что «судить людей надо или по абсолютным нравственным нормам, или по нормам времени, в которое они живут. Но не по нормам времени, когда живем мы».

Основы норм экономического поведения в России формировались в период становления Московского государства (конец XV – начало XVI вв.). На их характер повлияли такие факторы, как приверженность к православной вере, а также то, что основная часть купцов, заводчиков, их работников были выходцами из крестьян. Нормы нравственности, обычаи, традиции в их семьях носили отпечаток норм и обычаев крестьянства, и все это переносилось на производственные отношения. Отсюда возникли «общинность», «соборность», совпадение понятий «работник» и «член семьи». Однако изучение всех этих традиций и обычаев имеет значение при прогнозировании

их развития на более отдаленную перспективу, поскольку на основе закона спирального развития мы постоянно возвращаемся к исходному, но на более высоком витке развития. Что касается современного состояния, то оно сложилось под влиянием факторов не более 40-летней давности. Поэтому можно с достаточно высокой степенью обоснованности утверждать, что современная этическая модель поведения в экономике России сформировалась в социалистический период. И следовательно, православные традиции пока не оказывают серьезного влияния на развитие российского бизнеса. То же можно отметить и в отношении крестьянского уклада. Более существенное влияние оказал процесс люмпенизации населения, оторвавшегося от крестьянства, но так и не превратившегося в иное сословие. Все это опиралось на марксистскую этику, утверждающую классовый характер нравственных требований и норм. Занятия бизнесом преследовались по закону и влекли за собой наказание, вплоть до высшей меры.

По мере происходящих изменений в обществе, подвергались модификации и этические принципы. Если в период сталинского тоталитарного режима доминирующим принципом была лояльность к системе, то в последующий период бюрократический и технократический аппарат больше ориентировался на собственные цели ведомственного или личного характера. В перестроечный период система ценностей и этических представлений людей подверглась влиянию нескольких культур в зависимости от того, откуда пришли «новые хозяева жизни».

Тех, кто сегодня составляет верхушку российского бизнеса – собственников и руководителей крупных компаний, корпораций, банков, – можно условно разделить на четыре группы.

Первая группа – представители партийной (комсомольской) номенклатуры, руководители крупных промышленных предприятий, которые вовремя сориентировались и сумели получить в собственность то, чем

они управляли: один нефтяную отрасль, другой – газовую и т.д. Эти люди во многом придерживаются нравственных ценностей прежних бюрократических структур, «государственники», некоторые искренне верят, что служат обществу.

Вторая группа – это люди активные, умные, талантливые, которые смогли завладеть частью госсобственности, блестяще используя ситуацию и особенности российского законодательства. Они проявляют интерес и внимание к дореволюционным традициям российского предпринимательства, причем в несколько идеализированной форме. Однако их деятельность, как правило, ограничивается сферой малого бизнеса.

Третья группа – это представители «теневой», полукриминальной и криминальной экономики. Они принесли в российский деловой мир своеобразные этические требования и моральные нормы из другой, более жесткой культуры иного мира. Лихие 90-е годы прошлого века не канули в Лету и время от времени проявляют себя в форме различных криминальных «разборок». Их единственный способ существования – паразитирование на недостатках существующей политико-экономической системы.

Четвертая группа – это новая генерация российских бизнесменов. Они не занимали крупных должностей, не имели административных и политических ресурсов, не участвовали в дележе госсобственности, не связаны с миром криминала. Они создавали свой бизнес с нуля. Эти люди добились успеха за счет своих личностных качеств. Сегодня им 35-40 лет, они владеют крупным бизнесом и оказывают значительное влияние на российскую экономику. Они сейчас формируют российскую деловую аристократию. Их выделяет:

- масштаб желаний, своеобразная одержимость большой целью;
- отсутствие внутренних преград, внутреннего конфликта;
- целеустремленность – все подчинено достижению Цели, все жизненные ситуации сортируются по принципу «нужно»

не нужно». Все «нужное» отбирается, а остальное отбрасывается.

Первые три группы, по сути, лишены исторической перспективы. Это рудименты прошлой эпохи. Сейчас происходит поиск новых жизнеспособных форм поведения в бизнесе. Это явление сложное и противоречивое. На него оказывают влияние разные силы, поскольку в нем задействованы люди с разной национальной культурой, разного вероисповедания, с разным экономическим базисом и разного этического воззрения. Кроме того, одним из игроков на российском деловом поле являются граждане зарубежных государств, которые в своей деятельности руководствуются этическими канонами своих стран.

Интересно еще и то, что все события происходят на фоне игнорирования основного принципа западного общества – принципа священности частной собственности, который не может устоять перед особенностями православной культуры, презирающей поклонение мамоне, и презрительным пролетарским отношением к частной собственности. Такая ситуация приводит к тому, что в условиях неопределенности, несовершенства и несоблюдения законов, притеснения со стороны государственных чиновников, предприниматель, чтобы просто выжить, даже не задается вопросом этичности или неэтичности тех или иных поступков. Достаточно противоречива роль государства в ее участии в экономической жизни страны, а тем более ее этической составляющей, поскольку невыплаты заработной платы работникам бюджетной сферы, неоплата государственных заказов, нарушение законов и указов не делает государство поборником этического поведения.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно констатировать, что пришло осознание невозможности продолжать жить по-старому, хозяйствовать в условиях прежней модели, а вот как надо – ответа нет. Ответ может быть получен только общими усилиями. Это как раз и будет высшим проявлением соборности в совре-

менных условиях. Огромная роль в процессе нравственного возрождения России отводится государству. Оно выполнит свою функцию, если создаст рамочные условия для этического бизнеса, его устойчивости в России. И еще. Начинать следует также с лидеров бизнеса. Условия их деятельности должны обеспечивать зависимость между качеством нравственных норм лидеров предпринимательства и эффективности их бизнеса.

Формирование этического сознания во многом определяется процессом обучения. Порядок обучения, как свидетельствует существующая практика, должен быть ориентирован не на достижение сиюминутного результата, удовлетворения текущих потребностей, а обладать стратегической перспективой. Для этого, процесс обучения следует строить таким образом, чтобы видно было, что главное и что подчиненное. К сожалению, на данный момент можно констатировать, что этика и наука, – это две области человеческой деятельности, решительно разъединенные. Что, на наш взгляд, является серьезным заблуждением, поскольку истина одна и ее выявление требует объединения усилий самых разных направлений исследований, а не их разобщенность. Современная наука заявила о своей исключительности и самодостаточности, что представляется достаточно спорным утверждением. Здесь можно сослаться на авторитет Ф.М. Достоевского, отметившего, что «разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков,

исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею... Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Начало эстетическое... начало нравственное». Этическое воспитание в большей своей мере ориентировано на изучение веры, оно пропитано христианскими началами, максимально приближенными к истине. Это и есть главное, а научность есть придаточное качество. С такой точки зрения только наука, основанная на этическом воспитании, будет приближаться к истинной науке. Подтверждение тому огромное количество самых разнообразных примеров. Можно указать хотя бы на то, сколько усилий, затрат прилагается на гонку вооружения, борьбу с терроризмом, наркоманией, преступностью и прочими античеловеческими явлениями. Правительства практически всех стран, мировая общественность решительно выступают против этих и им подобным проявлений достижения человеческого ума, но при этом ситуация никак не меняется. Более того, она имеет тенденцию к ухудшению. Сотни исследовательских учреждений пытаются решить указанные проблемы, но результат тот же. Следовательно, назрела необходимость коренного пересмотра существующих, основополагающих доктрин и подходов. И начинать, по-видимому, следует с установления приоритетов между наукой и этикой.

Чему нас научила Россия

Иностранцы о том, что им нравится из жизни в России и в русских людях

Живущие в России порой не замечают того хорошего, что есть на Родине. А вот иностранцы находят массу положительных сторон в русской жизни и самих русских. На петербургском сайте «Бумага» есть рубрика «Экспаты», где публикуются истории иностранцев, живущих в России. Мы собрали фрагменты этих текстов, где экспаты подмечают то, что им больше всего здесь понравилось или поразило.

Британец Питер Эллис

Не судить людей — это главный урок. Я всегда говорил, что никогда не поеду в Россию, потому что слышал много историй о том, какие здесь все недружелюбные. Я рос с фактом, что Россия и СССР — это одно и то же государство, которое хочет меня убить с помощью атомной бомбы. Атомная бомба была сильнейшей угрозой моего детства. Россия представлялась местом, полным несчастных, неулыбающихся людей, работающих на фабриках, почти страной роботов. И у многих людей на Западе представление «Россия — плохо» сохранилось надолго, так что сюда я ехать не собирался.

Постепенно я начал понимать, что у русских людей есть сторона, о которой на Западе не знают. Снаружи они выглядят грубыми и суровыми, но внутри оказываются чрезвычайно открытыми: если нужна помощь, мне всегда ее окажут. В Великобритании наоборот: вам помогут, если это их обязанность, но стараться ради вас не будут.

Теперь я намного более открыт к национальным различиям. Я понял, что существует русский характер, английский характер, шотландский, американский. И теперь я пытаюсь взглянуть, не осуждая, на особенности нации и увидеть, как люди думают и ведут себя в целом как страна.

Француз Эдгард Паули

Я не очень много читаю, но мне приятно видеть, что русские покупают книги. Во Франции все уже перестали этим заниматься.

Колумбиец Оскар Сегура

Россия, вообще, научила меня дружить. У нас очень легко назвать другом любого человека, здесь — нет: понятие дружбы у русских людей совсем другое, ее нужно действительно показывать и доказывать. Как и у всех иностранцев, у меня были все эти стереотипы, что русские холодные и закрытые. Когда ты сближаешься с людьми, понимаешь, насколько глубокой дружба может быть. Это не только дружба с человеком, но и с его родителями, тетями, бабушками.

Британец Джейми Браун

Здесь я осознал, что такое русское восприятие: бессмысленно излишне волноваться о вещах, которые сейчас ты не можешь изменить. Я заметил, что мои британские друзья слишком переживают в любой жизненной ситуации; возможно, русские чувствуют то же самое, просто лучше прячут это. На мой взгляд, люди здесь умеют получать удовольствие от того, что имеют, и не оглядываться на прошлые проблемы.

Бельгиец Бенжамин Бэрт

Русская музыка развивалась и продолжает идти своим особым путем. В России, например, очень важны слова. Не важно, что играют музыканты, музыка может быть очень плохой, но важно, что поет вокалист. Сначала мне не понравилась русская музыка, за исключением пары исполнителей. Потом, когда я начал разбирать, о чем поется в песнях, я понял, что здесь слова в большинстве случаев гораздо важнее звука.

Американец Майкл Камарда

Сейчас я понимаю, что Россия очень разнообразная. Когда я пожил здесь некоторое время, понял, что такого разнообразия в США просто нет, разве что в Нью-Йорке. Даже политически — а я очень люблю политику — здесь сразу все: коммунисты, либералы, монархисты. В Америке же только республиканцы и демократы, такого многообразия не найти.

Теперь я испытываю культурный шок не когда приезжаю в Россию, а когда возвращаюсь в США, потому что развитый капитализм приводит американцев к безумию. Например, на днях была «черная пятница», и то, что происходит в американских магазинах, — настоящий кошмар. В России такого нет. Есть, конечно, «новые русские», но, мне кажется, они все давно перебрались в Лондон. Русские намного спокойнее относятся к товарам, а реклама тут не такая подавляющая. И несмотря на то что в США выбор намного больше, когда я возвращаюсь домой, покупать что-то мне уже не так интересно. Через три недели я буду в Америке на рождественских праздниках, там как раз начнется shopping season, но мне как-то всё равно: я буду спать, читать Пушкина и смотреть документальное кино.

Британец Уильям Хаккет-Джонс

Главное, чему я научился в России, — помогать и быть щедрым. В России люди понимают, что жизнь все-таки тяжелая штука и нужно друг друга поддерживать. Два года назад врачи обнаружили у меня рак. Английские друзья писали очень красивые письма и спрашивали, чем могут помочь. Русские друзья сразу предложили конкретную помощь и деньги. Тогда я почувствовал фундаментальную разницу в понимании, что такое помощь. Когда спрашивают, чем помочь, воспитанный англичанин стесняется сказать про деньги, а русские люди не спрашивают, а сразу предлагают. Тут люди все-таки ближе к истине человеческой.

То, что в Англии есть все блага вроде бесплатной медицины, — это прекрасно. Но в

то же время там меньше ответственности заботиться друг о друге, потому что есть государство и мы все за него платим.

Шотландец Джеймс Бранкин

Люди здесь не так зависят от политкорректности, как в Европе. Они говорят то, что думают на самом деле, им интересно то, о чем ты говоришь, и то, что думаешь ты. Это прекрасно. Здесь в хлам пьяных людей видел на улицах всего пару раз в Британии — это сплошь и рядом.

Израильянин Бруно Грайф

Приятным шоком стала тишина в метро. Ты спускаешься в подземку, тебя окружают тысячи людей, но там тихо. Конечно, всегда есть тот, кто вдруг начинает шуметь, но в целом очень необычно, что люди могут соблюдать тишину в публичном месте.

Американец Джордж де Ман

У русских море энергии и энтузиазма. Когда моя жена разговаривает со своими друзьями здесь, то три слова, которые я слышу чаще других: «думать», «сделать» и «работать». Люди здесь работают поразительно много, во всяком случае, те, с кем общаюсь я. Русские знают, как работать и как отдыхать, — поэтому, как мне кажется, существует дача.

Овощи здесь лучше. Они свежее и приятнее на вкус. Я знаю, что это спорная тема, но я люблю покупать овощи на маленьких стихийных рынках у метро, например. Ты берешь помидор, и у него настоящий вкус и аромат.

Может быть, дело в католицизме, но испанцы склонны думать, что во всем виноват сам человек. А здесь люди верят, что случилось так, как должно было быть.

Испанец Серхио Гарсия

Когда впервые в маршрутке какой-то человек сунул мне деньги в руку, я на него с удивлением посмотрел и эти деньги ему вернул. Он начал на меня кричать: «Ты что делаешь? Ты что, дурак?». Деньги проходят по рукам над головами людей, сдача воз-

вращается обратно, потом возвращается билет — для испанца это невероятно. Если в Испании попросишь передать деньги вперед, они исчезнут.

Мексиканец Рикардо Марин

Ни в одной стране мира, где я побывал, не видел, чтобы гитару пускали по рукам и все пели одни и те же песни.

Удивляет, что люди на какие-то вещи просто не обращают внимание, — у русских удивительная способность привыкать. Никто не принимает во внимание бытовые неудобства. Если два человека идут по улице мимо большой ямы, они просто обходят ее и разговор продолжается как ни в чем не бывало. В другой стране яма тут же бы стала темой для разговора и испортила бы вечер.

Бразильянка Эллен Станиславская

Когда наступают выходные в Петербурге, люди обсуждают, на какой спектакль или балет пойти и какую оперу послушать. Бразилец может сходить и посмотреть спектакль, но русский не просто посмотрит перформанс, он проанализирует увиденное. Русские — очень умные люди, гораздо умнее бразильцев.

Австриец Армин Вильдинг

Я встречаю здесь гораздо больше образованных людей, чем в Австрии. В выходные я вижу в музеях молодые пары: лет 20–25, не старше. У нас водить женщин в музей — это редкость. Если бы я предложил средней австрийской девушке сходить в картинную галерею, то не удивился бы, если бы она перестала со мной встречаться.

Канадец Джеф Дурхам

Мне нравится отношение русских к работе. Работа для канадца — это то, что определяет его личность, работа — это ты сам. Для русских работа не является центром вселенной, у них есть другие дела и увлечения.

Перуанец Алехандро Сальданья

Мне очень нравится, как работают русские. Они могут трудиться по 20 часов в сутки, и неважно, мужчина это или жен-

щина. Мы же сразу начинаем жаловаться, что нас эксплуатируют.

Эквадорец Луис Леоро

Я всегда говорил, что Эквадор и Россия очень похожи. Единственное различие заключается в том, что у нас воруют бедные, а в России наоборот.

Француз Лео Пиго

Людам моего возраста живется здесь очень свободно. Если вы поедете, например, в Финляндию, то увидите противоположное. В России можно быть немного хулиганом, идти пьяным по улице и совершать ошибки. В Европе так делать нельзя: если ты рискуешь, значит, ты ненормальный. А здесь это просто весело.

Американец Томас Лоуэрс

Я не хочу говорить ничего плохого по поводу политики, потому что это не моя страна и я до сих пор здесь гость, но я вижу, как система делает жизнь многих очень сложной. Богатства, которыми обладает Россия, не достигают людей. И я вижу, как они справляются с этим: русские производят впечатление очень сильной нации.

Я был в 54 странах, и нигде нет такой ночной жизни, как здесь. Люди ведут себя так, будто это последняя ночь в их жизни. Они готовы потратить каждый рубль, который у них есть.

Люди живут в городских квартирах и при этом у них есть дача за городом! Знаете, как мало американцев имеет собственные коттеджи? Мне очень нравится стиль жизни на даче. Собирать грибы, ягоды, ходить на охоту — это чудесно. Если бы у меня была возможность, я бы построил себе дачу — не купил, а именно построил. Так же, как дачу моей подруги построили ее бабушка с дедушкой.

Итальянец Маурицио Рекордати

Наверное, в Петербурге я научился немного иначе относиться к дружбе. Вообще же, я здесь действительно вырос, стал по-настоящему взрослым.

Мне кажется, что русские и итальянцы очень похожи. Но кое-что нас отличает: это прежде всего глубина. Итальянцы намного поверхностнее по сравнению с русскими. Я не хочу сказать, что глубина — это хорошо, а поверхностность — плохо, это просто разные уровни. Русские, и это прекрасно видно по русскому искусству и кино, одержимы душой, правдой, месседжем. Итальянцы же более циничные и притворные, но они намного больше фокусируются на коде, языке, способе выражения этого месседжа.

Тайка Плойчанок Понтаворнкунчай

Русские мужчины — настоящие джентльмены. Они открывают дверь, помогают снять куртку. Это потрясающе! Я никогда такого не видела, хотя была во многих странах. Здесь мужчины уважают женщин и всегда приходят на помощь.

Немец Оливер Пфау

У меня такое чувство, что Россия — это страна, в которой одновременно много других, если можно так выразиться, стран. Как будто ты приходишь на рынок и там есть все: и Кавказ, и Средняя Азия, и Север, и еще что-то, и у всех — свой образ жизни. Но вот что касается темпа жизни — тут он другой, как мне кажется, не такой, как в Европе. Здесь меньше правил и больше импровизации. То есть всё идет по правилам, но возникает ощущение, что они другие, более свободные. Улыбаются ли люди в России реже? Да, может быть, реже, но более осознанно.

Немка Карола Мёде

Когда начинаешь понимать других, то проблем уже не возникает. Здесь мне нравится, что люди всегда готовы помочь и дать совет. И они искренние: совсем нео-

бязательно улыбаться, когда у тебя плохое настроение. У тебя должно быть право вести себя так, как ты себя чувствуешь, а не фальшиво улыбаться. В любой ситуации хорошо вести себя честно, а не изображать кого-то. Мне это качество нравится, поэтому я не чувствую себя тут чужой, я тут почти как дома.

Финка Элина Кахла

В моих глазах Россия, прежде всего, страна богатой и щедрой культуры. И люди здесь способны это оценить. Русские в трех словах — это импровизация, жажда жизни и творческий талант.

Давным-давно я перешла из лютеранства в православие. Это вина моей бабушки! Она всем рассказывала, что в детстве я бегала в православную церковь. В Хамине на площади стоял белый строгий лютеранский храм, а напротив — круглая розовая православная церковь. Там пахло ладаном, висели уютные иконы, и мне действительно очень нравилось.

Адриано Челентано на концерте в Москве в 1987 г.

Ещё в детстве, мальчиком, я всегда представлял себе Россию как сказочную страну. Мне казалось, что в каждом доме топится печка, а вокруг собираются обитатели этого дома, чтобы поговорить о том о сём. А за окном снег. В доме потрескивают поленья в печи, и незримо присутствует мудрость. Вот так я всегда представлял себе Россию, край, находящийся в самом центре Земли, где даже войны не смогли убить мысль мудрецов. И я очень рад тому, что приехал сюда и могу здесь зажечь свой огонь, потому что, видимо, именно отсюда начнётся тот великий огонь, в котором сгорит всё зло.

Мария Волкова,
старший преподаватель богословского
факультета ПСТГУ.

Последние времена

Размышляя о предстоящем конце света, все мы, и верующие, и неверующие, чаще всего представляем себе довольно мрачную картину. Это или падающий на Землю гигантский астероид, как правило, крушащий в пыль американские города, или разрушительная война, или «взрыв» солнца – именно эти сценарии гибели нашей планеты широко растиражированы в научно-популярных статьях и фильмах. Но для верующей аудитории конец света связан не только с космической или экологической катастрофой, а прежде всего с духовной – с приходом антихриста, некоей противоположности Христа, и с установлением такого мирового порядка, при котором определенная группа лиц так или иначе будет подвергаться преследованиям. Этот политический строй будет настолько ужасен, тяжел и невыносим для верующих, что даже само ожидание его уже сопряжено со страданием. Это значит, что, говоря о последних временах земной истории, мы зачастую не испытываем ничего, кроме самых негативных чувств. Но с другой стороны, Откровение апостола Иоанна Богослова – самая последняя книга Нового Завета, повествующая именно об этих событиях, – заканчивается не мрачно, но удивительно радостно и светло: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22, 20). Почему это так?

В Священном Писании мы действительно находим описания ужасных событий. Оно говорит и о социальных потрясениях: *Ибо восстанет народ на народ и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам* (Мф. 24,7), и о природных катастрофах вселенского масштаба: *И истлеет все небесное воинство* (то есть звезды), – говорит пророк Исайя, – *и небеса свернутся, как свиток книжный, и все воинство их падет* (Ис. 34,4).

Небо и земля прейдут, – говорит евангелист Матфей (Мф. 24,35), а апостол Иоанн Богослов ясно добавляет в Откровении: *И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет* (Откр. 21,1). И тем не менее в словах евангелиста сквозит радость, радостью наполнено ожидание конца света и у первых христиан, потому что, конечно, не антихриста и не бедствий они ждали, а своего горячо любимого Владыку, Господа нашего Иисуса Христа.

Здесь содержится ключ к пониманию православной точки зрения на конечные судьбы мира. Если бы главный акцент христианской веры стоял на пришествии антихриста, это непременно отразилось бы в кратком изложении основных христианских догматов – Символе Веры. Но в Символе Веры ничего не сказано об антихристе. Сказано о Втором пришествии Христа: *И паки гряди*

щего со славою судити живым и мертвым, и еще: Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. В Молитве Господней мы также не находим упоминаний об антихристе, напротив, все внимание молящегося уводится прочь от этого мира: *Да приидет Царствие Твое и – самое главное – да будет воля Твоя*, – произносим мы всякий раз, когда повторяем эту молитву, тем самым свидетельствуя, что судьба и этого, и будущего века всецело находится в руках Божиих, а вовсе не в руках диавола и его слуг, одним из которых будет антихрист. Радость не о кончине мира, а о его преображении, но еще больше – радость от встречи со Христом, Который на этот раз придет не униженным, но в сиянии вечной славы, так, что о Его приходе станет известно всем (см.: Мф. 24, 27). Вот главная причина радости для христианина.

Поэтому христианин, боящийся пришествия антихриста больше, чем пришествия Христа, Которому придется давать ответ; о собственной жизни и от Которого зависит посмертная участь всех живущих и когда-либо живших в мире людей, в какой-то степени уже пленен антихристом, уже находится под влиянием антихристового духа. Его страшат испытания, потому что он не надеется на Христа, но его страшат испытания временные, которые, конечно, не идут ни в какое сравнение с испытаниями вечными. Определенная извращенность сознания, ставшая следствием антихристианской жизни, отодвигает в тень главную цель и главную надежду верующего человека – его Создателя. Оттого и исключительно мрачное восприятие конечных судеб земной истории. Не надеющимся на Христа, не любящим Христа, не стремящимся ко Христу при кончине вселенной ждать будет нечего, кроме крайне печальной посмертной участи. Кромешная тьма по самой логике вещей достается отвергшим сияние Предвечного Света. Но принявшие Предвечный Свет, Божественный Логос – Христа, принимавшие Его в течение своей земной жизни в свою душу

– исполнением Его заповедей, и в свое тело – принятием Святых Христовых Тайн стремящиеся к Нему и единственно на Него возложившие все свое упование станут свидетелями самого великого, самого потрясающего праздника мировой истории – вечной Пасхи, вечного единения, вечного общения с Богом в обновленном Им, лишенном зла мире. Оттого-то радость и пронизывает собой все Писание и как нельзя лучше отражает в заключительных словах книги Откровения, сказанных апостолом Иоанном от лица Господа: *Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь*. И Апостол, а вместе с ним и вся Церковь с ликованием отвечают Ему: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22,20).

ГЛАВНЫЙ ПРИЗНАК КОНЦА СВЕТА – ОХЛАЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Мы предупреждены не только о грядущих бедствиях, но и об их причинах. В новозаветных текстах описаны как всевозможные физические и морально-нравственные катастрофы, которые постигнут человечество перед кончиной мира, так и объясняется самое главное, а именно: почему они произойдут. Нам дана подробнейшая инструкция для нашего духовного выживания – все, что от нас требуется, это стараться вчитываться в строки Священного Писания и всегда иметь в виду, что наше будущее зависит прежде всего от нашей внимательности. «Вот посудите, – говорил преподобный Варсонофий Оптинский, – кто теперь читает Апокалипсис? Почти исключительно – в монастырях да в духовных академиях и семинариях, по необходимости. А в миру редко кто читает. Отсюда ясно, что тот, кто будет читать Апокалипсис пред концом мира, будет поистине блажен, ибо будет понимать то, что совершается. А понимая, будет готовить себя. Читая, он будет видеть в событиях, описанных в Апокалипсисе, те или другие современные ему события...»

Итак, что же является главным признаком, а точнее говоря, главной причиной наступления конца? Спаситель называет

нам эту причину, это – охлаждение любви: *И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь.* (Мф. 24,12). Само по себе это охлаждение не наступит внезапно и беспричинно – оно станет закономерным следствием человеческих беззаконий. Мера зла не может умножаться бесконечно, и в конце концов этот процесс вытеснения из мира любви приведет его к катастрофе. Что же это за любовь, о которой говорит Спаситель?

Взаимосвязь любви и нравственности замечает еще святитель Иоанн Златоуст в своем толковании на Послание к Ефесянам: «Итак, если в нас есть добродетель, то любовь не погибнет, потому что добродетель от любви, а любовь от добродетели. Объясню каким образом. Добродетельный человек не предпочитает денег дружбе, он не помнит зла, не оказывает несправедливости ближнему, не наносит ему обид и сам все переносит великодушно. Из этого состоит любовь. Опять, кто любит, тот имеет все эти (качества). Таким образом одно создается другим. Отсюда видно, что любовь от добродетели, – на что и указывал Господь, когда говорил, что когда умножится беззаконие, во многих охладеет любовь. А что добродетель от любви, об этом говорит Апостол: Любящий другого исполнил закон (Рим. 13, 8). Потому необходимо быть одному из двух: или сильно любить и быть любимым, или быть в высшей степени добродетельным. Кто имеет одно, у того необходимо есть и другое, и наоборот: не имеющий любви делает зло, и делающий зло не знает любви. Будем же стремиться приобрести любовь: она предохранит нас от зла. Свяжем себя узами любви».

Русское слово «любовь» многозначно. Этим словом мы обозначаем и склонность, и влечение, и почитание, и чувство связи. Греческий язык богаче русского, и в нем существует несколько слов, которые на русский язык переводятся как «любовь»; каждое из них имеет свои оттенки значения. В Мф. 24, 12 поставлено слово *агапэ*, которое означает преимущественно возвышенную,

самоотверженную любовь, любовь-служение, антоним эгоизма. Именно слово *агапэ* употребил апостол Иоанн Богослов, когда написал: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15,13). И когда тому же апостолу потребовалось описать преимущественное свойство Божественной природы – любовь, из нескольких греческих слов со схожим значением он выбрал именно это – *агапэ*: *Бог есть любовь (агапэ)* (1 Ин. 4, 8).

Что же такое эта любовь-агапэ? Прежде всего это не эмоция; это не чувство, это – состояние. Подобное состояние любви даруется свыше, а потому может быть названо сверхъестественным. О том, насколько оно чудесно для нашего падшего мира, говорит апостол Павел в своем знаменитом вдохновенном гимне любви: *Любовь (агапэ) долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13,4-8).

Восхождение на подобную высоту любви оказывается парадоксальным образом возможно для человека только по одной причине: потому что Бог, явивший миру такую совершенную любовь к Своему творению, возвышает человека до Себя. Апостол Иоанн говорит удивительную вещь: *Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас* (1 Ин. 4,19). И здесь значение слова *любить* (снова тот же корень – агапэ) странным образом начинает граничить с понятием «верить». Еще большее сходство им придает то, что вне любви-агапэ не существует ни морали, ни нравственности – именно она придает им их истинный смысл. Апостол Павел говорит об этом так: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви (агапэ) не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею*

всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею – нет мне в том никакой пользы (1 Кор. 13, 1-3). И, напротив, стяжавший любовь-агапэ не может не делать дела любви, то есть только такой человек и может быть назван нравственным в полном смысле этого слова: Кто говорит: «я люблю (агапэ) Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец... И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего (1 Ин. 4,20-21). Это состояние любви не статично; оно описывается как некий таинственный процесс, протекающий внутри души, любящей Бога, и меняющий в конце концов эту душу, делая ее подобной Богу: Любовь (агапэ) до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх (1 Ин. 4, 17-18). На языке православного богословия этот процесс называется обожением.

Вот почему, говоря об охлаждении любви (агапэ), Спаситель говорит тем самым о логическом конце земной истории. «Если бы у нас кто спросил, что мы чествуем и чему поклоняемся, – объясняет святитель Григорий Богослов самую суть христианской веры, – ответ готов – мы чтим любовь».

Что же будет, если разрушится тот цемент, то основание и та необходимая составляющая не только человеческих, но и богочеловеческих отношений?

«Это самое страшное знамение из всех, – говорит Серафим (Роуз), – потому что отличительная черта христиан, как говорит нам святой Иоанн Богослов, есть любовь между собою (Ин. 13,35). Когда охладает эта любовь, это будет означать, что даже христиане потеряют христианство».

«Церковь, как богочеловеческое общество, как община обожения, есть место онтологического воссоздания мира. Она есть место, в которое призваны люди дабы сделать действенным друг с другом свое

единосущие дабы объять друг друга любовью и соединиться по образу Святой Троицы... Она есть новое бытие, осуществляемое в общении», – говорит о цели существования Церкви известный современный греческий богослов Георгий Мандзаридис, профессор нравственного богословия и социологии христианства богословского факультета Фессалоникского университета имени Аристотеля. То есть сама Церковь существует в этом мире благодаря любви-агапэ и является местом ее преимущественного пребывания. Но не может ли так случиться, что охлаждение любви внутри самой Церкви будет первопричиной охлаждения любви во всем мире?

Все это заставляет задуматься над тем, какая доля ответственности лежит именно на христианах. Пожалуй, самым насущным вопросом земной истории является не время прихода антихриста, а, скорее, причина его появления. Захватчик, берущий на себя роль хозяина, приходит именно тогда, когда местная власть ослабевает настолько, что не способна оказать уже достойного сопротивления. Пока в мире есть христианство, остающееся христианством по сути, нет никакого смысла провозглашать антихристианство как замену ему. *Когда же соль потеряет силу (Мф. 5,13), возникнет необходимость подыскать некий солезаменитель, ибо именно соль является тем веществом, которое предохраняет продукты от порчи.* Все это ставит вопрос во всей его остроте: не может ли так случиться, что именно христиане, утратившие способность к любви-агапэ, станут причиной всеобщих бедствий? Антихрист, безусловно, будет нести ответственность за все свои действия, но христиане, переставшие быть христианами, не должны ли будут также отвечать перед Богом за появление в мире антихриста?

Есть еще и иная тенденция – свалить всю вину на Бога. Мол, в последние времена ослабевает Христова любовь, и потому мир постигнут ужасные бедствия.

Но Божественная любовь не может ослабеть, потому что *Бог не человек, чтоб... Ему*

изменяться (Чис. 23, 19). Ослабеет именно христианская любовь как средство общения человека и Бога. Не таинства потеряют силу, но люди станут бессильны для того, чтобы понять и принять их благодатную помощь. При внешнем благолепии храмы будут разрушаться невидимым образом изнутри; не здания, составляющие внешность Церкви, а совокупность верующих, сами люди. «Теперь наступают такие дни, – говорил архимандрит Иоанн (Крестьянкин), – что имя христианское слышится повсюду, храмов открывается даже больше, чем можно найти молящихся. Но не будем спешить радоваться. Ведь как часто это только видимость, ибо внутри уже нет духа христианского, духа любви, духа Божия, творящего и дающего жизнь, но царит там дух века сего – дух подозрительности, злобы, раздора. Духи-обольстители и учения бесовские уже явно проникли в церковную среду, священнослужители, народ церковный, попуская себе ходить в жизни в похотях сердец своих, одновременно молясь Богу и работая греху, получают за это должное вознаграждение. Бог их не слышит, а диавол, не связанный силой Божией, творит через обольщенных свои непотребные дела». «Пред Вторым Пришествием Христовым, – говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), – христианство, духовное знание и рассуждение оскудеют до крайности между человечеством».

Примеры подобного уже не раз встречались в мировой истории. Самые яркие из них и сравнительно недавние до сих пор у всех перед глазами.

Итак, ослабление любви сначала к Богу, а затем и к людям вплоть до полного без-

различия к делам любви – вот условие воцарения антихриста. Искажение самого понятия «любовь», низведение его на животный уровень, оттуда даже ниже – на уровень полового извращения – все это обязывает нас к тому, чтобы с крайней осторожностью, с крайней внимательностью относиться к собственной Жизни, к собственным мыслям, делам и чувствам. Сейчас как никогда необходимо учиться одной из главных христианских добродетелей – трезвению.

«Дорогие мои, – говорил ныне покойный архимандрит Иоанн (Крестьянкин), – нельзя в наше время жить бездумно! Мы все, даже и те, кто уже давно в ограде Церкви, испытываемся сейчас силой нового религиозного сознания ложной христианской духовности. И во всем этом является апокалиптический образ «великого отступления», который охватит весь род человеческий перед концом света, о котором ныне напоминает нам Господь ежедневно». *Бодрствуйте на всякое время и молитесь, – сказано в Священном Писании, – да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого* (Лк. 21, 36).

Однако охладевшая до предела любовь в последние времена все же не исчезнет. Сказано только, что охладает, но не сказано, что прекратится. *Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13, 8). Устоит любовь, устоит и Церковь: *Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее, – обещал Спаситель* (Мф. 16, 18). Но кто будет членом этой последней Церкви и, главное, сколько их будет – это зависит целиком и полностью от нас.

Архимандрит
Рафаил (Карелин)

Человек – загадочное существо...

Человек – загадочное существо. Это сочетание противоположностей. Он одновременно велик и ничтожен; он обладает внутренней свободой и в этом смысле является тенью Божества на земле – и в то же время опутан, как тонкой паутиной, своими страстями, привычками, ставшими его природой, властными требованиями мира гордого и безбожного, демонической силой греха, которые обезволивают его, делают медиумом темных сил и влечений. Человек беспомощно бьется в этой паутине.

Земля в океане космоса – пылинка. По поверхности этой пылинки ползают странные существа. Они пребывают в непрестанном беспокойстве, волнении и в борьбе друг с другом. И в то же время эти однодневные существа, затерянные в углу вселенной, чувствуют, что на них лежит великая миссия, что они – владыки этого огромного мира. На земле жизнь представлена в различных формах, и все животные довольны своим существованием, только

один человек не удовлетворен ничем. Он вечно тоскует о чем-то, о какой-то потере. Он чувствует ложность своей жизни, хоть и не знает другой; так может тосковать только царь, потерявший свое царство. Рожденный в темнице не знает свободы, потому и не может тосковать о ней.

Жизнь на земле имеет свои жестокие законы, человек обусловлен ими. В этом отношении он – предмет этого мира, он находится под влиянием среды и под воздействием внешних сил. И в то же время он чувствует себя внутренне свободным; он чувствует ответственность за свои поступки перед лицом высшей Правды. И здесь парадокс: если человек свободен как высшее надмирное существо, то почему он отдан во власть физических и иных законов? Почему он живет в разрушительном потоке времени и над ним висит дамоклов меч смерти? А если он – существо, подобное другим существам, то откуда у него нравственное чувство и совесть? Откуда

чувство своего бывшего величия и какой-то трагической потери?

Человек живет одновременно в двух мирах: во внешнем и внутреннем. Его тело подобно телу других животных, только, может быть, более слабое и хрупкое, чем у зверей, но человек имеет то, что отличает его от всех существ, что делает его жизнь не только космической, но и надкосмической. Его духовная сущность не измеряется в величинах времени и пространства. По своей материальной структуре человек – явление космоса. Он обусловлен тысячами причинно-следственных связей: искра, вылетевшая из недр земли и погасшая во мраке космической ночи. Но дух его имеет иные измерения, он надмирен и поэтому больше самого космоса. Обычно человека называют микромиром, это понятие перешло от древних философов. Но на самом деле душа человека – это макромир, который больше, чем все вселенные, взятые вместе.

Существует феномен, называемый болью. Болит живой организм, мертвое тело не чувствует боли. И в то же время боль – это спасительный сигнал о том, что организму грозит опасность. Разочарование человека в этом мире, душевная боль говорят о том, что человек нравствен и в то же время – что жизнь его, направленная только на внешнее, ложна. Опыт всей истории доказано, что человек может найти счастье только в Боге, только в Боге начинается его истинная жизнь. Здесь, на земле, счастья нет, здесь – жизнь червя, питающегося прахом.

Блаженный Августин писал, что только «бездна Божества может наполнить бездну человеческого сердца». Эта бездна человеческого сердца больше всех космических пространств, глубже черных ям вселенной, больше всех космических творений, взятых вместе, больше самого принципа бытия и небытия. Бездна человеческого сердца – это богоподобие, поэтому эфемерный червь, ползающий по земле – песчинке космоса, в своем духовном аспекте явля-

ется владыкой всей вселенной и частицей мира, который лежит за ее пределами.

Человек одновременно чувствует себя свободным господином своего бытия и рабом, продающимся на невольничьем рынке этого мира. Он чувствует, что свобода – это высшая ценность, но редко понимает, что такое свобода. Нельзя быть свободным во внешнем мире, где царствуют время и смерть, – это иллюзия. К такой свободе стремилась и стремится большая часть человечества, но получает только лишь разочарование и горечь от еще больших потерь. То, что считают свободой – внешняя свобода, – превращается в страсти и соперничество, то есть в новый вид рабства, только вывернутого наизнанку. Подлинная свобода – это независимость от внешнего. Высшим проявлением свободы является молитва как обращение к Божеству.

Абсолютная жизнь Божества – это высшая, истинная и единственная свобода, и только через включение в нее жизнь человека может стать свободной, остальное – иллюзия и мираж.

Царь и пророк Давид говорил: Только в Боге успокаивается душа моя (Пс. 61, 2). Он владел царством, был любим народом, одерживал блистательные победы над врагами, но только в Боге находил покой сердца и простор внутренней свободы. Зло не просто насильничает над человеком, оно обманывает человека, надевая маску «добра». Один из обманов сатаны – отвлечь человека от Бога путем ложного добра; закрыть его внутренний мир, оставить его жить во внешнем. В церкви часто повторяются слова: раб Божий. Эти слова вызывают досаду у многих современных людей, они даже шокируют их. Между тем в них заключается огромный потенциал свободы. Раб принадлежит только одному господину, который купил его у работоторговца. Быть рабом Божиим – значит перестать быть рабом людей, перестать чувствовать зависимость от людей, сбросить с себя эти невидимые цепи; добро от человека принимать как добро от Бога, совершенное

посредством человека, и быть благодарным Богу, а зло от человека принимать как наказание от Бога, осуществленное через человека для нашего спасения, поэтому также благодарить Бога. Во всем видеть благую волю Божию, совершающуюся на нас, а на людей смотреть как на орудия и средства для воплощения воли Божией и осуществления Божественного промысла о нас. Поэтому одинаково не следует ни привязываться к людям до состояния раба, ни иметь вражды к ним. Слова раб Божий означают, что мы должны никого не иметь рабами и ничего не требовать от человека, даже самого близкого к нам. Правило не быть ни господином, ни рабом открывает человеку путь к его собственной душе, вырывает его из круговорота мира. Принимая от людей все как от Бога, мы сами должны для человека делать так, как для Христа Спасителя, невидимо пребывающего в нем, и поэтому не ждать ни от кого благодарности. Если мы ожидаем от человека благодарности, то ставим его в зависимость от себя, и наше добро обращается в порабощение. Если бы мы всегда помнили, что все, что мы делаем для человека, принимает Бог, то все наши действия приняли бы мистический смысл, метафизическую глубину.

Первое условие на пути к духовной свободе – в минуту опасности предавать себя и своих близких Богу. Второе – иметь правильную шкалу ценностей: не путать второстепенное с первостепенным. Мы часто растрчиваем время, свое и чужое, на малонужные или пустые дела. Но даже доброе дело становится грехом, если ради него забывается и не исполнено главное – как если бы часовой оставил пост и пошел обрабатывать поле. Главное в жизни человека – это стяжание благодати Духа Святого. Этот свет будет озарять не только нашу жизнь и нашу душу, но станет источником жизни для других. Поэтому в Библии написано: Воля Божия есть освящение ваше (1 Фес. 4, 3). Самым большим благодетелем для человека является тот, кто открыл ему этот свет, кто пробудил его дух. По срав-

нению с этим мирские добродетели стоят ступенями ниже. Мы часто заменяем благодать суррогатом, подделкой: ласковостью, нежностью, излишним вниманием; шутим и развлекаем человека, думая показать этим свою любовь к нему. Но если бы мы пребывали в молитве, то благодать, даже без наших слов, утешила бы нашего ближнего. Поэтому аскетизм в древности воспринимался не как индивидуальное спасение человека, а как высшая форма добра для всего человечества, и монашество – стяжание Духа Святого – понималось не как эгоцентризм или брезгливое отношение к миру, а как жертва за людей. Поэтому высшей формой добра, высшим подвигом, притом самым трудным и напряженным, является вхождение с молитвой в свой внутренний мир, пробуждение сердца и обращение духа к Богу через слова молитвы. Молитва – это реанимация человеческого сердца, переход из царства смерти в царство жизни. Молитва сопряжена с трудами и болью, особенно вначале. Но ведь когда больной пробуждается от забытья или обморока, то он чувствует боль. Вне боли нет возвращения к жизни. Жить – это значит пробудить сердце, заставить его чувствовать, мыслить и говорить. У святых Отцов слово «сердце» часто служит синонимом души. Человек настолько живет, насколько включено в жизнь его сердце.

Крест

Каждому человеку дан крест, который он должен нести с того дня, когда он своими детскими ножками впервые встанет на землю, и до того часа, когда его мертвое тело обмоют, как родившегося младенца, оденут бездыханный труп, как пеленают ребенка, и положат, как в колыбель, во гроб. Жизнь христианина – это крестоношение. Христианин – крестоносец, воин Небесного Царя. Крест – это труды и скорби.

Внутренний крест – это распятие своей воли, для исполнения Евангелия, это борьба с плотью, миром и демоном. Господь был распят на кресте, сошел душою во ад

и воскрес из мертвых. Крест – символ самоотверженной любви. Господь дает испытания и страдания больше всего тем, кого Он любит. Особо тяжкие искушения, внешние невзгоды и внутренние муки претерпевали святые: казалось, что сам ад ополчился против них. Господь сказал: «В мире вы будете скорбны, но мужайтесь: Я победил мир». Эта победа – воскресение.

Господь утешает избранных своих во время скорби и дает им духовную радость чувствовать еще до смерти воскресение своей души. Поэтому христианство одновременно самый скорбный и самый радостный путь. Всякий человек стремится к счастью, но мало кто обретает счастье, потому что ищет его там, где царят время, тление и смерть. Этот призрак счастья похож на луч солнца, который хотят поймать рукой, а когда разожмут пальцы, то ладонь оказывается пустой. Демон обещает человеку счастье в удовлетворении его страстей и похотей, но оно кончается скорбью и опустошением души. Страсть подобна вину, она опьяняет человека, помрачает его ум; а затем он пробуждается, как пьяница, где-то под забором, в собственной блевотине, ограбленный своими же собутыльниками. Ему противно все на свете, даже собственное тело кажется ему вонючей падалью; но как пьяница тянется к похмелью, так снова и снова страсть, как злой повелитель, влечет его к себе.

Человек ищет счастья в дружбе, но сколько опасностей и неожиданностей ждет его на этом пути. Первородный грех глубоко поразил природу человека, и наши близкие друзья также находятся под гнетом этой темной силы. Даже святые, борясь с дьяволом, нередко бывают уязвлены и поражены им; и после внутренних или внешних падений в их сердце открываются кровоточащие раны, и они смиренно молятся Богу, как последние грешники, о прощении своих ошибок и грехов.

А что говорить о людях, далеких от Бога; они не видят свою собственную душу, они не могут понять, что творится в ней, как

в глубине черной ямы; чаще всего демон играет ими, как ребенок мячом, подбрасывая его вверх и ловя на лету. Псалмопевец сказал; «Каждый человек – ложь», т. е. каждый человек переменчив. Наш ум похож на корабль, а наши чувства – на морские волны; волны раскачивают корабль, влекут его то в одну, то в другую сторону, поднимают вверх и бросают вниз; поэтому мы не должны отдавать своего сердца – того, что принадлежит Богу, – в руки человека, иначе нас ждет разочарование и скорбь. Люди ищут счастья в душевной и плотской любви, но здесь еще опасней – волчьи ямы вырыты на этом пути.

Когда человек любит душевно и страстно, то он любит не реального человека, а плод своего воображения, он как бы рисует картину того, кого он любит, и старается заслонить его этой картиной, а потом оказывается, что перед ним другое существо. И как часто человек, добровольно обманывающий себя, потом считает, что другой обманул его; на самом деле его обманула собственная же страсть. Поэтому все поэмы и романы описывают любовь только до свадьбы, а затем просто не о чем писать. И эта супружеская жизнь не дает полноты счастья, здесь душа говорит; это не то, чего я ожидала. Супружеское счастье – это более или менее терпимая жизнь, это какое-то общее дело, но не общее счастье. Поэты нашли удачное слово для душевно-плотской любви, это слово – «очарование», что означает – чары, волшебство, колдовство, приворожение. Проходят годы, и человек с улыбкой вспоминает о своих прошлых увлечениях, он как бы сам не понимает, что с ним происходило, где были его ум и глаза. Он вспоминает об этих увлечениях, как о приступах лихорадки, которая оставила его. И в этой романтической чистой любви нет счастья.

Люди стремятся к богатству, но богатство обычно делает сердце человека жестким и твердым, как камень. Он перестает чувствовать нужду и боль другого, он замуровывает душу свою как бы в склепе,

куда не проникает свет. Молитва богато-редко бывает искренна и глубока, т. к. он в глубине сердца положил надежду не на Бога, а на деньги. Наиболее искренно и от души он молится о том, чтобы Господь сохранил его имущество от воров и грабителей, а о вечной участи молиться забывает. Богатство приковывает человека к земле, отнимает у него память смерти. Рай и ад кажутся ему только картинками, нарисованными на бумаге. Богатство дает не радость, а заботу, это не хранитель и помощник человека, а его господин. Можно сказать, что богатство – это змея, которая пьет кровь из сердца человека и иссушает его. Иоанн Златоуст пишет: «Я предпочитал бы иметь дело с тысячью одержимыми демоном, чем с одним сребролюбцем, ибо никто из несчастных бесноватых не дерзнул на то, что совершил Иуда». Люди, далекие от Бога, видят счастье в высоких чинах, они рвутся к славе и власти, а если добиваются этого, то чувствуют не мир и спокойствие, а соперничество и зависть вокруг себя, как будто под их ногами раскинуты сети. Чем выше человек по своему положению в мире, тем больше напряжения и сил требуется от него, как для акробата, который стоит на конце щита и раскачивается из стороны в сторону, чтобы сохранить равновесие. Чем выше человек, тем больше вокруг него лжи и лицемерия, тем больше вокруг него людей, ненавидящих его без всякой причины, только за то, что он сумел перегнать их. Такого человека даже во сне мучают заботы и тревоги. Может ли быть счастлив и спокоен человек, который идет по минному полю?

Некоторые ищут счастья в оккультизме и магии, они не только надеются на помощь демона в своих делах, но считают, что демонические ритуалы или, проще говоря, бесовские оргии дадут им возможность пережить какие-то необыкновенные ощущения, какие-то обольстительные тайны греха. Это люди, которых живыми поглотил ад. Падение они считают полетом, а гибель собственной души – свободой.

По временам они испытывают какую-то темную безумную радость, которая тотчас же сменяется адской скорбью и отчаянием. Эти люди видят смерть своей собственной души раньше смерти тела. Магия и оккультизм, даже в таких скрытых формах, как астрология или экстрасенсорика, – это область тьмы и отчаяния. Близко к магии стоят наркомания и пьянство. Многие склонны считать, что посредством алкоголя и наркотиков растормаживается человеческая фантазия, и картины наркоманов представляют собою материал его памяти, хранящийся в подсознании, но на самом деле наркотик является одним из средств выхода в демонический мир, и человек в состоянии особой медиумичности воспринимает картины этого мира; очень часто в предсмертной агонии наркоман и алкоголик видят явление темных духов, которые пришли за их душой. В некоторых оккультных сектах употребляется курение гашиша и других одурманивающих сознание веществ, чтобы скорее привести человека в состояние демонического транса. Демон может дать человеку только то, что имеет сам – это дух ненависти и отчаяния; поэтому общение с демоном, непосредственное – через магию и оккультизм и посредственное – через наши страсти и грехи, наполняет душу человека мраком и тоской. Приближение демона к душе – это дыхание смерти. Человек ищет радости в шутках и смехе, но это радость клоуна, который корчит гримасы; после продолжительного смеха на душе у человека становится пусто, а шутки лишают человека внутреннего целомудрия и открывают дверь страстям. Уже царь Соломон сказал, что у человека лучше сердце, когда он плачет, чем когда он смеется. Если мы взглянем на свое сердце во время смеха, то увидим там вовсе не добродушие, а бесстыдство и жестокость. Это мы можем проверить, встав на молитву сразу после шуток и смеха. Сердце будет сопротивляться молитве, как бесноватый, которого насильно тащат в храм.

Наша душа – частица неба, поэтому она

не может найти счастья на земле, поэтому все земное чуждо ее природе, поэтому на земле нет счастливых людей, кроме тех, кто отверг этот мир. Если бы счастье зависело только от внешних условий, то слезы не падали бы на золото и алмазы, то морщины скорби, как печать тайных дум, не оставляли бы своего следа на лицах правителей и князей. На земле есть только одно счастье, истинное счастье, которое не погаснет, как светильник при дуновении ветра; не разобьется, как хрустальный бокал, сброшенный нечаянным движением со стола; не исчезнет, как сон, который тает с пробуждением в ночи; это единственное счастье – крест, который дан каждому человеку, если тот распнет на этом кресте свои страсти, свою волю, свою самость и пойдет за Христом по пути, указанному Им. Этот путь – Евангелие. Мера счастья – это мера благодати, которую стяжал человек; эту радость не может отнять у него никто и ничто – ни болезнь, ни изгнание, ни человеческая злоба, ни насилие демонов, ни сама смерть. Благодать – это невидимая река, орошающая мир, а люди, не желая знать об этом, мучаются и умирают от жажды на берегу реки. Каждый это может проверить опытом на себе. Если мы победим скупость – поделимся с нуждающимися, если простим от сердца обидавших нас еще до того, как они попросят прощения, если победим искушение, влекущее нас ко греху, то Господь нам даст, как награду, мир и особую радость в сердце, не похожую на мирскую радость, как будто перст ангела невидимо дотронулся до сердца человека. Благодать – это свет, струящийся из вечности на землю; тот, кто несет свой крест с любовью, видит в своей душе отблески этого света; поэтому святые жаждали страданий как божественного дара. Если человек ради Господа будет терпеть скорби, то они превратятся в песнь о небе, которая будет звучать в его сердце и наполнять его душу покоем и утешением. Кто несет безропотно в этой жизни крест, тот будет стоять в

Царствии Небесном вместе с мучениками за Христа. Земные скорби превратятся в вечную радость, а земная скоротечная радость уже здесь на земле превращается в скорбь, как сорванный цветок превращается в прах.

Без Церкви нет спасения

Во 2-й половине нашего столетия в столице Австралии Сиднее произошел необычайный случай: многоэтажное здание Парламента, построенное по всем правилам и законам техники, вдруг, без видимой причины, стало оседать. Вначале ученые не могли понять, в чем дело. Ни грунтовых вод, ни сейсмических колебаний не удалось обнаружить, но здание продолжало медленно разрушаться. Наконец оказалось, что под его фундаментом поселились огромные стаи термитов и в течение многих лет подтачивали его основание.

Что-то похожее наблюдается в нашем церковном мире. Появились какие-то невидимые силы, которые задались целью (может быть, даже не сознавая этого), медленно и упорно искажать и дискредитировать учение Церкви, незаметно подменяя и изменяя православный менталитет. Эти разрушительные силы действуют во всем мире: они, не выступая прямо против догматов и канонов православия, хотят подвергнуть их своей интерпретации, навязать другой смысл, создать адогматичную религию – христианство без Христа, Церковь без канонов – и постепенно привести людей к убеждению, что все православное богословие – это только лишь позднейшие надстройки над евангельским учением, что главное и основное – это доброта и милосердие, а остальное – безразлично. Возникает реальное опасение, что во всем мире хотят создать новое, либеральное христианство, в котором Сам Христос представлен не как Спаситель мира, а как учитель нравственности, который через Голгофскую Жертву вовсе не искупил грехи людей, а только показал пример

самоотвержения. Они хотят лишить христианство его исторических корней, уничтожить его мистическую глубину и, вместо главной цели – богообщения, поставить другую цель – служение людям, а на самом деле – служение человеческим страстям. Уже все громче раздаются голоса, что не надо буквально понимать Евангелие, что аскетизм – это насилие над природой, вера в существование вечных мук и демонов – болезненное воображение; само покаяние они считают каким-то извращением, бессмысленным самоистязанием; продолжительные молитвы – потерей времени, которое надо было бы употреблять для служения ближнему, и т. д. Особенно ярко эти тенденции проявились в протестантизме, и его горький опыт должен отрезвить и пробудить нас. Православие – это духовная истина. Для либералов никаких истин не надо. Они считают, что для человека должны быть созданы условия, в которых наиболее полно могли бы осуществляться его желания, в том числе и страсти.

Евангелие – это свет, который трудно переносим для людей, погруженных в пороки, и они пытаются или погасить этот свет путем насилия, или извратить смысл христианства. Пока существует учение Христа, мир будет осуждаться и обличаться в нем. А кому из грешников хочется видеть в зеркале свое уродливое лицо, почувствовать, что философия мира – это философия свинарника, где главное благо заключается в том, чтобы все свиньи имели доступ к корыту с помоями.

Христос сказал, что мир лежит во зле. Истинная Церковь и истинная вера всегда будут гонимы. Язычники устраивали кровавые гонения на христиан тоже с позиций гуманизма и либерализма. Они говорили, что христиане – человеконенавистники, что они лишают себя и других радости жизни. Преданность христиан к догматам веры язычники считали фанатизмом. У некоторых языческих цезарей возникали проекты, чтобы изображение Христа внести в Пантеон – храм всех богов

и установить почитание Его как одного из божеств, т. е. соединить язычество с христианством. Во время самого страшного гонения христиан при Диоклетиане правитель Вифании Феликс написал книгу, где убеждал христиан, что между ними и язычниками нет большой разницы, и предлагал компромиссное решение: христиане будут чтить Христа, но вместе с Ним и языческих богов. Когда он убедился, что из этой затеи ничего не вышло, то превратился в одного из самых лютых гонителей христиан, даже сам выдумывал новые изощренные истязания для них и подстрекал Диоклетиана на еще большую жестокость. Церковь, основанная на мученической крови, не только выдержала гонения, но вышла из них победительницей.

Затем главными противниками Церкви явились гностические ереси. Одни из них требовали крайнего аскетизма, который отождествлял тело человека со злым началом и творением демона, а другие гностики впадали в противоположную крайность: они говорили, что дух человека божествен, поэтому грех, совершаемый плотью, несуществен для человека. Это был призыв к вседозволенности. Всякая секта – это искажение первоначального апостольского предания, это желание построить новое христианство на фундаменте собственных представлений, это переход от духовного к душевному.

Рационалистические секты ставят свой ограниченный рассудок выше Священного Предания. Лжемистические секты подменяют благодать Святого Духа душевными, эмоциональными состояниями, психическим возбуждением и экстазом.

Далее появляется новый враг – это теософия, которая говорит, что все религии – это радиусы, направленные к центру. Для теософии единой истины не существует. Это повторение языческого многобожия. Христос рассматривается в едином ракурсе вместе с Зороастром и Буддой. Христианство объявляется не истиной для всех народов, а региональной религией.

Современный экуменизм является частным видом теософии, где принцип равенства распространяется еще не на все религии, а пока что только на христианские конфессии. Нам могут сказать: «Взгляды гностиков и теософов не характерны для нашей Церкви; мы верим в Христа как Сына Божия и Спасителя мира». Но мы хотим указать на другое – на то, что термиты зашевелились под фундаментом Церкви. Коррозия церковного мышления уже началась, и христианство без Христа может оказаться перспективой, пока далекой, но все же перспективой, уже реализованной у крайних протестантских сект.

Когда термиты разрушают здание, то не надо успокаивать себя, что разрушения пока незначительны, что эти насекомые малого размера, а стены Церкви мощны и непоколебимы. Да, с самой Церковью не справиться термитам, потому что она основана на обетованиях Христа. Но сколько соблазнов придет через них в Церковь?

Почему либералы так настойчиво хотят изменить церковную традицию, отойти от предания, соединить несоединяемое: Дух Христа и дух мира? Почему они с такой настойчивостью хотят проводить реформы: перемену календаря, перемену бого-

служебного церковного языка и т. д.? Если из стены выпал камень, то легче выдернуть другой. Поэтому православие не должно быть изменено, даже в том, что кажется самым незначительным.

Модернизм и либерализм – враги христианства, с которыми нельзя договориться. Каждую уступку они воспримут как свою победу и еще больше усилят натиск на Церковь.

Самое опасное то, что либеральные идеи стали проповедовать люди, носящие рясы. Уже в среде самих православных священников можно услышать полемику о том, что лучше – православие или католицизм, спасутся мусульмане или нет, можно ли получить Царство Небесное без крещения и т. д. Это также теософия, только в более замаскированной форме. Кто сказал «а», тот рано или поздно должен сказать «б»; кто сегодня яростно спорит о том, что можно спастись без крещения, тот рано или поздно должен сказать, что можно спастись без Христа собственными добродетелями. Вспомним, что фарисеи считали, что они уже спасены своими добрыми делами и происхождением от Авраама, а кончили тем, что не только отвергли, но и распяли Христа.

**Митрополит Сурожский
Антоний**

Разговор о молитве

Многие наши читатели вышли из среды, никак не подготовившей их литургически. Что Вы можете посоветовать, чтобы богослужение стало личной молитвой, идущей от сердца, а не просто механическим повторением?

Все имеющиеся у нас богослужебные молитвы вышли из сердца написавших их святых. Это не просто готовые молитвы, которые мы можем прочесть и посчитать, будто мы квиты. Для того, чтобы молиться ими от всего сердца, всем сознанием, мы должны научиться чувству и отношению тех святых, которые их написали. Дело не в том, чтобы просто пользоваться богослужебными молитвами в храме; надо продумывать их в течение недели. Мы должны читать их вдумчиво и размышлять над ними, и не искать волнующих переживаний, а стремиться глубоко проникнуть в их смысл. Мы должны стараться собрать из мыслей, наполняющих эти молитвы, порой даже из самих слов, то, что соответствует нашему собственному опыту. В таком случае, когда мы придем в храм, эти проблески оживут вместе с церковной молитвой.

Во время же самого богослужения в храме литургические тексты не должны быть предметом медитации или размышления. Во время службы человек должен целиком обратиться в слух.

Надо слушать всем сердцем, всей жизнью, всей чуткостью и просто дать молитвам пронизать нас, охватить нас, ни на минуту не задумываясь: «Что со мной происходит? Как я отзываюсь на эту молитву?» Это можно сделать с большим успехом в другое время, но не в течение самой службы.

И еще одно я считаю важным, когда мы учимся пользоваться готовыми молитвами. Пользуясь молитвами, составленными святыми, следует молиться этим святым, чтобы они просветили нас, просить их поддержать нашу молитву, донести ее к Богу. Я думаю, что если мы будем так поступать, мы постепенно вращаемся в самые молитвы и в богослужебное действо.

Является ли богослужение способом общения со святыми?

Разумеется, оно может быть таким общением. Порой мы только и можем прочесть молитву и сказать святому: «Я не очень-то верю, что это может помочь, но эти слова произнес ты; помолись со мной, и пусть эта молитва поднимется к Богу по твоей вере». У меня был однажды такой опыт, когда я прочел одну из молитв Василия Великого. Я сказал ему: «Я не очень верю, что она поможет, но ты-то верил, раз составил эту молитву. Помолись со мной; все, что я в силах сделать – это принести ее вместе с тобой, полагаясь на твою веру». Я произнес эту молитву и получил ответ на нее.

Не будет ли лицемерием – молиться готовой молитвой, не участвуя сознанием в ее духовном опыте? Например, допустимо ли читать покаянные молитвы, когда сами мы холодны и бесчувственны ко греху?

Это не будет лицемерием, при условии, что мы честны. Если мы сначала скажем Богу: «Я не могу отозваться цельно, у меня нет глубокого покаяния, выраженного в этой молитве, но я хотя бы умом сознаю, что разделен от Тебя, разделен от моего ближнего, сломлен внутренне, и я читаю эти молитвенные слова святого, которые лучше и правдивее выражают то, что я хотел бы выразить сам, – с тем, чтобы эта молитва постепенно изменила меня внутренне».

Недостаточно молиться лишь ради того, что это «правильно», «так надо». Молиться надо так, чтобы мы постепенно вросли в молитву. Если вы идете на концерт, вы, скорее всего, неспособны воспринимать музыку с тем же чувством, с каким композитор воспринимал жизнь, красоту, смысл – все, что он заключил в свое творение. Но если во время концерта вы дадите музыке унести вас, охватить вас, воздействовать на вас, вы постепенно станете более восприимчивы к тому, что хотел передать композитор.

Почему молитва, будучи столь существенной частью нашей христианской жизни, так трудна?

Потому что мы лишь смутно сознаем, что нуждаемся в молитве. Будучи христианами, мы знаем, что должны молиться и должны относиться к жизни определенным образом. На самом деле наше отношение не таково. И мы не можем молиться от всего сердца и ума, когда наше сердце и ум разделены. Молитва трудна, потому что нам не удается сделать ее частью собственного опыта. Чтобы молиться искренне, мы должны молиться изнутри собственного, а не чужого опыта. Для начала, из множества и разнообразия православных молитв следует выбрать те, которые нам доступны. Позднее мы сможем попробовать пользоваться и теми, которые более трудны.

Таким образом, мы сможем произносить эти молитвы, так сказать, от собственного имени, молитвенные слова захватят нас до глубины. Если в какой-то момент окажется, что это нам недоступно, мы должны сказать Богу: «Я не могу произнести эти слова из убеждения, но я могу произнести их в акте веры, разделяя чужой опыт».

Например, дойдя до слов «прости, как я прощаю», вы можете остановиться и сказать: «Господи, я не умею прощать в совершенстве. Я могу лишь сказать: я **хотел бы** уметь прощать. Прости меня хотя бы в той мере, в какой это будет целительно и полезно для меня». То же самое относится к молитвам, в которых мы о чем-то просим, что-то утверждаем, хотя неспособны прочувствовать эти слова до глубины.

Возможно ли мирянину, живущему среди смятения, безумия XX века, вести тот образ жизни, который Вы описываете? Могут ли живущие в миру вести молитвенную жизнь по образу монашествующих?

Думаю – да, вполне, лишь бы мы соединили молитву с жизнью и жизнь с молитвой.

Если мы стараемся уйти от жизни и предаваться молитве, воображая, будто стремимся быть созерцательными монахами, ничего не выйдет. Заботы оторвут нас от молитвы. Но если мы сознаем, что все в жизни – ситуации, куда Бог нас поставил, чтобы мы принесли веру туда, где веры нет, принесли надежду туда, где нет надежды, принесли свет – пусть хоть тусклый, малую искру света – туда, где только тьма или сумерки, чтобы мы были солью, предохраняющей от гниения, чтобы принесли крупицу любви туда, где безлюбивость, тогда никакая ситуация не окажется настолько дурной или полной тревоги, чтобы мы не смогли войти в нее молитвенно, в молитвенном духе. Мы можем сказать; «Господи, Ты послал меня в эти сумерки, в эту тьму. Будь со мной и даруй мне быть Твоим присутствием».

Если мы так молимся, мы можем принести всю ситуацию Богу. Очень часто

люди говорят: «Я хотел бы молиться нерассеянно, однако на мне груз забот». Надо ли стараться устранить эти тяготы? Очень часто Бог озабочен ими гораздо больше, чем мы.

Прежде чем пытаться побыть с Богом в неразвлеченном покое и тишине, следует обратиться к Нему и сказать: «Господи, меня заботит и тревожит то-то и то-то». Чья-то болезнь, чье-то недоброжелательство, даже просто волнение ребенка перед экзаменом – для Бога нет ничего слишком мелкого. Принесите Богу все до мелочи, скажите все, что у вас накопилось. А затем в акте веры скажите Богу: «Я вручил это все в Твои руки, на некоторое время пусть это будет в Твоих руках».

Если вы честны, можете добавить: «Не думаю, что сумею передать Тебе эти заботы надолго, потому что я недостаточно доверяю Тебе. Я возьму эти заботы обратно, потому что озабочен ими больше, чем Ты» (позже вы обнаружите, что это не так, но тем не менее нам часто приходится начинать с этого). А затем, передав заботы Богу, скажите: «А теперь, Господи, давай побудем немного вместе».

Ведь именно так вы поступили бы с женой или с другом. Вы пришли с грузом забот, вы не можете просто наслаждаться обществом, счастьем, что вы вместе. Вы сначала скажете: «Ох, у меня был такой тяжелый день!» – и перескажете жене, или матери, или другу тяготы дня. Облегчив душу, вы сможете откинуться в кресле и сказать: «Ах, как хорошо нам быть вместе».

Есть рассказ из жизни французского святого XIX века. Он был приходским священником в маленькой деревушке; там был старик, который часами сидел в церкви. Однажды священник сказал ему: «Дедушка, что ты делаешь тут часами? Губы у тебя не шевелятся в молитве, четки ты не перебираешь, что ты делаешь?» И старик ответил: «Он глядит на меня, я гляжу на Него. и нам так хорошо вместе». Этого невозможно достичь, пока не отдашь все свои заботы, не поделишься ими. Общение

возможно только после этого. Но если подходить так, тогда все в жизни оказывается поводом для молитвы.

Например, вы проснулись утром. Вы можете осознать, приучить себя сознавать, что вы воскресаете, подобно Лазарю, потому что в вашем положении сон – то же самое, что смерть. Во сне вы не сознаете ничего, вы беспомощны, беззащитны, весь мир перестает существовать, как если бы вы были мертвы.

А затем Бог зовет вас: «Гряди!» И вы вступаете в день, которого никогда в истории еще не было, это совершенно новый день. И Бог говорит: «Войди в него во имя Мое». И вы можете просто ответить: «Господи, благослови этот день для меня и благослови меня на этот день». И войдите в этот день, как вы вышли бы на равнину, покрытую снегом. Она чиста, нет ни следа на ней, и вы должны задаться вопросом: «Как мне пройти по ней благополучно? В какую сторону идти?» – И идите!

И тогда вы должны принять всякую встречу как Богом данную ситуацию, каждое событие – как посланное Богом. Встретившись с человеком или с ситуацией, вы можете сказать: «Господи, дай мне зрение, дай мне понимание, дай мне мудрость, дай мне нужные слова и верные действия!». Если позднее вас охватит колебание, вы можете сказать: «Господи, просвети меня!»

А сделав то, что следовало, обернитесь к Богу и скажите: «Господи, если то, что я сказал или сделал, правильно, пусть Твоим благословением оно будет, словно зерно, пусть принесет богатый плод. Если я поступил неверно, изгладь это из памяти этого человека». Вспомните урок старой русской сказки: самый важный момент жизни – теперешний миг, потому что прошлого уже нет, а будущее еще не настало. Самый важный человек на свете – тот, с которым вы общаетесь в данный момент; и самое важное **дело** в жизни – **сейчас** сделать для **этого** человека то, что нужно. И тогда никакие события ни на миг не отвлекут вас от молитвы.

Это не обязательно будет созерцательная молитва; но с другой стороны, если вы помолились утром и сохраняете чувство присутствия Божия, если сердце ваше загорелось, ум просветлел, воля вострепелась, тело собралось, тогда вы будете в состоянии человека, который утром получил письмо либо с замечательным известием, которое озарит весь день светом, либо с трагичной вестью, которая тенью ляжет на весь день, – ни на один миг эта весть не будет забыта. То же самое можно сказать о молитве.

Мы часто не находим пятнадцати минут, получаса, чтобы посвятить их молитве перед работой. Видимо, такова неизбежность нашей жизни, полной спешки...

Я думаю, это столь же неверно, как если бы мужчина сказал жене: «У меня нет на тебя времени, но я зарабатываю тебе на жизнь, я покупаю тебе подарки, чего еще тебе от меня надо?» Это не отношения. Вероятно, жена сказала бы: «Пожалуйста, не бери дополнительной работы ради того, чтобы купить мне новую шляпку или сумку; лучше проведи это время со мной». Единственное, что имеет ценность между Богом и вами, это то, каковы ваши отношения.

Порой бывают вещи более значительные, чем обязательная молитва. Я вспоминаю своего друга, его родители были ужасно бедны. Однажды он принес матери букет цветов. Я вспыхнул и сказал: «Ты что, не понимаешь: в доме хлеба нет!» И его мать сказала мне: «Не ругай его. Я могу прожить без хлеба, я не могу жить без цветов».

Такие вот отношения и должны быть между нами и Богом. Речь не идет о полчаса или пятнадцати минутах; дело не во времени. Если вы взглянете на жену и скажете: «Дорогая, как я люблю тебя!» – это займет один миг, и все произошло. В один прекрасный день вы разразитесь долгой речью на тему единения в вечности, к которому ведут брачные узы. Ваша жена, вероятно, терпеливо все выслушает, а затем скажет: «Милый, мне пора на кухню». Бог может отреагировать так же.

Если вам не хочется побыть с Богом, что толку обращаться к Нему с речью? Должны быть отношения, должна быть дружба. Так что если вас не тянет уделить Ему пятнадцать или тридцать минут из двадцати четырех часов, может быть, вам следует задаться вопросом, каковы ваши подлинные чувства к Нему. Так ли вы поступили бы по отношению к своей жене? К друзьям? Все дело в этом.

Молитва оживет, если вы воплотите ее в действие. Если вы говорите в молитве: «Боже, даруй мне то или иное», это означает, что вы должны быть готовы действовать в этом направлении изо всех сил. Есть рассказ о святом, который молился, чтобы ему было даровано терпение. И тут же кто-то из его друзей довел его до ярости. Он обратился к Богу и сказал: «Я же только что просил терпения!» И Господь ответил: «Да, и Я умножаю случаи, на которых ты мог бы ему научиться». Я думаю, вы должны быть готовы приложить все силы к тому, чтобы жизнью исполнить то, о чем говорите. Что толку говорить: «Господи, я люблю Тебя!» и ничего не сделать в доказательство этого утверждения?

Как мирянин может употреблять Иисусову молитву, чтобы с ее помощью утвердиться в молитвенной жизни?

Молитва Иисусова – нечто совершенно простое, если мы не сделаем из нее сложное упражнение: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!»

Начало ее – исповедание веры, и молитвой Иисусовой нельзя пользоваться, если вы не можете совершенно честно произнести ее вводные слова. Произнося *Господи*, надо признавать Христа Господом, сделать Его Царем в нашей жизни (не в эмоциях, а в жизни), так, чтобы приобрести *ум Христов*; в сердце – чтобы сердце ваше было чисто; в воле – чтобы вы стремились хранить всецелую верность тому, что вам открылось в Евангелии от Бога.

Это первое. Затем, *Иисус*. «Иисус» – человеческое имя Бога. Это исповедание воплощения. Верите вы в него

или нет? *Христос*: Он – исполнение Ветхого Завета. *Сын Божий*: Он истинно Единородный Сын. Это все исповедания веры, и вам следует испытать себя, и если вы не можете верить в это, так и скажите Богу, и сократите молитву. Скажите: «Иисусе, Сыне Божий»; или: «Господи Иисусе Христе». Или просто: «Иисусе», если единственное, что связывает вас с этой молитвой, – Его имя, Его Личность. Но не лгите; или скажите Богу, что произносите эти слова, потому что сколько-то веры у вас есть, хотя и несовершенной.

И затем слова *помилуй меня*. Это не значит: «Господи, будь добр ко мне. Ты знаешь, как я слаб, Ты знаешь, как я плох, но Ты-то благ, не обращай на это внимания». *Милость* – слово, говорящее о прощении, о даре, но в ответ на мольбу о нем, на страстное желание, на тоску по примирению. Оно значит, что мы осознаем, насколько велико наше призвание и как мы слабы. Мы обращаемся к Богу, как Павел, просивший о силе. И Господь ему ответил: *Сила Моя в немощи совершается... Довольно тебе благодати Моей...* Мы взываем и просим, чтобы нас любили строго и нежно одновременно. Это требует от нас очень многого: готовности принять от руки Божией то, что Он благоволит дать, и остаться верными.

И наконец, *грешного*. Кто такой грешник? Тот, в первую очередь, кто нарушил закон Божий. Грешник – тот, кто живет таким образом, что становится чужд Богу, кому стыдно перед лицом Божиим, кто позорит Бога перед другими людьми. Это человек разделенный в самом себе, разделенный от ближнего, удаленный от Бога. Грешник потерял связь с Богом, со своей совестью, со своей собственной жизнью, с жизнью ближнего. Каждый из нас может сказать, что он таков. Не в том дело, что мы обнаруживаем, что совершили один особенно отвратительный грех, и каемся в нем. Дело в нашем образе жизни.

Так что Иисусовой молитвой может пользоваться любой человек, Единствен-

ное предостережение: не следует пытаться сделать из нее некий талисман. Не следует воображать, что, употребляя ее, мы занимаем какое-то особенное положение по отношению к Богу. Она должна быть честная и искренняя. Мы должны обратиться к Богу и сказать Ему правду, мы должны осознать свою греховность и свою нужду в Нем, и должны верить, что Бог всегда отзовется на нашу молитву.

Можно посвятить ей несколько минут в день, собирая внимание на ее словах, а затем оставить ее. Никогда нельзя повторять молитву без внимания. Она не должна «жужжать» внутри нас, крутиться, словно колесо. Она – само внимание, полное благоговения молитвенное трезвение. Тогда ею можно пользоваться в любой момент или в определенное время.

Часто бывает какое-то расхождение между личной молитвой и богослужением, общественной молитвой. Считаете ли Вы, что оно реально? А если нет, как Вы сами включаете личную молитву в общественную?

Я бы сказал, что первостепенна, наиболее важна личная молитва, то, каковы ваши личные отношения с Богом. Если вы молитесь лично, ежедневно лично общаетесь с Богом, то, придя в храм на службу, сможете включиться в богослужение, которое глубоко лично, но вместе с тем превосходит вас, вы сможете внести в него или воспринять от него молитвенный дух. Когда вы приходите на богослужение, вы должны дать себе погрузиться в Бога, – погрузиться в молитву. И лишь если вы погружены в Бога и в молитву, вы становитесь едины с другими, не через пение, службу, действия, а уходя в Бога в ситуации, которая особенно насыщена, потому что вас несет молитва всей Церкви, и вы несете молитву других людей.

Кроме того, разумеется, в рамках богослужебной молитвы совершаются таинства. Но в таинствах можно участвовать лишь постольку, поскольку вы в Боге. Если вы пришли на богослужение, православное или иное, будучи или не буду-

чи православным, и просто стоите, ожидая конца, вы не участвуете в службе. Если вы подходите к причастию только потому, что сегодня воскресенье, или ваши именины, или заодно со всеми, очень вероятно, что вы не причаститесь.

Есть очень сильное место у Симеона Нового Богослова, где он говорит, что Бог есть огонь. Но Он – наш Спаситель, и когда мы подходим к причастию недостойно, не сознавая, что мы делаем, Он допускает это, но как бы отходит из преподаваемых нам Хлеба и Вина. Вы принимаете хлеб и вино, ничего больше, потому что иначе вы сгорели бы дотла. И я думаю, что инославный, погрузившийся в Бога во время православного богослужения, по духу бесконечно ближе к литургии и даже к таинству Причащения, чем православный, который просто стоит и надеется, что служба не слишком затянется. Хотя что касается Симеона Нового Богослова, я не уверен, что тут, как и в некоторых других вещах, он не более радикален, чем Церковь в целом. Например, когда он говорит, что тот, кто не испытал воскресения на земле, не познает его в вечности – это больше, чем мы ожидаем из учения Церкви, это очень радикальный подход.

Помните тот отрывок, где он говорит, вернувшись из храма после причащения: я сижу на деревянной скамейке, гляжу на эти дряхлые руки, на это стареющее тело и вижу с ужасом, что это руки Божии и что это тело Божие, потому что путем причащения это стали члены Христовы; я взираю вокруг себя на убогую келью – и она шире небес, потому что небеса не вмещают Бога, а она содержит Бога... Конечно, идеально было бы, чтобы мы могли каждый раз **так** пережить прикосновение к святыне; но с другой стороны, часто бывает, что человек причастится и через какое-то время начинает переживать, и начинает меняться, что более важно, чем его переживания. Я могу вам процитировать другого духовного писателя, который говорит: ты не ожидай, что переживешь что-либо сразу после

причащения; иногда через два или три дня поднимется то чувство и то переживание, которое ты не смог иметь в тот момент. Потому что иногда душа оцепеневает или углубляется так, что не до чувств, хотя что-то происходит на глубине.

Итак, личная молитва важнее общественной молитвы и является необходимым условием подлинной общественной молитвы?

Я думаю, что она – предварительное условие, так же как отношение любви есть первое условие любого общения на словах, или как взаимная любовь среди группы людей и взаимное доверие, дружба предваряет любые слова, какие прозвучат между ними. Иначе это будет механическое упражнение, когда вы можете показать другим свои знания, продемонстрировать свою начитанность, но подлинного общения не будет. Душа ваша никак в этом не участвовала.

Но, как сказал один западный богослов, «одиноким христианин – не христианин». Быть христианином значит быть членом тела Христова, а тело Христово – это не только я, но все другие верующие. Приходя в храм, мы можем, если не отвлекаем сами себя и друг друга, вдруг почувствовать, что мы в таком месте, где царствует Божественное присутствие и тишина. В этом отношении молитва в храме может быть более значительна, чем молитва дома.

Кроме того, мы ходим в храм, чтобы принять молитвенную помощь от всех других верующих и поделиться со всеми своей молитвенной настроенностью. Не в том смысле, что «я могу молиться, а вот этот, там, видно, не умеет...», а в том, что я стану перед Богом, уйду в свои глубины, откроюсь до конца, и на этой глубине окажусь единым со всеми, кто молится – глубоко ли, поверхностно ли, кто борется за молитву, кто отпал от нее по усталости или незрелости. В этом отношении Церковь является сложным организмом, куда все вносят свой опыт Бога, свое стояние перед Богом, свою молитву к Богу, восполняя

друг друга, помогая друг другу. И поэтому так важно не отвлекать другого человека от молитвы, даже по каким-то уставным соображениям, для того, чтобы он «лучше» поступал в храме; это можно делать потом или в другой момент. Когда-то в одном со мной приходе был страстный уставщик. И бывало, я (да, по невежеству, мне было лет 17) стану на колени и поклонюсь до земли: я вдруг почувствовал Божие присутствие, я хочу Ему поклониться, преклониться перед Ним... – и тут меня этот уставщик по плечу хлопает: «Вставай, в воскресенье на колени становиться нельзя!» А мне думается: «Ах! Бог **так** доволен, что мне захотелось преклониться перед Ним, и Ему там безразличен устав...» Мне кажется, что в этом отношении должна быть свобода. Устав – как леса, которые поддерживают здание, пока оно не стоит по-настоящему.

А относительно мнения, что можно было бы молиться так хорошо дома, скажу: те люди, которые умеют петь, могут петь себе всласть дома, однако когда они соберутся и составят хор, этот хор звучит совершенно по-иному. Ни один голос не должен выдаваться, все голоса должны слиться, и они составляют нечто, что содержит в себе каждый звук и каждый голос, а вместе превосходят все голоса вместе взятые. В этом отношении наша церковная молитва подобна хору: каждый из нас вносит, может быть, ничтожный голосок, но вносит один неповторимый звук, который есть звук чистой любви и чистой веры; он сливается со всеми, и это делает его участником тайносовершения. И это очень важный момент. В древности тот, кто не имел права причаститься, не должен был оставаться в храме после ухода оглашенных. И я бы сказал, что это наш нравственный долг: прийти в церковь и внести в нее то малое, что мы можем внести. Например, мытарь пришел в храм, остановился у притолки и сказал единственное: что он недостоин вступить в эту священную область... И тем самым он внес в эту область то, чего ни фарисей, ни обыватели не внесли.

Поэтому речь не идет о том, чтобы ты внес свою святость. Ты можешь внести свое покаяние, ты можешь внести отчаянный крик: Господи, откройся мне! Я Тебя не знаю...

Хорошо ли помолиться сначала дома, прежде чем прийти на литургию в воскресенье?

Да, лишь бы эта молитва не убила молитвенный дух, лишь бы вы обратились к Богу и сказали: «Господи, я собираюсь на литургию, я иду в место, Тебе посвященное. Это Твой дом. Я там встречу людей, которые любят Тебя, вероятно, больше, чем я, которые лучше меня умеют молиться. Какое чудо, какая радость, какое счастье! Благослови меня пойти и всем сердцем быть там с Тобой, как я от всего сердца присутствовал бы на дне рождения моей матери или моего ребенка – так же просто и непосредственно».

Если вам помогает чтение молитв, читайте, но не подражайте многим молитвам или каким-то определенным молитвам – **молитесь Богу!** Если вам нужна поддержка молитв святых, пользуйтесь ими. Если вы чувствуете, что какая-то молитва не дает вам взлететь духом, не дает душе сыграть перед Богом, не приносит вам радости и любви, не пользуйтесь ею. Я знаю, что это звучит неблагочестиво, но таково мое убеждение. Мне 75 лет, у меня было время подумать, я священник более сорока лет, и таково мое чувство. Вы же знаете: у апостолов, у первых христиан не было всех тех молитв, какие есть у нас, а как живо было их отношение с Богом!

Так что не следует позволять молитвам, накопившимся за столетия, – несмотря на все их богатство – стать багажом, тянущим нас вниз и отрывающим от Христа?

Нет, как и вся музыка на свете, все искусство мира не должно помешать вам посмотреть на солнечный закат и воскликнуть: «Как это прекрасно!» или так же отреагировать на прекрасную мелодию. Есть стихотворение немецкого поэта,

где говорится: «Маленькая песенка – чем она так драгоценна? В ней немного мелодии, немного гармонии и вся человеческая душа».

Все дело в этом. Если вы можете вложить в слабый звук вашего голоса, в ту небольшую гармонию, какую вы способны создать между Богом и вами, всю вашу душу целиком, Бог будет рад этому. Если вы просто произносите вежливое обращение, если вы просто читаете слова, то в ответ на прочитанный вами псалом Бог может отозваться: «Я это уже слышал – и царь Давид произносил гораздо лучше».

В заключение поговорим несколько об ином. На нас быстро надвигается XXI век. Каким Вам видится будущее православия на Западе – особенно учитывая ныне существующие его разделения по национальной линии? И что мы, миряне, можем сделать ради подлинного единства, которое преодолело бы национальные и культурные преграды?

Ну, во-первых, сама жизнь на Западе постепенно разрушает многие культурные и национальные барьеры. Первое поколение эмигрантов говорило по-гречески, по-русски, по-арабски, на всех языках Востока или Севера. Теперь большинство молодежи говорит по-английски, по-немецки, по-французски и т.д. Так что возникает общий, объединяющий всех язык. Если первоначальный язык сохраняется, это благо, потому что знание двух или трех языков позволяет глубже понимать значение слов, образ мыслей, чем один язык. В этом смыс-

ле наша этническая принадлежность может сохраниться, но не быть полной стеной отчуждения.

Во-вторых, мы должны помнить, что каждый народ, каждая этническая группа может что-то открыть каждой другой в плане своего знания Бога, опытного переживания Его, того, каким образом этот опыт выражался на протяжении столетий. Так что нам следует сохранять собственное национальное наследие, свою духовность и делиться ею, потому что из таких частей складывается целостное Православие.

Кроме того, мы должны сознавать, что единство возможно среди подлинных христиан. Если мы исповедуем одну православную веру и живем соответственно, мы становимся ближе друг другу, даже если неспособны говорить на одном языке.

И наконец, я верю, что осуществление единства придет от верующего народа, а не от иерархии. Иерархии приходится преодолевать всякого рода проблемы – богословские, канонические, исторические, дипломатические. У народа этих проблем нет. Я абсолютно убежден, что если люди разной национальности чувствуют, что они братья во Христе, православные братья, и становятся едиными на этом уровне, рано или поздно иерархи обнаружат, что разделены только они сами. Может быть, тогда они придут в разум.

Дай-то Бог!

Да! Но мы должны стремиться к этому и сами.

Так молились великие святые

Молитва о. Иоанна Кронштадтского

*Господи, Имя Тебе — Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося человека.
Имя Тебе — Сила: подкрепи меня, изнемогающего и падающего.
Имя Тебе — Свет: просвети мою душу, омраченную житейскими страстями.
Имя Тебе — Мир: умири мятущуюся душу мою.
Имя Тебе — Милость: не переставай миловать меня. Аминь.*

Молитва Оптиных старцев

*Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой.
На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня.
Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя.
Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами.
Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою.
Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.
Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. Аминь.*

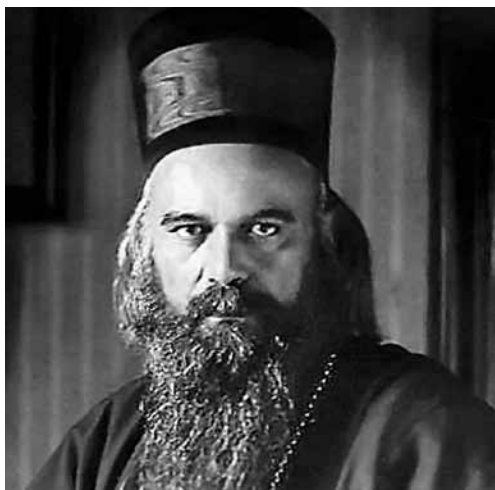
Молитва святителя Филарета (Дроздова)

*Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты один ведаешь, что мне потребно.
Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя.
Отче, даждь рабу Твоему, чего и сам я просить не умею.
Не дерзаю просить ни креста, ни утешения: только предстою пред Тобою.
Сердце мое отверсто; Ты зришь нужды, которых я не знаю.
Зри и сотвори по милости Твоей. Порази и исцели, низложи и подыми меня.
Благоговею и безмолвствую пред святою Твоею волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Предаюсь Тебе.
Нет у меня другого желания, кроме желания исполнить волю Твою.
Научи меня молиться; Сам во мне молись! Аминь.*

Молитва святителя Амвросия Медиоланского

*Господи Боже мой!
Удостой меня быть орудием мира Твоего.
Чтобы я вносил любовь туда, где ненависть.
Чтобы я прощал, где обижают.
Чтобы я соединял, где есть ссора.
Чтобы я говорил правду, где господствует заблуждение.
Чтобы я воздвигал веру, где давит сомнение.
Чтобы я возбуждал надежду, где мучает отчаяние.*

*Чтобы я вносил свет во тьму.
Чтобы я нес радость туда, где горе живет.
Господи Боже мой, удостой!
Не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал.
Не чтобы меня понимали, но чтобы я понимал.
Не чтобы меня любили, но чтобы я других любил.
Аминь.*

Святитель Николай Сербский (Велимирович),

Епископ Охридский и Жичский, богослов, философ, организатор народного, так называемого «богомольческого» движения, почетный доктор нескольких мировых университетов.

Родился в многодетной крестьянской семье.

Получил прекрасное образование, в частности, Окончил философский факультет Оксфорда, Санкт-Петербургскую духовную академию.

Во время Первой Мировой войны окормлял солдат, до конца войны отдавал все свое жалованье раненым.

Во время своего архипастырства сделал очень много для духовного просвещения сербов. Нёс Благуя Весть

и за пределами родины: много проповедовал, читал лекции в Европе, Америке. Во время Второй Мировой войны нацисты посадили его в концлагерь Дахау. Из-за прихода к власти в Югославии коммунистов был вынужден эмигрировать в Америку. Последние его дни прошли в русском монастыре святого Тихона в штате Пенсильвания, где он и скончался. Николая Сербского называют «новым Златоустом». Действительно, творения святителя отличаются поэтичностью, образностью, красноречием. Для его творчества характерен интерес к философским вопросам

Молитвы на озере

Благослови врагов моих, Господи.

И я их благословляю и не кляню.

Враги мои меня в объятия к Тебе подталкивали более, чем друзья. Друзья привязывали меня к земле, а враги отрывали от земли и разрушали все надежды мои на землю.

Они сделали меня чужестранцем в царствах земли, ненужным обитателем земли. Как гонимый зверь находит более надежное убежище, чем негонимый, так и я, гонимый врагами, нашел самое надежное убежище, скрывшись под Твой шатер, где ни друзья, ни враги не могут погубить душу мою. Благослови врагов моих, Господи. И я их благословляю и не кляню.

Они вместо меня исповедали грехи мои перед миром.

Они бичевали меня, когда я не решался бичевать сам себя.

Они мучили меня тогда, когда я бежал от мучений.

Они поносили меня тогда, когда я сам себе льстил.

Они оплевывали меня тогда, когда я гордился собой.

Благослови врагов моих, Господи. И я их благословляю и не кляню.

Когда я строил из себя мудреца, они называли меня глупцом.

Когда я делал вид, что силен, они насмеялись надо мной, как над карликом.

Когда я хотел быть предводителем людей, они отталкивали меня на задний план.

Когда я спешил обогатиться, они меня хватали железной рукой.

Когда я собирался спокойно спать, они будили меня.

Когда я строил дом для долгой и спокойной жизни, они разрушали его и прогоняли меня прочь.

Воистину, враги оторвали меня от этого мира и направили руки мои, чтобы я попытался коснуться одежд Твоих.

Благослови врагов моих, Господи. И я их благословляю и не кляню.

Благослови их и умножь их; умножь их и еще более ожесточи их против меня — чтобы мое бегство к Тебе было необратимым;

чтобы моя надежда на людей порвалась, как паутина;

чтобы смирение полностью воцарилось в душе моей;

чтобы сердце мое стало могилой двух моих злых близнецов: гордыни и гнева;

чтобы все богатство свое собирал я на небе;

ах, чтобы когда-нибудь освободился я от самообмана, который и впутал меня в страшную сеть жизни обманчивой!

Враги научили меня тому — а это мало кто знает, — что нет у человека в мире врагов, кроме него самого.

Лишь тот ненавидит врагов, кто не знает, что враги — это не враги, а суровые друзья его.

Воистину, трудно сказать, кто сделал мне больше добра, а кто больше зла в мире этом — друзья или враги.

За это благослови, Господи, и друзей и врагов моих. Раб проклинает врагов по незнанию. А сын благословляет их по знанию.

Ибо знает сын, что враги не могут коснуться жизни его; потому он свободно ходит среди них и молится Богу за них.

Благослови врагов моих, Господи. И я их благословляю и не клянусь.

На заре, когда просыпаюсь,

первые мысли мои устремляются к Тебе; первые движения души направляют к улыбке Твоей; первое слово, которое шепчу — имя Твое, первое изумление — Ты рядом со мной.

Как младенец, после страшного сна, обнимающий мать свою и радующийся, что сон не разлучил его с матерью, так и я: пробуждаясь, обнимаю Тебя и радуюсь, что блуждания во сне меня не отдалили от Твоей руки.

Как невнимателен я по отношению к Тебе, Любовь моя! Стыд гложет меня, что я так невнимателен к Тебе. В то время как Ты ни на мгновение не оставляешь меня, я во сне оставляю Тебя на многие часы.

Оттого проклинаю сновидения и сон мой и восхищаюсь небесными силами, что не сводят взгляда с Тебя ни днем ни ночью.

Сон утомляет меня, а Ты даешь мне отдых. Нет отдыха усталому без созерцания Тебя, нет наслаждения огорченному без разговора с Тобой, нет здоровья больному без прикосновения руки Твоей, нет очищения нечистому без омовения в свете Твоем.

Спешу в храм Твой пустынными улицами, спешу и никого не встречаю на улицах пустынных. Все спят и во снах своих мучаются из-за удаленности от Тебя, а Ты сидишь на каждой постели и ждешь возвращения душ из пределов дальних.

Стыд гложет меня, Любовь моя: как невнимательны души людские по отношению к Тебе, и как надолго отрываются они от Жизни своей.

И звери лесные проснулись на заре; и Ты стоишь рядом с ними и пасешь их. О пище думают звери лесные; о пище думают они рано утром, как и я. Да, я тоже думаю по утрам о пище для себя и знаю, что только Тобою голод мой утолиться может.

Пустынными улицами спешу, Слава моя, чтобы удостоиться славы Твоей. И слышу муэдзина, кричащего на башне, и слышу колокол, зовущий в церковь. И поднимаюсь в мыслях своих, и осматриваю все края земные, чтобы увидеть, сколько сыновей земли рассталось с безумными блужданиями своими во снах и встретилось с Тем, Который Есть и Который далеко от безумства сна.

Встали святые постники по пещерам и келиям и давно уже разговаривают с Тобой. Встали те, чья душа никогда и не ложится, но, как свеча, исправно горит пред Тобою день и ночь.

Благослови, Господи, всех постников и молитвенников, которые жизнью своею, точно ладаном, оказывают землю сонную.

Тысячи и тысячи душ расстанутся с телом на заре. И когда выглянет солнце, будет гореть оно как заупокойная свеча над тысячами мертвых.

И вижу Тебя, Любовь моя, как Ты бдишь над многими тысячами умирающих и

ждешь, что призовут имя Твое. И смотри, некоторые из них раскаиваются за весь сон жизни и вопиют к Тебе о помощи.

Благослови, Господи, всех кающихся при смерти и отзовись на вопль их.

Пустынными улицами я спешу, Слава моя, и вхожу в храм, чтобы петь и величать славу Твою. И стою один в храме, переполненном Тобою и Ангелами Твоими. И падаю на колени, и молюсь Тебе со слезами.

Пробуди к Себе все сонные души, Господи Небодержный, — все спящие души братьев моих и народа моего!

Утучнились и ослабели души грешников и опустились уже близко к аду. Любовь вечна бодрствующая, разбуди их до того, как смерть толкнет их еще на шаг глубже в сон, в вечный сон — сон страшный, над которым Ты не бдишь.

В полдень

собираются на озере дети и купаются в солнце и воде.

Господи, как восхищается вся природа невинностью!

Озеро и солнце — напряженные и измученные батраки в присутствии грешников — совершенно преображаются в присутствии детей. Подобным ведическому храму Господню становится озеро, когда в него входят дети, и подобным взволнованному первосвященнику солнце, когда лучи его перекрещиваются с лучами детских душ.

– Пустите детей приходить ко мне, — шепчет вся природа, — и вы поймете, что я тоже дитя. Для разбойников и я притворюсь разбойником, а для детей и я дитя. Бездушным и я кажусь бездушной, а для святителей я — алтарь. Кто ищет зверя во мне, тому покажу зверя; кто ищет Бога во мне, тому явлю Его. Грешники называют меня бойней, праведные жертвенником. Только невинности открываюсь я как невинность, и детям Божиим — как дитя Божие.

– Пустите детей приходить ко Мне, — обращается громко Сын Девы; и только дети приходят к Нему. Перед огнем ада отвечать

будут те, кто возбраняет детям приходить к Сыну Божию. Ибо и сами не приходят, и другим не дают прийти.

– Почему детей, Господи, почему детей ждешь Ты? — спрашивают сотворенные и нерожденные Рожденного и Несотворенного. Как статуи каменные, — таковы сотворенные и нерожденные, и движут ими ветры мирские. А Рожденный и Несотворенный движим жизнью изнутри, и ветры мирские бегут от Него.

– Оттого жду детей, что и Сам Я — дитя. Обманщики видят во Мне обманщика, безбожники — безбожника, власть держащие — похитителя власти. Фарисеи спрашивают: кто есть сей? — и не могут догадаться, а мудрецы мира сего уловляют Меня на свою земную мудрость.

Только дети знают Меня, потому что и Я — дитя. Как дитя, Я Сам Себе не принадлежу, и, как дитя, не ищу славы для Себя. Как дитя, не думаю ничего от Себя и не говорю ничего от Себя, и не делаю ничего от Себя. Но, как дитя, Я думаю то, чему учит Меня Отец Мой, и говорю то, что слышу, и делаю то, что вижу.

Дети перестают быть детьми, а Я никогда не перестаю. Дети перестают быть детьми из-за плохих вождей своих, которые запрещают им постоянно быть со Мной и научают их старческой мудрости мира. А Я не перестаю быть ребенком, ибо питаюсь вечно молодой мудростью неба.

Благо тем, кто в старости избавляется от плохих вождей своих и от той мудрости, которая делает их старыми, больными и мертвыми. Кто обратится ко Мне, даже если он и постарел от мира, сделаю его ребенком; и как вечное дитя будет он царствовать во царствии Моем; в которое старики мира не имеют доступа. Говорю вам: царствие Мое — это царство детей. Воистину, сотворенные не увидят света царствия Божия, но только рожденные. Что Мое, что как Я — то пребудет со Мной.

Разрушатся каменные статуи, движимые ветрами мирскими, и прах их станет игрушкой ветров. А дети, движимые жизнью изну-

три, войдут в жизнь вечную.

Господи лучезарный и Вечное Дитя в объятиях Святой Триады, помоги мне Своею невинностью — величайшей силой всех миров — родиться от Духа Святого.

Чтобы мне, подобно каменной статуе, созданной миром сим, не быть разрушенным и по ветру развеянным.

Но чтобы, как рожденному младенцу, быть неразлучным с Тобою в вечности, о Князь невинности и всех невинных.

Вечером

заблестит звездная пыль над головою моею, и я чувствую пропасть, над которой повисла жизнь моя. И с трепетом душевным протягиваю руки к Тебе и вопию: Господи, окружил меня страшный мир со всех сторон, будто песчаная пустыня маленький оазис.

Не устоять мне, если Ты не поддержишь меня силою Твоею. Песок покроеет зеленый луг мой, задушит источник на лугу, и поверх пальм будут подниматься песчаные горки. Под песком превратится в прах сердце, которое Тебя любило, и прах будет приставать к копытам верблюдов. И забьет песок уста, знавшие только одну песню — воспевавшую Тебя Всемогущего. И из миллиона лет жизни будет стерт один день жизни, как будто его никогда и не было. И тяжелая колесница Вселенной будет греметь дальше, не жалея, что превратила тот день жизни в одну песчинку.

Но Ты сильнее мира, Господи Боже мой, и одолжишь слуге Своему херувимский меч пламенный, которым я буду отражать нападения мира на жизнь мою.

Не спастись мне, даже если буду по силе таким же, как мир, а тем паче если буду слабее мира. Равный миру не одолеет мир, и мир его не боится; а того, кто слабее, мир с малолетства учит готовить себе могилу. Я же тогда только спасусь, если буду сильнее мира и смогу победить мир.

Самообман рисует мне мир как страшную силу. Когда умирает во мне самообман и восходит истина, я вижу и знаю, что одна капля Твоего жизненного огня сильнее Все-

ленной праха. И у всей Вселенной не хватит сил напитать даже одну травинку, если от Тебя не примет.

Тот, Кто рожден от Истины и послан Истиной, легко побеждает мир. Уходит мир от Него, как тень от солнца.

Страх перед миром денно и ночью держит тех, кто удалился от Истины. Созданные миром сделались куклами мира, с которыми мир забавляется, как со своими игрушками. Дети Истины рождены от Истины и не боятся мертвосозданных.

Помоги мне, Боже мой, победить мир во мне, и я легко смогу победить мир вне меня.

Я не возгоржусь победой над миром, ибо Твоя это победа, а не моя.

Я захочу, чтобы Ты возростал, а я буду умиляться и, как дитя, держаться буду за край одежд Твоих.

Я впускаю Твое Слово, чтобы вселилось в тело мое, и выгоню из себя все бессильные слова, которым научился от мира. Твое Слово — невинность, и мудрость, и сила. Оно уничтожит во мне тварь и поможет рождению моему.

Тело, в которое вселилось Слово Божие, — это уже не тело, сотворенное миром, а тело, от Духа Святого зачатое и начатое. Порабощенная миром душа соткала мне и тело рабское. Потому в страхе перед миром дрожат и душа моя, и тело мое.

Освети душу мою, Светосущный Боже мой, и она осмелеет и освободится от мира. И станет душой сыновней, которая сумеет соткать и тело сыновье, храм Сына Божия.

Когда заблестит звездная пыль над головою моею, я призываю на помощь Тебя, Пресвятой Боже мой, и не боюсь всех миров, как не боится сын слуг в доме отца своего.

Испортились люди

и говорят: что дает нам Господь? Господь дает жизнь всякому телу; Господь дает обличье всякой твари. Как дитя, милостив Господь, и самолюбие неведомо Ему, как неведома тьма.

Господь дает каждому то, чего просят у Него. Вечность Свою наполняет Господь

воздаяниями, а вы говорите: что дает нам Господь? И вы не могли бы задать этот вопрос, не дай вам Господь силы на то.

Господь собирает слезы скорбящих в руки Свои. Господь посещает узников. Господь сидит на постелях больных.

Господь бдит на опасных дорогах и охраняет над пучинами морскими, а вы говорите: что делает для нас Господь?

Что просите вы у Господа, то Он вам и дает. Но поскольку вы начали хотеть больше от мира, чем от Господа, то теперь чувствуете себя обманутыми в надеждах своих, и говорите: что делает для нас Господь?

Как добрый хозяин, приготовил Господь трапезу и ждет гостей. Чуток Господь к стуку и готов тотчас же отворить дверь каждому гостю. На трапезе Его изобильно яств невиданных, за столом Его премного мест. Кто найдет Его дверь и постучится, того не отправят назад, а вы говорите: почему Господь не отворил нам, когда мы стучались? Да потому что сомнением стучались вы в дверь Господню, а верой – в дверь мира.

У двери души вашей стоит Господь с метлой, и Он готов, если позовете Его, очистить душу вашу от множества нечистот, и кадильницами благовонными ее, очищенную, окадить, и девичьими украшениями украсить ее, – стоит Господь и ждет, когда вы позовете.

И у входа в сердце ваше стоит Господь со свечою большой, которая горит без дыма и копоти, – стоит Господь и ждет, когда вы позовете, чтобы внес Он свечу в сердце ваше и осветил его, и попалил в сердце вашем весь

страх, и все страсти, и все мерзкие желания, и изгнал из него весь дым и дурной запах.

И у порога ума вашего стоит Господь с мудростью Своей и глаголом Своим, готовый на зов ваш войти внутрь и разогнать все безумные мысли, все грязные впечатления, все неверные понятия, и убрать из ума вашего все неустойчивые образы, – стоит Господь и ждет, чтобы внести Свой разум и Свои печати, и Свои слова.

А вы говорите: где Господь? У порога жизни вашей. Потому и жизнь ваша искривленная. Будь Господь посреди, где Он был от начала, и где надлежащее место Ему, то и жизнь ваша была бы прямой, и вы бы созерцали Господа и не спрашивали: где Господь?

Испортились вы, потому и спрашиваете: где Господь?

Предобр Господь, потому Его плохие не знают.

Пресветел Господь, потому Его пыльные не видят.

Пресвят Господь, потому Его несвятые не чувствуют.

Если недостаточно людей, имя Господне исповедующих, Господь явит себя через тварей.

Если же и звезды небесные забудут имя Господне, его не забудут бесчисленные сонмы Ангелов Небесных.

Чем слабее исповедание имени Господнего в одном царстве, тем сильнее оно в другом. Невозможно звучание имени Божиего ни уменьшить, ни увеличить. Если высыхает один ручей, другой прибывает, так что море держится на одном уровне.

Иван Александрович Ильин,

русский философ и правовед, общественный деятель, идеолог Белого движения, видный представитель политического консерватизма. Выслан из России на «пароходе философов». Жил в Германии, под угрозой нацистских репрессий переехал в Швейцарию. В философии был близок Гегелю. Критиковал современную культуру за «расколотость», видел идеал человека в соединении ума, сердца, разума и чувства, в «сердечном созерцании», «совестной воле», «верующей мысли». Известен своей трактовкой сопротивления злу силой. Представляет собой уникальное явление не только в русской, но и мировой общественной мысли. Он принадлежит к плеяде выдающихся русских философов XIX—XX веков, для

которых коренным вопросом был вопрос религиозный. Для них главное — не построить «систему», а осмыслить место человека в мире, сотворенном и спасенном Господом Иисусом Христом. Скончался в 1954-м году.

Поющее сердце

Есть только одно истинное «счастье» на земле – пение человеческого сердца. Если оно поёт, то у человека есть почти всё; почти, потому что ему остаётся ещё позаботиться о том, чтобы сердце его не разочаровалось в любимом предмете и не замолкло.

Сердце поёт, когда оно любит; оно поёт от любви, которая струится живым потоком из некой таинственной глубины и не иссякает; не иссякает и тогда, когда приходят страдания и муки, когда человека постигает несчастье, или когда близится смерть, или когда злое начало в мире празднует победу за победой, и кажется, что сила добра иссякла и что добру суждена гибель. И если сердце всё-таки поёт, тогда человек владеет истинным «счастьем», которое, строго говоря, заслуживает иного, лучшего наименования. Тогда всё остальное в жизни является не столь существенным: тогда солнце не заходит, тогда Божий луч не покидает душу, тогда Царство Божие вступает в земную жизнь, а земная жизнь оказывается освящённой и преображённой. А это означает, что началась новая жизнь и что человек приобщился новому бытию.

Мы все испытали слабый отблеск этого счастья, когда были цельно и нежно влюблены. Но то был в самом деле не более как отсвет его, или слабое предчувствие; а у многих и того менее: лишь отдалённый намёк на предчувствие великой возможности... Конечно, цельно и нежно влюблённое сердце, как это было у Данте, у Петрарки или у Пушкина, чувствует себя захваченным, преисполненным и как бы текущим через край; оно начинает петь, и когда ему это удаётся, то песнь его несёт людям свет и счастье. Но это удаётся только одарённому меньшинству, способному искренно петь из чистого сердца. Обычная земная влюблённость делает сердце страдающим и даже больным, тяжёлым и мутным, часто лишает его чистоты, лёгкости и вдохновения. Душа, страстно взволнованная и опьянённая, не поёт, а беспомощно вздыхает или стонет; она становится алчной и исключительно, требовательной и слепою, завистливою и ревнивою. А поющее сердце, напротив, бывает – благостно и щедро, радостно и прощающе, легко, прозрачно и вдохновенно. Земная влюблённость связывает и прикрепляет, она заго-

няет сердце в ущелье личных переживаний и настраивает его эгоистически; а настоящая любовь, напротив, освобождает сердце и уводит его в великие объёмы Божьего мира. Земная влюблённость угасает и прекращается в чувственном удовлетворении, здесь она разряжается и разочаровывается, опьянённость проходит, душа отрезвляется, иллюзии рассеиваются, и сердце смолкает, не пропев ни единого гимна. Часто, слишком часто, влюблённое сердце вздыхает бесплодно, вздыхает и бьётся, жаждет и стонет, льёт слёзы и издаёт вопли – и не понимает своей судьбы, не понимает, что его счастье обманно, преходяще и скудно, что оно не более чем отблеск настоящего блаженства. И сердце теряет и этот отблеск, не научившись ни пению, ни созерцанию, не испытав ни радости, ни любви, не начав своего просветления и не благословив Божьего мира.

Сердце поёт не от влюблённости, а от любви; и пение его льётся подобно бесконечной мелодии, с вечно живым ритмом, в вечно новых гармониях и модуляциях. Сердце приобретает эту способность только тогда, когда оно открывает себе доступ к божественным содержаниям жизни и приводит свою глубину в живую связь с этими не разочаровывающими драгоценностями неба и земли.

Тогда начинается настоящее пение; оно не исчерпывается и не иссякает, потому что течёт из вечно обновляющейся радости. Сердце зрит во всём Божественное, радуется и ноет; и светит из той глубины, где человечески-личное срастается со сверхчеловечески-божественным до неразличимости: ибо Божии лучи пронизывают человека, а человек становится Божиим светильником. Тогда сердце вдыхает любовь из Божиих пространств и само дарит любовь каждому существу, каждой пылинке бытия и даже злому человеку. Тогда в нём струится и пульсирует священная кровь Бытия. Тогда в нём дышит дуновение Божиих уст...

Где-то там, в самой интимной глубине человеческого сердца, дремлет некое духовное око, призванное к созерцанию божественных содержаний земли и неба. Это таинственное око со всей его восприимчивостью и зрячею силою надо будить в человеке в самом раннем, нежном детстве, чтобы оно проснулось от своего первоначального сна, чтобы оно открылось и воззрилось в богозданные пространства бытия со священной и ненасытной жаждою созерцания. Это око, раз пробудившееся и раскрывшееся, подобно обнажённому чувствилищу, которое останется всю жизнь доступным для всего, что таит в себе Божий огонь; оно воспринимает каждую искру живого совершенства, радуется ей, любит её, вступает с ней в живую связь и зовёт человека отдать его личные силы на служение Божьему делу.

Древние греки верили, что у богов есть некий священный напиток, «нектар», и некое божественное кушанье, «амброзия». И вот, в мире есть действительно такое духовное питание, но предназначено оно не для олимпийских богов, а для самих людей... И кто из людей питается им, у того сердце начинает петь.

Тогда сердце поёт при созерцании природы, ибо в ней всё светится и сверкает от этих «искр живого совершенства», как небо в августовскую ночь. Тогда сердце поёт и от соприкосновения с людьми, ибо в каждом из них живёт Божья искра, разгораясь и поборая, призывая, светя, духовно оформляя душу и перекликаясь с другими искрами. Сердце поёт, воспринимая зрелые создания и героические деяния человеческого духа – в искусстве, в познании, в добродетели, в политике, в праве, в труде и в молитве, – ибо каждое такое создание и каждое деяние есть живое осуществление человеком Божией воли и Божьего закона. Но прекраснее всего то пение, которое льётся из человеческого сердца навстречу Господу, Его благодати, Его мудрости и Его великолепию. И это пение, полное предчувствия, блаженного созерцания и безмолвного,

благодатного трепета, есть начало нового бытия и проявления новой жизни...

Однажды в детстве я увидел, как в солнечном луче играли и блаженствовали земные пылинки – порхали и кружились, исчезали и вновь выплывали, темнели в тени и вновь загорались на солнце; и я понял, что солнце умеет беречь, украшать и радовать каждую пылинку, и моё сердце запело от радости...

В тёплый летний день я лёг однажды в траву и увидел скрытый от обычного глаза мир прекрасных индивидуальностей, чудесный мир света и тени, живого общения и радостного роста; и моё сердце запело, дивуясь и восторгаясь...

Часами я мог сидеть в Крыму у берега таинственного, грозного и прекрасного Чёрного моря и внимать лепету его волн, шороху его камушков, зову его чаек и внезапно водворяющейся тишине... И трепетно благодарил я Бога поющим сердцем...

Однажды мне довелось созерцать любовный танец белого павлина; я стоял и дивился на его тончайший кружевной веер, грациозно раскинутый и напряжённо трепещущий, на это сочетание горделивого изящества и любовного преклонения, на играющую серьёзность его лёгких и энергичных движений; я увидел чистоту, красоту и безгрешность природной любви, – и сердце моё раскрылось в радости и благодарности...

На восходе солнца, в нежном сиянии и глубокой полусонной тишине вошёл наш корабль в Коринфский канал. В розовом свете спали далёкие цепи гор; крутые берега канала высились, как суровая стража; благоговейно молчали и люди и птицы, ожидая и надеясь... И вдруг берега впереди расступились, и зелёно-млечные адриатические воды, нёсшие нас, хлынули в тёмно-синие недра Эгейского моря – и солнце и вода встретили нас ликованием света. Могу ли я забыть это счастье, когда сердце моё всегда отвечает на него ликующим пением?..

У каждого из нас сердце раскрывается и поёт при виде доверчивой, ласковой и беспомощной улыбки ребёнка. И может ли быть иначе?

Каждый из нас чувствует навёртывающуюся слезу в оке своего сердца, когда видит настоящую человеческую доброту или слышит робкое и нежное пение чужой любви.

Каждый из нас приобщается высшему, сверхземному счастью, когда повинуется голосу своей совести и предаётся её потоку, ибо этот поток уже поёт ликующую мелодию состоявшегося преодоления и потустороннего мира.

Сердце наше поёт, когда мы предаём погребению героя, служившего на земле Божьему делу.

Сердце наше поёт, когда мы созерцаем в живописи подлинную святину, когда мы сквозь мелодию земной музыки воспринимаем духовный свет и слышим голоса поющих и пророчествующих ангелов.

Сердце наше поёт при виде тайн, чудес и красот Божьего мира, когда мы созерцаем звёздное небо и воспринимаем вселенную как гармоническую совокупность; когда человеческая история являет нам сокровенную тайну Провидения и мы зрим шествие Господа через века испытаний, труда, страданий и вдохновения, когда мы присутствуем при победе великого и правого дела...

Сердце наше всегда поёт во время цельной и вдохновенной молитвы...

А если нам сверх того даётся возможность в меру любви участвовать в событиях мира и воздействовать на них, то счастье нашей жизни может стать полным. Ибо поистине мы можем быть уверены, что в развитии этого мира ничто не проходит бесследно, ничто не теряется и не исчезает: ни одно слово, ни одна улыбка, ни один вздох... Кто хоть раз доставил другому радость сердца, тот улучшил тем самым весь мир; а кто умеет любить и радовать людей, тот становится художником жизни. Каждый божественный миг жизни, каждый звук поющего сердца

влияет на мировую историю больше, чем те «великие» события хозяйства и политики, которые совершаются в плоском и жестоком плане земного существования и назначение которых нередко состоит в том, чтобы люди поняли их пошлость и обречённость...

Нам надо увидеть, и признать, и убедиться в том, что именно *божественные мгновения жизни составляют истинную*

субстанцию мира; и что человек с поющим сердцем есть остров Божий – Его маяк, Его посредник.

Итак, на земле есть только одно истинное счастье, и это счастье есть блаженство любящего и поющего сердца: ибо оно уже прижизненно вращается в духовную субстанцию мира и участвует в Царстве Божиим.

Праведники наших дней

Протоиерей
Николай Германский

Не живет село без праведника

История Земли – это не что иное, как непрерывная и беспощадная война: война человека с человеком, с самим собой, и, наконец, с Богом, которая по сути своей является первопричиной всех войн.

Земля, изначально предназначенная для радости и любви, истекает кровью, потому что жадность, ненависть и властолюбие овладели ею и выветрили дух христианства из целых народов, которые некогда знали и любили Христа.

Но пока на ней остается то место, которое зовется Россией, мир будет стоять. Ведь неспроста, проходя через невероятные падения, она вновь вставала и продолжала свой путь в истории, словно предчувствуя свою великую миссию в судьбах мира. Так почему же Господь до сих пор миловал Россию? Не потому ли, что идеал святости во все века был да и ныне остается дорогим сердцу русского человека.

Любит Господь Россию. Но не потому ли, что и она любит Его.

Не оттого ли болен современный мир, что или не хочет, или не может познать эту любовь, которая «многие грехи покрывает»? И как теперь этому миру, потерявшему духовное чутье, услышать голос собственного сердца?

Народная мудрость гласит: «Не живет

село без праведника». Вот и на земле Святого Белогорья в селе Ракитное жил и молился дивный старец, который любо-

вью своей примирял беспокойные сердца, врачевал изболевшиеся души и примером своей праведной жизни укреплял веру тех, кто приходил к нему за утешением. Все, кто знал его или хотя бы на короткий миг увидал его светлый лик, будь то простецы или люди высокого положения, вспо-

минают и свидетельствуют единодушно о его необыкновенной любви. Для всех, по слову апостола, он был всем. Но ведь разве не подобная любовь и является венцом святой жизни?! Непроста давным-давно преподобный Иоанн Римлянин сказал, что «чудеса перестанут быть, а любовь останется навеки».

С самого детства отец Серафим возлюбил тишину Божьего мира. Однажды отец взял его на богослужение, и когда он увидел икону преподобного Серафима, то произнес, может быть, пророческие слова: «Хочу быть таким же, как этот святой». Если бы в этот момент он увидел свою будущую жизнь, преисполненную холода, голода, человеческой низости, страшных, едва выносимых страданий, то, наверное, не поверил бы, что это на самом деле его жизнь.

Послушаем, дорогие друзья, что пишет он своим духовным чадам из ссылки.

«Дорогая дочь моя, незабвенная Мавро! Душа моя скорбит смертельно. Вспоминая Гефсиманский подвиг Христа Спасителя, нахожу утешение своей скорбящей душе. Скорблю, скорблю тяжело, скорбя о себе, скорблю о пастве своей, скорблю о чадах своих духовных, скорблю о любящих, помнящих обо мне и ожидающих моего возвращения ныне. Но свершилось то, о чем я молил Господа: да мимо идет от меня чаша сия (Мф. 26, 39).

Вот мое скорбное повествование. В феврале месяце я выбыл из Канска в Балхаш. Писать тебе, дочь моя верная, я не имел возможности. В Великий Четверток окончился мой страдальческий подвиг.

Я горел желанием возвращения в родные места, желанием видеть родных, дорогих и близких, но, увы, получил назначение в Красноярский край. После долгого и утомительного пути достиг я тихого пристанища и далеких берегов Енисея. Здесь я должен трудиться и от трудов своих себя питать и одевать. Да будет, Господи, воля Твоя! Верю, что Господь везде и всегда со мною, служителем Его. Верю, что Он не оставит меня...

Усерднейше прошу у вас молитв святых и прощения. Всегда Ваш, всегдашний молитвенник ваш, ваш скорбящий пастырь отец

Димитрий. Господь Милосердный и Его Пречистая Матерь со святыми да хранят нас!»

Не правда ли, что эти слова звучат, словно апостольское послание?

В другом письме первым лицам государства он, словно ребенок, вовсе не вымаливает себе снисхождение, но пытается получить ответ на, казалось бы, очень простой, вопрос: за что его, человека, любящего Бога и Отечество, воспитавшего чудесных и преданных Родине детей, сослали в лагерь?

И здесь же слышится ясный голос исповедника, где он открыто и твердо называет себя священником Русской Православной Церкви и абсолютно бесстрашно выражает свою готовность после освобождения вновь служить Отечеству, молясь за него.

А вот одна из проповедей, которая исходит их глубокого сердца уже умудренного жизнью старца, снискавшего почитание тысяч соотечественников, которых он сумел обогреть своей неземной любовью.

«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). Так звал к Себе во время Своей земной жизни Божественный Учитель, Господь наш Иисус Христос... Так зовет и нас с вами, дорогие братие и сестры, Христос, обещая

дать покой душам нашим. Покой души — какое это счастье для человека. Что может быть в жизни нашей дорожке этого покоя?! Можно иметь полное жизненное довольство, можно иметь в пользовании все удобства жизни, все блага мира сего, можно считать себя счастливым в семейной и общественной жизни, но если на душе не будет покоя, то, увы, счастье наше будет далеко не совершенным. Можно ли назвать истинным счастьем то, что временно и скоропреходяще? Сегодня мы в славе и почете, а завтра можем быть в презрении и поношении. Сегодня кричим «осанна»,

а завтра — «распни», сегодня мы в силе и здравии, завтра — в немощах и болезнях, сегодня мы живем, а завтра пелена смерти может затянуть наши глаза, и гроб станет нашим последним достоянием здесь, на земле. Так призрачно, так суетно то, что в мирском понимании принято называть счастьем... Ища покоя для души, и мы, уже измученные, исстрадавшиеся и усталые на жизненном пути, пойдем ко Христу. Он согреет нас Своей любовью. Он утешит нас. Он простит все вины наши пред Ним, Он забудет все оскорбления, какие так часто мы наносим Ему, Он вернет нам Свое благоволение, и в лоне бесконечной любви мы обрещем покой душам нашим».

Поистине это слова праведника, сказавшего с точностью до дня свою мирную кончину и показавшего своей благочестивой жизнью всем нам, каким должен быть настоящий христианин. И как хотелось бы, чтобы весь мир услышал эту простую историю и загорелся той неземной любовью, которой горел и жил отец Серафим, ибо только она способна погасить пламя человеческих страстей и победить рознь мира сего.

Александр Богатырев,
член Союза кинематографистов РФ,
писатель, режиссер

Здесь служил отец Серафим (Тяпочкин)

Позапрошлым летом я возвращался из Краснодара в Петербург. Мой друг Виктор М. предложил заехать к нему в гости в Тулу, а заодно посетить Оптину пустынь. Я с радостью согласился. Спешить было некуда, и мы отправились по намеченному маршруту на его новом джипе. Миновали Ростов. И тут жена моего друга завела разговор о том, что давно не была у матери и не худо бы было сделать небольшой крюк и заехать к ней в Ракитное. Друг мой стал решительно возражать: крюк был немалый – верст 300–400. Стали спорить. Достали карту. Начали отсчитывать километры. У жены оказалось 200, у мужа – под 500. Видно было, что перспектива оказаться в объятиях тещи не очень его радовала:

– Ну, ты, Зоя, даешь... Почему у тебя в два раза меньше, чем у меня, получилось?

– А почему у тебя в два раза больше?

Виктор задумался, подготавливая сокрушительный аргумент, но тут я вмешался в супружескую перепалку:

– Простите, а о каком Ракитном идет речь? Уж не о том ли, где служил отец Серафим (Тяпочкин)?

– То самое, – кивнула Зоя. – А ты о нем откуда знаешь?

Трудно не знать. Особенно после того, как ему приписали участие в истории в «Зоином стоянии»: будто бы отец Серафим

был тем самым священником, которому удалось взять из рук окаменевшей девушки икону Николая Угодника. Поговорили с Зоей о Зое, а потом я рассказал о том, как 30 лет назад мои московские друзья подарили мне фотографию отца Серафима. С тех пор она стоит на книжной полке над моим пись-

менным столом, и я постоянно ощущаю на себе его взгляд. Это удивительный взгляд. В нем поразительно сочетаются любовь и строгость. Посмотрев в глаза отца Серафима, понимаешь, что он знает, что происходит в твоей душе. Он словно говорит: «Мне известны все твои грехи и беды. Не отчаивайся, я помогу тебе».

Кто бы ни приходил ко мне, все сразу же обращали внимание на фотографию отца Серафима и спрашивали: «Кто этот человек?» Один мой знакомый шутник очень серьезно сказал: «Это чемпион мира по человеческому лицу. В нем страдание, сострадание, любовь и мудрость».

Друзья, сделавшие мне этот бесценный подарок, стали известными людьми. У тех, кто бывал в их доме и рассказывал об отце Серафиме, тоже удивительная судьба. Отец Зинов – замечательный иконописец, иеродиакон Димитрий теперь архиепископ, ныне покойный Геннадий Снегирев – один из лучших детских писателей.

К сожалению, я не помню всех рассказов об отце Серафиме. Запомнил лишь некоторые. Самый интересный я услышал от жены Снегирева – Татьяны.

Отец Серафим после заключения и ссылки был направлен в один из самых глухих приходов Белгородчины. Храм был в страшном состоянии, но батюшка сразу же приступил к службе. Первое время на литургии не было ни одного человека. Но он не только не сокращал службы, но еще и проповеди говорил после литургии. Об этом рассказал односельчанам случайно забредший в храм человек. Земляки решили посмотреть на чудака священника. А посмотрев, многие уже не покидали храма и образовали дружный приход. Вскоре в Ракитное потянулись духовные чада батюшки из Днепропетровской епархии, где он служил до ареста и недолгое время после возвращения из лагеря и ссылки. А через несколько лет весь русский православный мир знал об этом благодатном старце. К нему приезжали и из столицы, и с Камчатки, Кавказа и Средней Азии... Отца Серафима не раз навещал архимандрит Кирилл (Павлов),

многие архиереи.

У меня был шанс увидеть его. Я мог попроситься к друзьям, отправлявшимся к батюшке. Но что-то помешало. Даже не помню что. Была возможность приехать на его похороны. Но я не решился, поскольку не собрался навестить его при жизни.

И все же меня почему-то не покидает чувство, что я видел его и говорил с ним. Каждое утро я встречаюсь с ним взглядом, здороваюсь и прошу благословить на день грядущий. Теперь он смотрит на меня не один. Рядом с ним фотографии моего покойного духовного отца Василия Ермакова и схииерхимандрита Илия. Ему должно быть хорошо в этой компании.

Я замолчал и прильнул к окну. Мы обгоняли колонну комбайнов. На них были не наши номера и полумесяц на красном фоне.

– Это турки, – пояснил Виктор. – Едут с юга на север и убирают пшеницу. Мы их уже видели, когда ехали в Краснодар. Бригадир у них из бывших наших. Месхитинец. Комбайны американские. Убирают без потерь. И пьяниц нет. Так что турок предпочитают нашим.

Слушать такое было больно. Я повернулся к Виктору:

– Давай заедем в Ракитное и помолимся отцу Серафиму, чтобы русские крестьяне опомнились и стали работать так, чтобы никому не приходило в голову нанимать турок.

– И чтобы технику свою мы выпускали не хуже американской, чтобы начальники обратили внимание на свой народ и помогли возродить сельское хозяйство и чтобы деловые люди устроили хотя бы одну такую же подвижную бригаду из наших мужиков, – добавил Виктор.

Пока он говорил, о чем будет просить отца Серафима, Зоя уже звонила в Ракитное и радостно сообщала сестре, что мы вечером будем у них.

Мы свернули с трассы Москва–Ростов и поехали в направлении Белгорода. Дорога сразу же дала понять, что расслабляться за рулем не стоит. Я ожидал, что чем дальше мы

удалимся от центральной трассы, тем дорога станет хуже. Но все вышло наоборот. Через два часа тряски по колдобинам мы покатали по ровному асфальту.

– Можно не смотреть на указатели, – сказал Виктор. – Сразу понятно, что мы в Белгородской области. Здесь не только дороги. Здесь все устроено по-хозяйски.

И действительно. Вскоре я смог убедиться, что асфальтовые дороги проложены к каждой деревне, и к каждому дому проведен магистральный газ. Все стволы деревьев вдоль дороги были побелены. Повсюду – и в самом Белгороде, и в небольших поселках – удивительная чистота. После Сочи, объявленного южной столицей, где чуть ли не под каждой пальмой набросаны горы мусора, меня особенно потрясли дорожные знаки: «До ближайшей помойки 200 метров». Мусорные баки там не только стоят у дороги, но из них еще и регулярно изымают содержимое.

Я представлял себе Ракитное совершенно иначе. Думал, увижу беленые хатки посреди степи, а оказалось, что там не только каменные добротные дома с садами и беседками, увитыми виноградом, но еще и сохранившийся дом князей Юсуповых, несколько красивых двухэтажных купеческих домов XIX века и в живописной ложбине между двумя холмами пруд с тремя фонтанами. Много современных зданий приличной архитектуры. Особенно выделяются дворец молодежи и спортивный комплекс с бассейном. Далеко не во всяком городе у молодежи есть такие возможности для досуга и занятий спортом. На въезде в поселок стоит огромный ажурный кованный крест. Никольский храм, в котором служил с 1961 по 1982 год отец Серафим, отреставрирован. Двор засажен цветами. Батюшкина могила – рядом с алтарной апсидой – вся в цветах. На могиле крест с домовиной. Прихожане и паломники первым делом прикладываются к нему, а потом уже идут в храм. Рядом с могилой на стене мемориальная доска в виде широкого креста из черного мрамора. А на ней батюшкин лик. Кажется, что он выплывает из чер-

ноты мрамора, свидетельствуя о том, что мрак не в силах поглотить свет. Это перевод на мрамор той самой фотографии отца Серафима, что стоит у меня на книжной полке.

В храме новый иконостас с иконами, написанными в каноне. На стенах большие иконы Богородицы и Николая Угодника хорошего письма. К сожалению, в тот приезд мы не застали настоятеля храма отца Николая. Но зато в следующий раз общение с ним было настоящим праздником. Я снова оказался в Ракитном благодаря Виктору. Он решил перебраться сюда. Благо дело, есть и дело и делатели. В Ракитном жизнь, что называется, кипит. Поля в округе засеяны, построены перерабатывающие комплексы, работает завод, планируются новые производственные затеи. Но я не стал вникать в их суть, поскольку был очевиден принцип. Есть у всей хозяйственной жизни голова, а она разумно взаимодействует со всеми членами. Белгородской губернии повезло с губернатором. А он, уже на районном уровне, подобрал деятельных умных руководителей. И жизнь наладилась. Причем как наладилась! Я был в соседних губерниях – Орловской и Курской. Видел брошенные черноземные поля, зарастающие березами, фермы с проломленными крышами, разоренные деревни, в которых выходцев с Кавказа больше, чем коренных жителей. А здесь чистота, порядок и повсеместное созидание. Меня поразило общение со студентами. Вежливые, внимательные. За два часа лекции никакой болтовни с соседями, шушуканий, хруста поп-корна и чипсов, опробования новой косметики под руководством опытной модницы – всего того, что сейчас повсеместно происходит в столичных студенческих аудиториях.

В Белгородской области и школьники вежливы. Выступая перед ними, я видел, с каким вниманием они слушают беседы на духовные темы. Здесь давно преподаются основы православной культуры, и результаты не замедлили проявиться. В области резко сократилось количество преступлений. Особенно в молодежной среде. Это я знал со времен первой поездки на Белгородчину.

В Ракитном я убедился в верности первых впечатлений. Здесь гораздо лучше, чем в других российских весях, но все же немало и проблем. Безбожное прошлое дает о себе знать. Мне рассказали о том, как во время переключки перед уроком основ православной культуры на вопрос учителя «кого нет?» один ученик – из главных заводил в классе – ответил: «Бога». Я видел этого молодого человека через полгода в храме. Он стоял на молебне по случаю открытия очередных Серафимовских чтений и молился вместе со всеми. А потом подошел к могиле отца Серафима и очень внимательно слушал отца Николая. Надеюсь, что больше он так шутить не будет.

Серафимовские чтения устроил отец Николай. С благословения белгородского владыки Иоанна они проводятся ежегодно. Во второе посещение Ракитного я получил приглашение принять в них участие.

Отец Николай подарил изданную им книгу об отце Серафиме (Тяпочкине). В ней собраны воспоминания его духовных чад. Собрав воедино некоторые свидетельства, можно составить целостную картину жизни отца Серафима.

До принятия монашества его звали Дмитрием. Он родился в семье царского полковника, а глаза ему закрыл полковник советский – герой Советского Союза Митрофан Дмитриевич Гребенкин. Но это был не лагерный начальник, а верное духовное чадо. Он сидел у изголовья своего умирающего духовного отца, два месяца не отходя от него ни на шаг. «Неусыпаемый ты мой», – называл его ласково отец Серафим.

Жизнь отца Серафима, ставшего священником при большевиках, объявивших войну Церкви, похожа на жизнь тысяч священнослужителей: сталинские гонения, смерть жены, детей, арест, долгий срок заключения в ГУЛАГе, мытарства по выходе на свободу, потом хрущевские гонения. И все же это особенная жизнь.

Еще в детстве на богослужении в духовном училище, куда взял его с собой отец, маленький Дмитрий увидел икону пре-

подобного Серафима Саровского. Он долго заворожено смотрел на лик святого, а потом сказал отцу: «Хочу быть таким». Люди, знавшие отца Серафима, говорят, что у него получилось. И имя Серафим, данное ему в монашеском постриге, далеко не случайно. С первых лет священнического служения он взял на себя подвиг добровольной бедности. Он никогда не брал денег за требы. Жил с женой и детьми в маленькой хатке с земляными полами. Когда его изгнали из храма, служил в домах. Служил и говорил проповеди вдохновенно, со слезами на глазах. Этот слезный дар никогда его не покидал. Говорили, что глубокие морщины на его лице – это русла слезных рек, пролитых им за болящих и грешников. Никто никогда не слышал от него грубого слова, не видел его раздраженным. Даже провинившихся нерадивых работников он увещевал ровным голосом, без гнева. О лагерной жизни говорил мало, никогда не ругал своих истязателей. Когда закончился срок заключения, его спросили, «чем он собирается заниматься на свободе». Он, не раздумывая, ответил: «Служить Богу». – «Ну, тогда посиди еще», – сказал начальник и добавил пять лет ссылки.

Отец Серафим никогда никого не осуждал. И другим не позволял. Властям очень не нравилось, что в Ракитное съезжается множество людей. Они «надавили» на правящего архиерея. Тот приехал с инспекцией и с амвона обратился к народу: «Что вы сюда ездите? Какую вы тут святыню нашли? Святыни есть повсюду». Духовные чада были очень огорчены. И когда во время трапезы Митрофан Гребенкин хотел сказать о том, что возмущен речью архиерея, отец Серафим опередил его: «Какой у нас хороший архиерей». Выждав некоторое время Митрофан Дмитриевич снова хотел сказать об этом, но и на этот раз отец Серафим прервал его той же фразой. И так повторилось несколько раз. А вскоре архиерей, узнав батюшку поближе, подружился с ним и часто приезжал к нему. У него же он и исповедовался.

Батюшке была открыта дата его смерти. Он предупредил о ней некоторых чад. Одно-

му близкому человеку, уезжавшему домой, он сказал, что тот через неделю вернется. Так и получилось. По молитвам батюшки исцелялись бесноватые. Есть множество задокументированных случаев исцеления от онкологических и прочих тяжелых болезней.

Для людей, хорошо знавших отца Серафима, его святость очевидна. Но в комиссии по канонизации нет единодушного мнения. Некоторых ее членов смущает то, что не сохранилось следственное дело отца Серафима. Но оно и не могло сохраниться. Днепропетровские областные архивы были вывезены немцами и частично уничтожены. Но, коли нет дела, то могут оставаться сомнения: «А не отрекся ли он от Бога во время пыток? А вдруг кого оговорил?» Ведь всякое в застенках ЧК случалось. Там и маршалы рыдали, как дети.

Говорить о презумпции невиновности в данном случае не приходится. И все же и лагерная жизнь отца Серафима известна, и каждый день и час его жизни после освобождения прошел на виду. У него даже своей отдельной кельи не было. В его комнату мог в любой момент войти алтарник или неожиданно приехавшие духовные чада.

Поразительно то, что ненависть днепропетровских большевиков к отцу Серафиму была больше, чем ненависть к фашистам. Война шла уже два месяца. Немец приближался к Днепропетровску, а власти затеяли над ним суд... А ведь было чем заняться убежавшим в глубокий тыл начальникам...

Что же касается трусости или отречения от Бога, то я боюсь, что ни Петр, ни прочие апостолы при таком подходе не имели бы никаких шансов быть прославленными. Фактов того, что отец Серафим отрекался от Бога, нет, а вот отречение Петра и трусость апостолов засвидетельствованы Евангелием. Мы поминаем царя Давида и всю кротость его, но не забываем о том, как он поступил с Вирсавией и ее мужем. Но главное все же – его раскаяние. В мировой поэзии нет более высокого и прекрасного стиха о сердце сокрушенном,

содрогающемся от осознания глубины своего греховного падения, чем 50-й псалом. И мы знаем, что «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».

Да, никто не видел следственного дела отца Серафима (Тяпочкина), но тысячи людей видели его слезы. Эти слезы он каждый день проливал за свои и наши грехи.

В третий раз я приехал в Ракитное 18 сентября этого года. Приехал поздно, и меня положили в гостиной семейного дома, в котором живут пятеро детей, усыновленных нынешним настоятелем Никольского храма отцом Николаем. На следующее утро было назначено открытие «Серафимовских чтений», посвященных проблеме сохранения традиций.

Я проснулся рано и вышел из дома. Моросил мелкий дождь. Было сыро и холодно. Я хотел подойти к могилке отца Серафима, но остался на крыльце. У могилки на коленях стояла молодая девушка. Она о чем-то слезно молила батюшку Серафима, часто крестилась и отбивала земные поклоны. Чтобы не смущать ее, я вернулся в дом. Выглянув в кухонное окно через четверть часа, я увидел ее в том же положении. Дождь между тем усилился. Через некоторое время к могилке подошли трое молодых людей. Девушка встала, перекрестилась и быстро пошла к калитке, а трое молодых людей открыли зонт, достали книжку и стали молиться – очевидно, это был акафист. Вскоре появились другие люди: и пожилые, и молодые. К кресту подходили группами и поодиночке. Молодые люди чуть отошли в сторонку. Я с полчаса наблюдал за непрерывным потоком паломников, пока помощник отца Николая не позвал меня, сказав, что батюшка приглашает выпить чаю.

За воротами стояло с десятков автомобилей. На одном из них были немецкие номера. Я спросил отца Николая, всегда ли бывает столько паломников.

– Иногда бывает и больше, – улыбнулся он.

К моменту приезда архиерея храм был полон. Большая толпа стояла во дворе.

После молебна все переместились во дворец молодежи, где и проходили чтения.

Первым выступил владыка Иоанн. Я тезисно записал основную часть его доклада. Он сказал, что в основе народных традиций лежат традиции духовные, церковные. Главная черта христианина – это любовь к Богу, ближнему, отечеству и всему Божьему творению. Эта ставшая для нашего народа традицией любовь методично и постоянно попирается средствами массовой информации. Удивительное качество русской души – терпение. Эта христианская добродетель недобросовестно эксплуатируется. Но мы продолжаем терпеть. В эпоху перемен, когда разрушаются привычные устои, Церковь остается островом стабильности и надежды. В деле спасения души Церковь выработала определенные формы, от которых никоим образом нельзя отказываться. Церковные традиции помогают людям обрести истинные ориентиры, распознать, где благо, а где зло, рядящееся в красивые одежды. Православные люди – это соль земли. А соль сохраняет от тления, придает вкус. Традиции – это образ мысли и жизни. Они помогают людям устоять от соблазнов, избавиться от скверны. Это некий генетический код, имеющий христианскую основу. Без этой основы легко сбиться на кликушество, политиканство и большевизм. Нужно научиться понимать, что есть воля Божия о человеке, о стране и мире. Иначе мы не сможем выполнить возложенную на нас миссию. Без христианской любви мы ничто. Медь звенящая. Обретая опыт богообщения и любви, мы должны помнить, что нам предстоит передать его грядущим поколениям.

В последующих докладах было много интересного. По официальным данным, в Белгородской области в 1989 году православными себя называли 30 % населения. В 2010 – 64 %, а покрестили в 2009 году 14 300 младенцев из 14 536 родившихся. То есть 98%.

Руководитель по делам молодежи, рассказала о работе отдела духовно-нравственного воспитания. В области проводится

множество фестивалей. Есть и фестиваль православных молодых семей. Празднуют дни любви и верности. Устраивают различные экологические акции, конкурсы и соревнования. Возобновлена работа молодежных стройотрядов, в которые не так просто попасть: желающих потрудиться на многочисленных стройках и на сельхозработках в студенческой среде немало. Один студент сказал мне, что у них не найти лозунга «Бери от жизни все!». Мы знаем, что блаженнее давать, нежели брать.

Знает об этом и школьница Анна Будянская (в этот день были ее именины – память Иоакима и Анны). Она рассказала о своем понимании традиций. Она из потомственных крестьян и гордится тем, что ее предки много веков кормили и продолжают кормить русский народ. В их семье даже при коммунистах главными праздниками были Пасха, Рождество и Троица. А она в свои 15 лет готова сопротивляться духу времени и делать все для того, чтобы стать полезным для общества человеком и хорошей матерью. Она собирается нарожать столько детей, сколько Бог даст. А традиции нужны еще и потому, что без них мы не сможем наследовать жизнь вечную.

Я слушал эту девочку и думал о том, как ее рассуждения о крестьянском труде не похожи на то, что Россия слышит целый век. При советской власти рассказывали о бесликих трудягах, намолотивших несметное количество злаков и что-то такое о зяби и озимых, о закромах родины, в которые вваливали дары земли и откуда они почему-то не хотели выходить на свет Божий на горе тем, кто хотел их употребить. Потом, в перестроечные годы, – об «агроулаге», который нужно непременно развалить. Что и сделали. А теперь – о деньгах и инвестициях (очень похоже на инквизицию). Эта девочка говорила о человеке. О его месте на земле под Богом и рядом с Богом. Она говорила о радости простого труда как о высокой поэзии, а не как о постылой принудилровке. И я поверил ей. И порадовался за нее. Эта девочка любит свою землю, и она не бросит ее. Она станет

Праведники наших дней

хорошим агрономом и продолжит вековые традиции своих предков. И детей ей пошлет Господь. Здоровых, честных и работающих...

После нее выступил мудрый человек, рассказавший о том, как должно строиться гражданское общество в русских городах и весях. Особенно интересно в весях, где все знают друг друга. Повсюду, даже в самой маленькой деревеньке, нужно организовать общинное сообщество, руководимое уважаемыми людьми, с целью обустройства общественной и хозяйственной жизни. Сейчас не на кого опереться для проведения добрых дел. Разбойники объединены в преступные организации. Добропорядочные же граждане не имеют своих объединений. Общинные сообщества можно назвать «советами», где главным лозунгом будет «совет да любовь». Христианские принципы могут помочь преодолеть атомизацию общества. Эти советы будут действовать на всех уровнях – и на районном, и на областном. Через них можно будет оказывать ту самую крестьянскую «помощь», благодаря которой жила веками русская деревня. И от стихийных бедствий спасались, и реки чистили, и дома молодоженам всем миром ставили, и за вдовами и сиротами догляд осуществляли.

Главное в общественной жизни – побуждение к добрым делам. В основе русской цивилизации лежит Православие. Поэтому общественная жизнь должна организовываться вокруг Церкви. Приходской жизни нужно стать более активной и быть примером и действенным сегментом жизни таких советов. Местная власть будет иметь реальную силу, на которую всегда сможет опереться.

Идей на этих чтениях было высказано немало. И главное – они все были жизненными и вполне осуществимыми. Некоторые положения уже воплощаются в жизнь. Мне пришлось бывать на многих конференциях, и всякий раз меня не покидала мысль: замечательно поговорили, тем дело и кончится. Но в Ракитном я видел, что за словом последует дело. Эти чтения были не «мероприятием какого-то отдела с целью отчитаться

перед начальством за отчетный период», а реальным духовно-общественным действием. И молебен перед его началом, и сама атмосфера, и глубина тем, и очевидный настрой на созидательную работу говорили о том, что это действие не пройдет втуне. Отец Николай уже во время этих чтений стал договариваться о конкретных делах. Его не устраивают «протоколы о намерениях». Он сразу же «подписывает договоры» и приступает к делу.

Я сидел в зале, слушал докладчиков и искренно радовался за жителей Ракитного. Немного найдется в современной России сельских клубов, где проводятся такие замечательные и так необходимые разговоры о путях налаживания жизни, основанной на национальных духовных традициях. В президиуме сидел взволнованный и радостный отец Николай, а над его головой ласково и загадочно смотрел на нас отец Серафим (Тяпочкин). Это была та же самая, но только во много раз увеличенная фотография, которую мне подарили 30 лет назад.

21 октября 2010 г.

Святитель Николай Сербский

Письмо русскому ветерану, который оплакивает распятую Родину свою

Утешься, братушка дорогой. Христос Воскресе! И мы плачем с тобой, утешься. По Святой Христовой Руси плачем все мы, православные. Но не только славяне и все иные православные. В позапрошлом году сербские паломники оказались на Пасхальной Литургии в Назарете. Священник-араб совершал тогда богослужение, а также проповедовал. Его проповедь была о Христовом Воскресении и о страданиях русского народа. Плакали арабы, плакали и сербы. А в завершение проповеди священник, утирая слезы, выпрямился и воскликнул: «Но мы, арабы, твердо верим, что будем свидетелями нового воскресения Христа через Россию!» Возникла удивительная сцена: весь народ сквозь слезы громко восклицал: «Аминь! Аминь! Аминь!», при этом хлопая руками и притопывая.

Утешься, братушка дорогой. Христос Воскресе! Не спрашивай, почему Господь испытывает Россию. Ведь написано: «Кого Господь любит, того и наказывает. И бьет». Именно так написано, что милостивый Бог бьет того, кого любит. Бьет его в царстве земном, чтобы прославить в Царстве Небесном. Бьет, чтобы не привязался к тлену земному, к мирским кумирам, к обманчивым идолам людских ловкости и богатства, к преходящим и болезненным соблазнам.

Без великих избиений Православие не пронесло бы истину Божию через столько пропастей и мраков многих веков и не преодолело бы столь долгий путь с препонами, сохраняя истину и святость в чистоте. Без страданий Православие и сто лет не сохранилось бы в чистоте своей. Из девятнадцати столетий оно не имело ни одного в мире и свободе, без гонений, без глумлений, без рабства, огня,

страха и ужаса. Другие религии этого не знают. Еретики этого не понимают. Ни один народ, избравший земное царство в качестве идеала счастья, не понимает и не принимает того, что сейчас происходит с православной Россией. Понятно это лишь прозорливым, тем, кто видит вечное и бессмертное Царство Христово как реальность. Однако и прозорливость является дочерью страданий.

Утешься, братушка дорогой, утешься Воскресением Христовым. Не ропщи на безбожников, угнетающих русский народ. Раньше были монголы, теперь иные. Но и те, и другие – идолопоклонники. Монголы поклонялись идолам из материи. Нынешние угнетатели России поклоняются идолу материи. Они поклоняются материи как божеству, индустрии как божеству, телу как божеству и государству как божеству. Они себя называют безбожниками; и правду говорят. И если бы назывались идолопоклонниками, тоже правду бы говорили. Но ты, когда речь ведешь о горе русском, не забывай, что угнетатели, а не угнетенные, являются теперь самыми несчастными существами на русской земле. Жалей их, не осуждай. Ибо они иссохнут, как трава, один за одним уходя из памяти, уходя и от власти. Они поденщики Божии, хотя сами этого не осознают. Всю воду тем не менее направляют на Христову мельницу: понося Христа, они работают для Христа. Не дано им сейчас это видеть. Но когда устранены будут, как тени, тогда увидят. И зарыдают горько, ибо не получают ничего, кроме проклятия. Ведь поденная плата им отдана здесь, на земле, в виде преходящей силы и власти. А ты не плачь, но радуйся! Настала великая жатва душ в России. В эти дни многострадальный русский народ пополняет Рай больше, чем любой другой христианский народ на свете.

Радуйся. Христос Воскресе!

Игумен Никон (Воробьев)

Блага временные и вечные

Мир вам и спасение, дорогие ...

Поздравляю М. с Ангелом, а вас с именинницей. Да благословит вас Господь и подаст всякие блага, временные и вечные.

Как здоровье М. и К.? Пусть безума не утомляются работой. Это грех. Надо все делать по силам. На телесное все силы убивают, а на душу остается несколько сонных минут. Разве так можно? Надо помнить слова Спасителя: Ищите прежде царствия Божия... и прочее. Эта заповедь, как «не убий», «не блуди» и пр. Нарушение этой заповеди часто больше вредит душе, чем случайное падение. Оно незаметно охлаждает душу, держит ее в нечувствии, а часто приводит к духовной смерти: «пусть мертвые погребают своих мертвецов», мертвые душой, без чувства духовного, без горячности в делании заповедей, ни горячие, ни холодные, которых Господь угрожает избавлять от уст Своих. Надо хоть один раз в сутки на несколько минут ставить себя на суд пред Господом, как будто мы умерли и в сороковой день стоим перед Господом и ждем изречения о нас, куда Господь пошлет нас. Представ мысленно пред Господом в ожидании суда, будем плакать и умолять милосердие Божие о помиловании нас, об отпущении нашего огромного неоплатного долга. Советую всем принять это в постоянное делание до смерти. Лучше вечером, а можно и в любое время, сосредоточиться всей душой и умолять Господа простить нас и помирить; еще лучше несколько раз в день. Это заповедь Божия и Св. Отцов, позаботьтесь хоть несколько о душе своей. Все

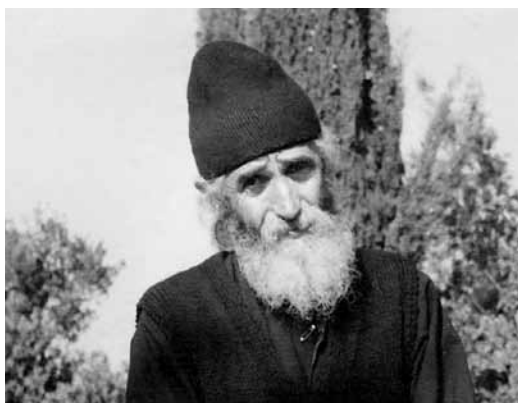
проходит, смерть за плечами, а мы совсем не думаем, с чем предстанем на суд и что о нас изречет Праведный Судия, знающий и помнящий всякое наше движение — самое тонкое — души и тела от юности до смерти. Что мы будем отвечать?

Св. Отцы потому здесь и плакали и умоляли Господа о прощении, чтобы не плакать на Суде и в вечности. Если они нуждались в плаче, то мы, окаянные, почему считаем себя хорошими и так беспечно живем и думаем только о житейском. Простите меня, учащего и ничего не делающего.

М. обиделась зимой, что я ей не даю указаний, что делать и читать, а сама пяти минут не исполняет. Вот делай, М., то, что сейчас сказал, только как следует, тогда не надо будет тебе ничего и читать, получишь гораздо больше, чем если бы с утра до вечера читала. Все дело в том и есть, что читаем и знаем, что надо делать, а ничего не делаем. Ждем, чтобы за нас какой-либо дядька сделал. А ведь можем получить участь бесплодной смоковницы. Проклят всяк, творящий дело Господне с небрежением. А мы как творим дело спасения нашего? Как молимся, как исполняем заповеди, как каемся и проч., и проч.? Секира при корени дерева лежит...

Простите меня и помолитесь о себе и о мне. Привет и благословение Божие всем. Пишите.

Н.
25/XI 1-49 г.

Старец
Паисий Святогорец

К Дмитрию

Святой скит Ивирон
25 декабря 1965 г.

Брат во Христе Димитрий, радуйся всегда о Господе и веселись о Нем.

Желаю, чтобы Пресвятой Вифлеемский Младенец просветил и водительствова́л нас и весь мир Светлою звездою, чтобы нам найти и поклониться Ему и Деве Марии.

Это правда, что я не знаком с Вами, но посредством молитвы и любви можно познаться со всеми людьми, ради которых Сын нашего Благого Господа сошел с Небес, воплотился от Пречистой Девы Марии и спас нас.

Радуйся всегда о Господе и веселись о Нем

Брат мой Димитрий, Ваше письмо и посылка позволили мне увидеть весь Ваш внутренний мир, и я всего более был обрадован именно поэтому. Очень тебя прошу не прерывать этой твоей внутренней работы, занятый твоими исследованиями.

Нет пользы, брат, если кто-либо исследует весь мир (что, к сожалению, происходит в наши дни посредством туризма), в то время как они не исследовали свой собственный мир. И самое печальное то, что это исследование они распространяют и на космос, в то время как существует легкий способ познать человеку всю землю и все космическое пространство, познав прежде свой внутренний мир, то есть самого себя, свою личность.

Когда человек познает свою личность, тогда автоматически происходит и рас-

крытие его личности [здесь старец употребляет слово διάσπαση — «распад», «расщепление» (например, атомного ядра), то есть термин, заимствованный им, очевидно, из популярной в годы написания письма атомной физики и космонавтики. — Пер.]; он движется тогда по духовной орбите, вне притяжения Земли и мира. Понятно, этот человек живет на земле, однако его не притягивает грех и вообще мирские пожелания. Только тогда имеет человек право называться человеком, иначе нет ничего, с чем человеку можно было бы сравниться; ибо все животные и пресмыкающиеся, насекомые и т. д. не уклоняются от своего предназначения, кроме человека.

Однажды я раздумывал над тем, чтобы найти что-нибудь, с чем бы меня сравнить, и остановился в конце концов на навозном жуке. После же доброго рассуждения я увидел, что и к этому бедному насекомому я несправедлив, потому что оно выполняет свое предназначение, измельчая навоз, превращая его в мельчайшие шарики и уничтожая его. В то время как я, разумный человек, творение Божие по образу и подобию, посредством своего греха собираю навоз в храм Божий. И зло в том, что не соглашусь на то, чтобы меня называли не то что жуком навозным, но даже и осликом, хорошо всем известным по той пользе, какую

он приносит своей большой и нелегкой работой. Ее он с великим терпением делает для человека и в конце концов умирает. А я, человек, не только не благодарю Благого Господа, сделавшего меня не осликом, не змеей, не скорпионом, не навозным жуком (в то время как это было в Его власти), но соделал меня Своим образом, Своим сыном, царевичем Небесного Царя, а я Его оставил и отправился в рабство к проходимцу и бродяге диаволу, за огонь вечный в награду и за все годы этого рабства, проведенные в мучениях. Бели царевич не отклонится от своей цели, он будет пребывать в мире и радости на протяжении всей своей жизни на земле и в небе. Как нам сказал об этом Сам Христос, Царство Небесное внутри вас есть.

Поэтому, брат мой, обратимся всецело ко Христу. И каждый наш шаг и наималейшее движение пусть будет с мыслью о том, как на это посмотрит наш Христос, а не о том, как это будет выглядеть для людей, если мы хотим сойти с орбиты мира сего и перейти на движение по орбите духовной. Мир полон лицемерия, и ему принадлежат слова «Горе вам!» Христа нашего. А ведь грешникам Он не сказал: «горе вам!» – но, напротив, показал всю Свою любовь, как это свидетельствуется и нынешним событием.

Заканчивая, очень благодарю Вас за все и желаю вам получить во сто крат больше и жизнь вечную.

С любовью о Христе
монах Паисий

**Преподобный
Силуан Афонский**

Письмо о. Силуана к К.Г.Ш.

Радуйся, раб, Господень, Кирилл... Любит нас Господь грешных, зовет к Себе: «приходите ко Мне вси труждающиеся и Я упокою вы», и еще: «Иду ко Отцу Моему и Отцу вашему, иду к Богу Моему и к Богу вашему». Милостивы эти слова, полны радости и любви. Дай, Господи, нам и всему народу на земле разуместь Духом Святым любовь Господню. Господи, обрати души наши к Тебе и исцели Духом Святым, да разумеем, как Ты любишь нас, да разумеем, как Ты радуешься о народе, когда он кается. Ты знаешь, Господи, людей, которые Тебе работают, что они похожи на Тебя. Но кто грешит и не кается, тот похож на врага. Я возрадовался, что Господь вам дал покаяние и силы бороться с собой. Эта борьба хотя и трудная, а будет до тех пор, пока душа не научится смирению и жизни по воле Господней. И когда душа научится жить по воле Божией, то будет покойна в Нем, будет в смирении и любви прилеплена к Нему.

Не могу я оторваться от Него, Он мил мне, Он душу мою веселит. Когда человек

узнает Духом Святым, как нас Господь любит, то будет забывать от любви Божией все земное. Если бы народы знали любовь Божию, то все бы побросали науки и занимались бы одной мыслию, как бы научиться Христову смирению, жизни с Ним и в Нем.

О, молитесь за меня, все народы, которые знают сладость Духа Святого и любовь Господню. Я телесно и душевно больной, дух мой рвется к Богу ненасытно день и ночь, но желанного не получил. Душа моя еще не научилась Христову смирению, о котором сказал Господь: «научитесь от Меня, яко кроток и смирен». Душа, когда бывает смиренна, то мыслей плохих не бывает, но Дух Божий веселит ее и управляет душой жить по заповеди Господней.

Пишу я вам, много душа моя возлюбила вас. Вы мой во Христе брат, которого Господь полюбил за покаяние. Сколько можно, говорите народу: «кайтесь».

Сх. Силуан.
Гора Св. Афон, 1938 г.

Петр Калиновский
*доктор медицинских наук,
писатель*

ПЕРЕХОД Последняя болезнь, смерть и после

Смерть совсем не такая, какой мы ее чаще всего себе представляем. Всем нам при умирании придется увидеть и пережить много такого, чего мы не ждем и о чем не думаем. Зная немного больше, мы будем иметь меньше страха и меньше страданий.

Труды современных нам врачей-реаниматоров позволили взглянуть за пределы земной жизни и узнать немного больше, чем мы знали до сих пор. Первые главы книги будут об этом.

Христианство учит, что душа бессмертна и что после смерти тела она переходит в другие условия реальности и продолжает сознательное существование. В это можно было верить или не верить. Счастливы те, кто могли верить просто и глубоко, не входя ни в какие размышления. Их жизнь была светлее и лучше. Но такая вера бывает не у всех. Современный человек, даже близкий к вере в Бога, привык размышлять, доискиваться, искать подтверждений. В этом нет ничего плохого. Один из путей к вере ведет через поиски, через знание. Неверие никогда не бывает результатом знания. Тот, кто утверждает, что знание разрушает веру, — обманывает.

Я глубоко благодарен докторам Сабому, Муди, Кюблер-Росс и другим, чьи труды помог-

ли мне укрепить начатки моей веры и немного лучше понять, что в жизни действительно важно.

Умирание может быть очень трудным, но может быть столь же легким, как переход из яви в сон. Смерть следует ожидать и нужно встретить ее так, чтобы умирание было достойным и не очень трудным. Этому посвящены главы о предсмертной болезни и умирании.

О загробном мире и о жизни в нем в книге будет сказано не много. В наше время наука приподняла завесу и над этой тайной, но мы коснемся только того, что кажется действительно достоверным.

Что такое смерть?

Наука дает определения всем предметам, явлениям, феноменам, и только определения того, что такое смерть, наука не дает. Во всяком случае, ни в научных, ни в популярных публикациях мне не удалось найти ни одного ясного положительного определения этого слова.

Оксфордский академический словарь дает совершенно бессодержательное определение: «Смерть — это конец жизни».

Есть еще несколько попыток определения смерти.

Британская энциклопедия 1986 года: «Полное прекращение жизненных процессов».

Медицинские руководства: «Отсутствие признаков жизни» и «Отсутствие мозговой активности, подтвержденное электроэнцефалограммой».

22-й Всемирный медицинский конгресс 1968 года, специально изучавший проблему смерти: «Необратимая потеря функций всего организма».

Часто встречается и другое, написанное псевдонаучным языком, но тоже пустое определение: «Смерть есть окончательное прекращение жизненных функций у животного или растения».

Говоря о смерти, употребляют и другие слова, например: «ничто», «небытие» и другие похожие слова, всегда с негативным смыслом, слова о том, чего нет. И приходит в голову мысль, а может быть, и смерти-то тоже нет?

Такое отсутствие научного определения смерти отмечают ученые, занимающиеся этим феноменом. И неудивительно, что те из них, которые изучали не только анатомию, а всего человека, все чаще советуют вместо слова смерть употреблять слово «переход», потому что под смертью обычно понимают конец человеческой жизни, а теперь известно, что со смертью тела жизнь личности не кончается; личность продолжает существовать, переходя в другие условия, – отсюда и слово «переход», правильно определяющее происходящее событие.

Христианское понимание смерти можно увидеть из письма епископа Феофана Затворника к его умирающей сестре: «Прощай сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твою исходу. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в иной мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши им передай привет и попроси попечиться о нас... даруй же тебе, Господи, мирный исход! День-другой, и мы с тобою. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобою».

Хорошее письмо, совсем спокойное и полное уверенности в будущей блаженной жизни.

Будто он провожает сестру не в дальнюю дорогу, не в неведомую страну, а в отчий дом, где ждут нас наши близкие, умершие раньше нас.

В Екклесиасте есть такая фраза: «И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его» (12, 7).

Христианство понимает смерть как разделение души и тела и откровение духовного мира. К такому же пониманию приходит и современная наука о смерти. Мы уже отмечали, что ученые, бывшие неверующими, начав изучение процессов, связанных с умиранием, пришли или приходят к вере в Бога и в бессмертие души.

Здесь нужно оговориться. Конечно, наука не говорит о бессмертии души в вечности, этого никакая наука доказать не сможет, но наука подтвердила, что после смерти тела какая-то часть человека выходит из умершего тела и продолжает сознательную жизнь. Смерть тела – не конец существования, а переход личности или души из одного состояния в другое и из мира материального в мир духовный.

Конечно, смерть – самое важное событие нашей жизни, но не потому, что умирает тело, а потому, что все будущее нашей бессмертной души, нашего настоящего «Я» зависит от того, какими мы будем в самый момент перехода, потому что за гробом не начинается новая жизнь, а продолжается прежняя.

Мы теперь знаем, что самый момент смерти тела – то, чего мы больше всего боимся, – неощутим. После выхода из тела душа переходит в другой мир и начинает там вторую часть своей жизни – жизнь бестелесную.

В течение многих веков о загробной жизни души учило христианство, а в наше время появились и объективные данные, полученные и проверенные наукой. Это дает нам возможность постараться посмотреть, подтверждаются ли религиозные верования этими новыми достижениями медицинской науки?

Допустимо ли это? Один из христианских богословов сказал, что есть в мироздании вещи, о которых «пристойнее убо хранить молчание». Это – хорошее предостережение;

конечно, лучше всего просто верить, не пытаясь проверять и не докапываясь ни до чего своим человеческим разумом. Счастлив тот, кто способен на это. Но что делать тем, у кого такой веры нет? Остаться в сомнении и отказаться думать – нехорошо. Разум дан людям Господом и завеса над тайной смерти тоже приподнята по воле Его. Мне кажется, что посмотреть и подумать следует; нужно только отбросить, если они были, все предвзятые мнения и подойти к вопросу со спокойной объективностью и известной долей скромности.

Ответ на этот вопрос можно найти в Евангелии. Один из апостолов Иисуса Христа, Фома, тоже долго не мог поверить в воскресение своего Учителя. Он сказал: «...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоанн 20, 25). Одной верой Фома не мог принять воскресение Иисуса Христа, ему нужны были и материальные доказательства. Иисус Христос дал Фоме и это: «...потом говорит Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим!» (Иоанн 20, 27). Потом Иисус Христос сказал Фоме: «...ты поверил потому, что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Иоанн 20, 29).

Иисус Христос упрекнул Фому за малую веру, но не отверг его и дал ему и наглядные доказательства. Не так ли и со многими из нас? Свидетельства о жизни души были даны давно, и не мало, но для многих этого было недостаточно. Нужно было убедиться наглядно. Теперь нам дано и это.

Как только вы начинаете ближе знакомиться с проблемой, вы, к своему удивлению, обнаруживаете, что многие из явлений, описанных врачами-реаниматорами, были давно известны христианским писателям, а не знали мы этого просто потому, что богословскую литературу всерьез не принимали и не читали.

Хотя христианская литература и медицинские изыскания последних лет в основном свидетельствуют об одном и том же, есть некоторые различия в описаниях, а также в

понимании и оценке описываемого. Поэтому нужно посмотреть на всю проблему детальнее и внимательнее.

Главное достижение последних лет состоит в том, что труды врачей-реаниматоров полностью подтвердили учение христианства о душе. Первый, самый важный и непреложный факт – по смерти тела жизнь продолжается – утвержден и религией и наукой.

И второе – жизнь в загробном мире течет в свете, а не во тьме; во всяком случае, в той его части, куда мы стремимся. Об этом свидетельствуют и Священное Писание и рассказы людей, заглянувших за завесу. Мы приводили много примеров и повторять их не будем.

Описания потустороннего света очень интересны. Это не тот свет, к которому мы привыкли на земле. Это не свет солнца.

В священных книгах пишется, что люди воспринимают этот свет тогда, когда они видят или чувствуют присутствие небесных духовных сил. Этот свет сиял при крещении Иисуса Христа, при Его воскресении, при преображении на горе Фавор. Иисус Христос сказал о Себе: «Я свет миру».

Свет этот необычен. Вот несколько цитат:

На горе Фавор: «И преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Матфей 17, 2).

«...и преобразился пред ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Марк 9, 3).

При воскресении Иисуса Христа: «...Ангел Господень... отвалил камень от двери гроба и сидел на нем. Вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег» (Матфей 28, 2-3).

Когда фигуры Богородицы, ангелов, святых являются живущим на земле во сне или наяву, они всегда окружены светом, часто ослепительно ярким светом.

Мотовилов писал о Серафиме Саровском, что, когда тот молился, Мотовилов не мог смотреть на него. Свет, исходивший от лица святого Серафима, ослеплял его.

Мой друг был хорошо знаком с одним монахом строгой аскетической жизни. Он рас-

сказал мне, что наблюдал, как ночами в комнате молившегося монаха появлялся свет.

Пациенты Муди и Сабом тоже видели свет в загробном мире, но с трудом находили слова для его описания. «Солнца не было, а свет всюду». «Свет всюду, а теней нет».

Доктор Сабом на стр. 66 своей книги приводит рассказ своего пациента, старающегося описать этот свет: «Свет был иным, чем тот, который мы знаем здесь. Это был не свет, а отсутствие тьмы, полное и совершенное. Этот свет не создавал теней, было просто отсутствие темноты. Свет не был виден, но он был всюду, вы были в свете».

Свет загробного мира – не наш свет. Для него нашли очень хорошее определение – «нездешний свет».

Души, видевшие в загробном мире свет, иногда слышали голос или видели в свете светлую фигуру, иногда не видели, но чувствовали «присутствие». Сходные описания есть и в церковной литературе.

Чему учил Голос или Фигура в свете и чему учил людей Иисус Христос во время Его жизни на земле?

Когда один из фарисеев-законников спросил Иисуса Христа о наибольшей заповеди в Законе, Иисус Христос сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь Закон и пророки» (Матфей 22, 37 – 40).

Иисус Христос учил, что самое главное во время жизни на земле – учиться любить.

С того времени прошло двадцать веков, но сейчас, в наше время, Свет, являясь душам умерших людей, учит тому же. Мы уже писали об этом в предыдущих главах. Вышедшая из тела душа в присутствии Света испытывает Его неописуемую любовь и чувствует, что она в безопасности.

В третьей главе мы писали о докторе Ритчи, которому Иисус Христос показал, что важны не личные успехи и достижения, а важна любовь.

Христос показывал душе Ритчи жизнь в потустороннем мире и отвечал на все его вопросы. Ритчи видел что-то похожее на большой научный центр:

...громадные залы... люди в полном самозабвении трудятся для какой-то цели выше их самих... сложные машины... диаграммы и чертежи... будто идет какое-то сложное исследование. Ритчи спросил у Христа, что они делают. Однако на этот раз никакое объяснение не осветило сознание Ритчи. Он продолжал воспринимать от Христа, как и прежде, одну любовь.

Христос не ответил на вопрос о неважном и еще раз показал душе Ритчи правильный путь – без любви даже полезные и добрые дела не принесут пользы душе.

Однако люди, встретившиеся со Светом, говорили не только об этом. В наставлениях Света звучал и другой мотив. Душе одной женщины Свет сказал: «Вернись к жизни в теле, ты еще должна учиться любить и накапливать знание». Другая женщина рассказывала: «Свет показывал мне самое главное. Он не обвинял, а как бы наставлял меня, что нужно учиться любви и просто учиться, приобретать знание, потому что это непрерывный процесс, и я буду продолжать его после того, как Он во второй раз придет за мной».

Здесь может возникнуть вопрос – какие знания? Всекие? Ведь известно, что некоторые знания, особенно поверхностные, далеко не всегда идут человеку на пользу. В «Поучении» Фомы Кемпийского есть такое предостережение: «Каждый человек желает получить знание, но что значит это знание без страха Божия... Чем больше и чем лучше твое познание, тем строже ты будешь судим, если с ростом твоего познания не возрастает твое благочестие».

В Новом Завете я не нашел прямых указаний на то, что нужно учиться и приобретать знания, но наибольшая заповедь в Законе учит возлюбить Господа не только сердцем и душою, а «и всем разумением твоим», а апостол Петр пишет во втором своем послании: «Возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа» (3, 18).

Отцы Церкви тоже учат познавать Бога в Его творениях.

Выше мы приводили рассказы людей, возвращенных к жизни на земле, о том, что они встретили в загробном мире. Пишется об этом и в христианских книгах – житиях святых и других.

О загробном мире пишет епископ Феофан Затворник: «Внутри или в глубине мира, нам видимого, скрыт другой мир, столь же реальный, как этот, либо духовный, либо тонко материальный – Бог знает... но известно, что в нем живут святые и ангелы... Душа стремится вверх, но только до той степени, какую допускают ее духовные силы... Вокруг души теперь все новое. Она вне привычных пространства и времени. Она может мгновенно переноситься куда захочет, может проходить сквозь стены, двери, сквозь все материальное...»

Повествования священных книг и рассказы наших современников, заглянувших за завесу, почти идентичны. Описываются одни и те же восприятия и феномены: выход души из тела, короткий период темноты или прохождение через темный туннель, Свет, способность мгновенно преодолевать любое пространство и проходить сквозь все материальное, сжатие времени, безуспешные попытки контакта с живущими на земле, видение своего тела со стороны. Во второй главе мы писали о древнем враче Геннадии, видевшем свое тело отдельно от себя самого. Потусторонняя природа – растения, животные, птицы, небесная музыка, хоровое пение описаны и там и здесь. Наши современники и древние христиане, переступив таинственный порог, встречали одно и то же.

Вернувшиеся «оттуда» рассказывали о встречах с разными духовными существами. Они видели своих прежде умерших родственников и других близких людей, патриархов, святых, ангелов, «гидов». Христианство тоже обещает встречу с умершими любимыми и учит, что душу умершего очень скоро встретят ангел-хранитель и встречный ангел, которому нужно молиться при жизни. Ангелы будут направлять и сопровождать душу при ее первых шагах в новом мире. Однако в то время

как современные нам свидетельства говорят главным образом о радостных встречах и светлых духах, христианские источники пишут и о другом. Очень рано душу встретят уродливые и страшные существа. Они будут преграждать ей дорогу, будут покушаться на нее, грозить и требовать свое. Христианские писатели предупреждают, что злые духи могут принимать любую форму, чтобы, давая лживые советы, направить душу на неверный путь. Мы вернемся к этому вопросу немного позже.

Труды реаниматоров показали, что очень скоро после перехода перед душой «ясно, как на экране», проходят картины ее теперь уже прошедшей земной жизни. Умерший находится не в темноте, а в присутствии яркого света. В свете иногда видят Христа, ангела, светлую фигуру. «В присутствии Света вы испытываете неопишемую любовь и безопасность. Это трудно передать. Свет абсолютная любовь. В Его присутствии вы понимаете, чем вы могли бы быть».

Свет задает вопросы, в них нет порицания, но есть любовь. Цель вопросов – помочь душе найти верный путь. При этом Свет показывает умершему главные события его жизни. Это дает душе возможность просмотреть и переоценить свою жизнь в теле. Вернувшиеся помнят все, даже мельчайшие детали, и, по их собственным словам, стараются теперь жить иначе, чем до сих пор.

О таком показе знает и религия Индии. Вот выдержка из книги «Философия йогов» Рамачараки: «В то время как «Я» медленно выходит из физического тела, вся жизнь личности от детства до старости проходит перед его мысленным взором... картина за картиной, быстро сменяя одна другую, проходят перед его сознанием, и многие вещи становятся понятными уходящей душе... выясняется смысл многого происходившего... душа... понимает всю свою только что законченную жизнь, потому что она видит ее всю целиком. Эти видения имеют характер яркого сна, но оставляют глубокое и незабываемое впечатление; они сыграют свою роль в будущем».

Автор – не индус. Рамачарака – псевдоним. Настоящее имя автора – Уильям Уокер Аткин-

сон. Он англичанин, родился в 1862 году, изучал философию Индии и был учеником свами Вивекананди. Он подразумевает будущее перевоплощение души. Христианство тоже знает об этом просмотре прошедшей жизни, но смысл его понимает иначе.

Святой Афанасий Александрийский в своем труде «Жизнь Антония Великого», умершего в 365 году по Рождеству Христову, описывает хождение по мытарствам. Он передает рассказ святой Федоры, явившейся после смерти своей в сонном видении ученику Василия Нового Григорию. Она сообщила ему, что душа, разлучившись с телом, смотрит на него, как человек смотрит на сброшенную одежду. Потом вся земная жизнь святой Федоры, со всеми ее поступками, особенно греховными, подверглась просмотру и оценке светлыми и темными духами. По своему смыслу это свидетельство IV века по Р. Х. очень близко к тому, что мы знаем теперь о первом суде. Это знание не является новым научным открытием, а только подтверждением того, что давно известно верующим.

Христианство всегда учило, что вскоре после смерти тела душа в загробной жизни приходит на первый суд.

Это не тот – второй и окончательный Страшный Суд, который будет в конце веков. Сейчас развитие души еще не закончено. Каждый из нас очень скоро после смерти тела увидит всю свою прошедшую жизнь и сможет переоценить многое. В свете истины мы увидим не только наши дела, но и их последствия. «В окончании человека открытие дел его» (Сирах 2, 27).

Первый суд есть оценка жизни души на земле. Протоиерей Сергей Булгаков пишет о первом суде: «После конца земной жизни – частный суд; это – самоопределение состояния, в котором умерший переходит в загробный мир. Это исходное начало для его продолжающейся жизни, а совсем не только «мздовоздаяние»... это скорее самосознание, самосуд, нежели судебный приговор, это суд совести пред лицом Бога».

С этим умозрительным заключением христианского философа полностью совпадает

то, что за последние 15 – 20 лет открыли нам ученые, изучавшие смерть. «Свет не обвинял и не хвалил, а как бы объяснял и учил».

Видимо, просмотр своей земной жизни, о котором рассказывают умершие и возвращенные к жизни люди, это и есть частный суд. По сути это не суд, а самооценка своей жизни на земле, помощь Господа душе, вступающей во вторую часть своей жизни, в жизнь бестелесную.

Душа получает знание и силу для просмотра всех своих мыслей, чувств и дел в присутствии духовных сил, причем это показ не только дел, но и их последствий для других людей. При виде своих дел, принесших страдание другим людям, могут явиться угрызения совести, огорчение и желание исправиться.

На этом первом суде душа чувствует себя обнаженной. Восприятия теперь духовные. Обман и утаивание невозможны. При жизни мы многое скрываем, а здесь видно все, включая мысли и намерения. Видны и мотивы: если что-либо делалось по любви к другим, душа радуется, если по эгоистическим мотивам, она стыдится.

Видя Свет, душа испытывает радость и блаженство. Свет – это любовь, понимание и сочувствие. В Его присутствии невозможны зависть, гнев, ненависть, невозможны никакие негативные эмоции. Немыслимо быть полностью осужденным в присутствии Света.

У нас не две жизни, а одна. После смерти тела развитие души будет продолжаться. Первый суд подводит итоги, оценивает сделанное за время земной жизни, показывает душе ее ошибки и направляет ее на правильный путь.

Самое большое расхождение между Священным Писанием и трудами некоторых современных нам ученых заключается в оценке того, что известно. Факты и явления в основном одни и те же, но понимание их различно.

Православный богослов иеромонах Серафим Роуз издал в 1980 году книгу на английском языке «Душа после смерти». Он пишет, что свидетельства людей, переживших временную смерть тела, рисуют неверную и опасную картину. В ней слишком много све-

та. Создается впечатление, что страшиться смерти не нужно. Смерть – это, скорее, приятное переживание, а после смерти ничто плохое душе не угрожает. Иисус Христос никого не порицает и всех окружает любовью. Раскаяние и даже мысли о нем излишни.

Это может навести на мысли, что, пока мы на земле, можно наслаждаться жизнью и не думать о последствиях. Один из вернувшихся «оттуда» пришел именно к таким выводам.

Серафим Роуз пишет об опасностях. Темные духовные силы сделают все для них возможное, чтобы завладеть душой, вышедшей из мертвого тела. Серафим Роуз напоминает, что князя темных сил называют отцом лжи и что и его слуги, а не только светлые духи встречают душу у порога загробного мира. Темные силы могут принимать любой облик. Они могут явиться душе как светлые ангелы и могут стараться внушить ей любые мысли.

Последние минуты земной жизни могут быть решающими. Отчаяние, отказ от покаяния, умирание без обращения к Богу могут тяжело отразиться на будущей судьбе души.

Зная это, отцы Церкви учат верить не всякому духу и при жизни, а особенно при близости смерти. Святой Иоанн в первом послании пишет: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они... дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога» (4, 1 – 3).

Чрезмерный оптимизм может обмануть. Христианство учит о разной судьбе праведников и нераскаянных грешников. Свидетельства пациентов врачей-реаниматоров тоже не всегда светлые. Есть описания серой тьмы, страданий и даже ада.

Думая о том, что ждет нас после перехода, хочется, конечно, верить тому светлому, что открыла нам наука о смерти. Эти открытия, однако, говорят только о самом начале жизни за гробом. Видимо, Господь сделал так, что сам переход безболезнен и не страшен, но что ждет нас во второй части нашей жизни, в жизни духовной, наука не знает. Известно только, что у каждого из нас будет своя, индивидуаль-

ная судьба.

То, что известно о загробной жизни, дано нам Божественным откровением. Об этом знает и учит христианство.

О загробном мире и об УСЛОВИЯХ жизни в нем мы знаем очень немного, но то, что нам нужно знать, нам открыто. Об этом пишут священные книги и христианские философы-богословы.

Умирание тела не нарушает непрерывного течения жизни души. Коса смерти проходит между душой и телом, отделяя умершее тело от бессмертной души человека.

Отцы Церкви учат, что основные черты характера личности не меняются; она переходит в загробный мир такой, какой ее застала смерть тела, и продолжает существование, начатое на земле. Перейдя в загробный мир и пройдя частный суд, душа познала, что есть Бог, живой и любящий, и что сама она бессмертна. Она уже начала стремиться быть ближе к Богу, и, увидев теперь еще раз свою земную жизнь, душа многое переоценила и поняла, что было действительно важно, а что неверно и плохо.

Первый суд подвел итоги земной жизни, и сознание, что все земное выполнено, помогает душе покинуть телесный мир без сожаления. Душа теперь готова к тому, чтобы начать вторую часть своей жизни.

Вот несколько цитат о потустороннем мире.

Епископ Феофан, которого мы уже упоминали, пишет: «Внутри или в глубине мира, нам видимого, скрыт другой мир, столь же реальный, как этот, либо духовный, либо тонко материальный...» Христианский философ, монах Серафим Роуз пишет: «Душу по смерти встречают ангелы. Ангелы – не чистые духи, у них есть «воздушное тело»; являясь людям, они сохраняют человеческую форму – юноши в белых одеждах. Ангелы – единицы и, значит, уже где-то в пространстве, а не в духе только.

Они могут быть только в одном месте. Только Бог – чистый дух и вездесущ.

Демоны могут являться человеку в любой форме. Их множество... Это тоже единицы.

Души умерших тоже имеют форму тела

человека, поэтому умерший может некоторое время думать, что он жив. Царство Небесное не просто состояние ума, а более реально. Простое разделение вселенной на материю и дух не точно».

Христианские философы считают, что нелепо думать, будто со смертью тела уничтожается и исчезает все, чего достигла личность за время своего развития на земле. Протоиерей Сергей Булгаков пишет: «Весь мир являет великий закон постепенного и бесконечного совершенствования форм, и невозможно допустить, чтобы высшее совершенство, достигнутое в земной природе – духовность человека, – не имело дальнейшего развития за пределами земного мира... И если дан людям закон «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный», то, конечно, должна быть дана и возможность осуществления этой заповеди, возможность бесконечного совершенствования духа. А для этого необходимо вечное, бессмертное существование духа».

Апостол Иоанн приводит слова Иисуса Христа: «И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек» (Иоанн 11,26).

Архиепископ Лука (профессор Войно-Ясенецкий) пишет: «Жизнь человека разделяется смертью на две половины: душевно-телесного и духовно-душевного бытия».

Апостол Иаков учил, что человек есть только первая ступень духовности.

Архиепископ Иоанн Максимович писал: «Если бы жизнь кончалась смертью, она была бы бесцельной. К чему были бы тогда праведность и добрые дела? Но человек был создан для бессмертия. Наша земная жизнь есть подготовка к жизни будущей, и подготовка кончается со смертью. Тело человека разрушается... душа же продолжает жить, ни на секунду не прерывая своего существования».

Когда прекращается телесное зрение, открывается зрение духовное. После смерти душа будет воспринимать яснее, чем раньше».

Земное существование это только первая часть жизни личности – жизнь в теле. Выйдя из тела, личность (душа) не будет оставаться неизменной, она будет и дальше жить и развиваться.

Есть люди, которые представляют себе загробную жизнь в виде какого-то единообразного и неподвижного состояния – вечного блаженства в Царствии Небесном или постоянного и тоже пассивного страдания в аду. Это совсем не так. Христианство учит не этому. Философы давно знают, что все течет, все изменяется. Неподвижного мертвого покоя не может быть и в смерти. Ко времени смерти тела развитие личности не закончилось. Загробная жизнь есть продолжение развития личности, начатого на земле.

Жизнь на земле полна соблазнов. Безгрешных людей нет, и все мы перейдем во вторую часть нашей жизни, в жизнь бестелесную, неся на себе какую-то большую или меньшую тяжесть греха. Сразу после смерти тела душа еще не может, не способна будет принять блаженство духовной жизни; по словам одного из святых: «...она не вынесет царящего там света». Душе еще предстоит длительный период роста за гробом.

Христианство учит, что дальнейшее развитие души к свету или от него – будет зависеть от ее направленности ко времени смерти к добру или злу и что после всего опыта загробной жизни человек станет совсем иным в сравнении с тем, каким он был при своем земном умирании. Человек придет на Страшный Суд не таким, каким он умер на земле.

Полнота жизненного опыта достигается двумя периодами жизни души – на земле и за гробом. Живя в теле, человек не может постичь духовного мира, он может это сделать только в жизни духовной.

Отец Сергей Булгаков пишет: «Смерть есть великое посвящение, откровение духовного мира. Смерть открывает человеку врата духовного мира – появляется Реальность, самоочевидность бытия духовного мира, бытия Божия... Уже умирающему становятся зримы существа духовного мира и самое небо с Живущим в нем... Загробное состояние человека – это не смерть и даже не обморок души, но продолжение его жизни, начавшейся на земле. Душа, лишенная тела, не может принимать участие в земной жизни, но она меняется и развивается в жизни духовной. Она получает

связь с миром духов – светлых и темных – и с другими душами.

Судьба каждого и там индивидуальна, как и здесь, с тем лишь отличием, что вместо ложного света и полутеней здешнего мира в загробном мире все освещено светом солнца правды, проникающего в глубины душ и сердец».

«Загробная жизнь ущербная, – продолжает отец Сергей, – но познание Бога становится явным и смысл всех поступков яснее. Совесть – свет Божий. Там Бог так же ясно виден, как здесь солнце».

Авва Дорофей (VI век по Р. Х.) пишет: «Души умерших помнят, что было здесь... все заботы об этом мире исчезнут, но что мы делали порочного или благого останется. Душа после смерти не дремлет, не теряет сознания, сохраняет страх, радость, горе; она начинает предчувствовать, что получит на общем суде. Покинув тело, душа встречает других духов, хороших или злых, обычно тех, под чьим влиянием она находилась при жизни тела. Эта зависимость останется и теперь. Дальнейшая судьба и приговор Бога будут соответствовать внутренней склонности души».

Богослов И. М. Концевич пишет: «Земная жизнь коротка и исчезает совершенно перед бесконечной вечностью; но последняя всецело зависит от первой. Залог истинной жизни должен получить свое начало здесь, в месте смерти».

Бог вложил в человека стремление и волю к добру, а не ко злу; однако свобода человека не нарушается, и в земной жизни он сам выбирал свой путь и свою судьбу. В загробной жизни душа будет идти по той дороге, на которую она стала при выходе из тела. В Евангелии от Матфея (16, 26) сказано: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»

Отцы Церкви пишут, что душе открывается лишь то, чему она сама сродни и достойна. Став на дорогу, ведущую к добру или злу, душа сама в своей загробной жизни изменить этого уже не может.

Переступив порог, тот, кто был плоть,

убеждается теперь в существовании духовного мира. Он больше не боится смерти, и если во время своей земной жизни он томился о духовном мире, переход будет для него величайшей радостью.

Праведная душа будет испытывать блаженство. Ее состояние не будет пассивным созерцанием раскрывающихся тайн мироздания. Это будет не покой, а развитие и удовлетворение тех мечтаний и потребностей, к которым она стремилась в земной жизни. Близость к Богу, просветленный ум и близость друг к другу без какой-либо фальши, братская любовь и мир.

Люди, не верившие в Бога и перешедшие в загробный мир без раскаяния, познают наконец что Бог и духовный мир существуют. Они будут ждать своей окончательной судьбы с тревогой и мучительными сомнениями. У каждого из них, как и у всех умерших людей, будет своя индивидуальная загробная жизнь и своя окончательная судьба.

Архимандрит Серафим Роуз пишет, что предания всех народов – и просвещенных и самых грубых – говорят об ужасном состоянии грешников после смерти.

Архимандрит Пантелеимон тоже пишет о них. Перейдя в загробный мир, «все они ясно и в деталях увидят свои грехи на земле. Их будет мучить совесть, которая после смерти станет очень ясной. Их также будут мучить желания, к которым привыкла плоть во время земной жизни, так как удовлетворить их больше нельзя. Они не стремились к духовному, а теперь поздно; и их будет мучить отдаленность от Бога и близость злых духов».

Не у всех грешников одинаковая судьба. Грешные души тоже претерпевают развитие. Нераскаянные грешники и великие грешники станут неисправимо злыми. Их ждет вечное страдание. Другие грешные души получают надежду на милость Бога и жизнь вечную.

Протоиерей Сергей Булгаков пишет: «Сила Святого Духа в загробной жизни действует на всех – верующих и неверующих – кроме тех, кому духовное ожесточение мешает к загробному принятию Святого Духа».

Евангелист Марк приводит слова Самого

Иисуса Христа: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Марк 3, 28 – 29).

Душа умершего грешника сама изменить свой характер и помочь себе уже не может. Она не может делать добрых дел. Высшая жертва – «положить живот свой за други своя» – тоже для нее невозможна. Но остается надежда на милость Бога и на помощь извне – молитвы Церкви, молитвы за душу умершего его родных и близких.

Христианство учит, что в конце веков будет последний, или Страшный Суд. «Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Сво-

его с ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его» (Матфей 16, 27). Об этом же говорит притча о виноградаре: «...Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Иоанн 15, 1-2).

Евангелист Матфей приводит слова Иисуса Христа: «ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Матфей 13, 12).

Иисус Христос, не раз обращаясь к людям, говорил: «Имеющий уши да слышит». Но Господь человеколюбив и милостив. Иисус Христос говорил также: «И Я скажу вам: просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам; ибо всякий просящий получает...» (Лука 11, 9-10).

Эти фотографии были сделаны после того, как старец Иосиф Ватопедский (2009) и монахиня Ефросинья (2012) отошли в вечность.

Когда смотришь на них, на ум приходят лишь два слова «смерти нет».

А сердце при этом испытывает чувство радости и надежды...

Антон Павлович Чехов

Студент

Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело. Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой.

Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел всё время заливным лугом по тропинке. У него заоченели пальцы, и разгорелось от ветра лицо. Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно. Только на вдовьих огородах около реки светился огонь; далеко же кругом и там, где была деревня, версты за четыре, всё сплошь утопало в холодной вечерней мгле. Студент вспомнил, что, когда он уходил из дому, его мать, сидя в сених на полу, босая, чистила самовар, а отец лежал на печи и кашлял; по случаю страстной пятницы дома ничего не варили, и мучительно хотелось есть. И теперь,

пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета, – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой.

Огороды назывались вдовьими потому, что их содержали две вдовы, мать и дочь. Костер горел жарко, с треском, освещая далеко кругом вспаханную землю. Вдова Василиса, высокая, пухлая старуха в мужском полушубке, стояла возле и в раздумье глядела на огонь; ее дочь Лукерья, маленькая, рябая, с глуповатым лицом, сидела на земле и мыла котел и ложки. Очевидно, только что отужинали. Слышались мужские голоса; это здешние работники на реке поили лошадей.

– Вот вам и зима пришла назад, – сказал студент, подходя к костру. – Здравствуйте!

Василиса вздрогнула, но тотчас же узнала его и улыбнулась приветливо.

– Не узнала, Бог с тобой, – сказала она. – Богатым быть.

Поговорили. Василиса, женщина бывалая, служившая когда-то у господ в мамках, а потом няньках, выражалась деликатно,

и с лица ее всё время не сходила мягкая, степенная улыбка; дочь же ее Лукерья, деревенская баба, забитая мужем, только щурилась на студента и молчала, и выражение у нее было странное, как у глухонемой.

– Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, – сказал студент, протягивая к огню руки. – Значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Он посмотрел кругом на потемки, судорожно встряхнул головой и спросил:

– Небось, была на двенадцати евангелиях?

– Была, – ответила Василиса.

– Если помнишь, во время тайной вечери Петр сказал Иисусу: «С тобою я готов и в темницу, и на смерть». А господь ему на это: «Говорю тебе, Петр, не пропоет сегодня петел, то есть петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня». После вечери Иисус смертельно тосковал в саду и молился, а бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям. Его связанного вели к первосвященнику и били, а Петр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед... Он страстно, без памяти любил Иисуса, и теперь видел издали, как его били...

Лукерья оставила ложки и устремила неподвижный взгляд на студента.

– Пришли к первосвященнику, – продолжал он, – Иисуса стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь. Одна женщина, увидев его, сказала: «И этот был с Иисусом», то есть что и его, мол, нужно вести к допросу. И все работники, что находились около огня, должно быть, подозре-

тельно и сурово поглядели на него, потому что он смутился и сказал: «Я не знаю его». Немного погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников Иисуса и сказал: «И ты из них». Но он опять отрекся. И в третий раз кто-то обратился к нему: «Да не тебя ли сегодня я видел с ним в саду?» Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В Евангелии сказано: «И исшед вон, плакася горько». Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...

Студент вздохнул и задумался. Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль.

Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нем. Студент пожелал вдовам спокойной ночи и пошел дальше. И опять наступили потемки, и стали зябнуть руки. Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха.

Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...

Он оглянулся. Одинокий огонь спокойно мигал в темноте, и возле него уже не было видно людей. Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет тро-

гательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра.

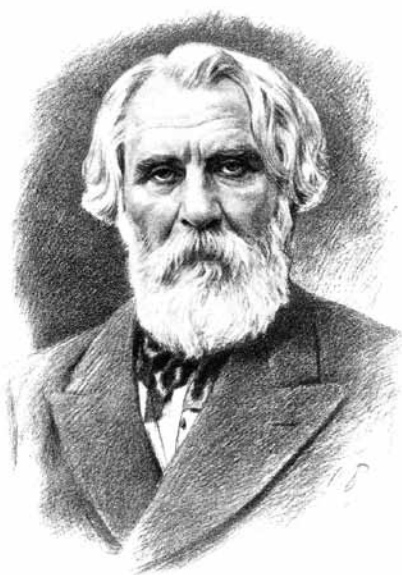
И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад,

где узкою полосой светила холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только 22 года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла.

Иван Сергеевич Тургенев

Стихотворения в прозе

Нищий

Я проходил по улице... меня остановил нищий, дряхлый старик.

Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны... О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!

Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи.

Я стал шарить у себя во всех карманах... Ни кошелька, ни часов, ни даже платка... Я ничего не взял с собою.

А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку...

– Не взыщи, брат; нет у меня ничего, брат.

Нищий уставил на меня свои воспаленные глаза; его синие губы усмехнулись – и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.

– Что же, брат, – прошамкал он, – и на том спасибо. Это тоже подаяние, брат.

Я понял, что и я получил подаяние от моего брата.

Февраль, 1878

Два богача

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

– Возьмем мы Катьку, – говорила баба, – последние наши гроши на нее пойдут, – не на что будет соли добыть, похлебку посолить.

– А мы ее... и не соленую, – ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Июль, 1878

Маша

Проживая – много лет тому назад – в Петербурге, я, всякий раз как мне случилось нанимать извозчика, вступал с ним в беседу.

Особенно любил я беседовать с ночными извозчиками, бедными подгородными крестьянами, прибывавшими в столицу с окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой – в надежде и самим прокормиться, и собрать на оброк господам.

Вот однажды нанял я такого извозчика... Парень лет двадцати, рослый, статный, молодец молодцом; глаза голубые, щеки румяные; русые волосы вьются колечками из-под надвинутой на самые брови заплатанной шапони. И как только налез этот рваный армячишко на эти богатырские плеча!

Однако красивое безбородое лицо извозчика казалось печальным и хмурым.

Разговорился я с ним. И в голосе его слышалась печаль.

– Что, брат? – спросил я его. – Отчего ты не весел? Али горе есть какое?

Парень не тотчас отвечал мне.

– Есть, барин, есть, – промолвил он наконец. – Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

– Ты ее любил... жену-то свою?

Парень не обернулся ко мне; только голову наклонил немного.

– Любил, барин. Восьмой месяц пошел... а не могу забыть. Гложет мне сердце... да и ну! И с чего ей было помирать-то? Молодая! Здоровая!.. В один день холера порешила.

– И добрая она была у тебя?

– Ах, барин! – тяжело вздохнул бедняк. – И как же дружно мы жили с ней! Без меня скончалась. Я какузнал здесь, что ее, значит, уже похоронили, – сейчас в деревню поспешил, домой. Приехал – а уж за полночь стало. Вошел я к себе в избу, остановился посередке и говорю так-то тихохонько: «Маша! а Маша!» Только сверчок трещит. Заплакал я тутотка, сел на избяной пол – да ладонью по земле как хлопну! «Ненасытная, говорю, утроба!.. Сожрала ты ее... сожри ж и меня! Ах, Маша!»

– Маша! – прибавил он внезапно упавшим голосом. И, не выпуская из рук веревочных вожжей, он выдавил рукавицей из глаз слезу, стряхнул ее, сбросил в сторону, повел плечами – и уж больше не произнес ни слова.

Слезая с саней, я дал ему лишний пятиалтынный. Он поклонился мне низехонько, взявшись обеими руками за шапку, – и поплелся шажком по снежной скатерти пустынной улицы, залитой седым туманом январского мороза.

Апрель, 1878

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой – и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и

охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса – и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрель, 1878

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчая-

ние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Июнь, 1882

В. А. Никифоров-Волгин

Солнце играет

Борьба с пасхальной заутреней была задумана на широкую ногу. В течение всей страстной недели на видных и оживленных местах города красовались яркие саженные плакаты:

Комсомольская заутреня!

Ровно с 12 часов ночи.

Новейшая комедия Антона Изюмова

«Христос во фраке».

В главной роли артист Московского театра

Александр Ростовцев.

Бездна хохота. Каскады остроумия.

До начала спектакля по всем улицам города прошел духовой оркестр для зазыва публики. Впереди оркестра ражий детина в священнической ризе и камилавке нес наподобие церковной хоругви плакат с изображением Христа в цилиндре. По бокам шли комсомольцы с факелами. Город вздрагивал. К театру шла толпа. Над входом горели красными огнями электрические буквы «Христос во фраке». На всю широкую театральную площадь грохотало радио, — из Москвы передавали лекцию «о гнусной роли христианства в истории народов».

По окончании лекции на ступеньках подъезда выстроился хор комсомольцев. Под звуки бубенчатых баянов хор грянул плясовую:

Мне в молитве мало проку,

Не горит моя свеча.

Не хочу Ильи-пророка,

Дайте лампу Ильича!

Толпа заурчала, взвизгнула, раскатилась хохотом, подбоченилась, оскалилась, хайнула бродяжным лесным рыком:

Три старушки-побирушки,

Два тухлявых старика.

Пусто-пусто в церковушке,

Не сберешь и пятака.

— Шибче! Прибавь ходу! Позабористей!

Ах, яичко мое, да не расколото,

Много Божьей ерунды нам напорото!

– Сла-а-бо! Го-о-рь-ко!

– Про Богородицу спойте!.. Про Богородицу!

В это время из маленькой церкви, стоящей неподалеку от театра, вышел пасхальный крестный ход. Там было темно. Людей не видно, — одни лишь свечи, тихо идущие по воздуху, и поющие далеким родниковым всплеском:

«Воскресение Твое Христе Спасе, ангели поют на небеси».

Завидев крестный ход, хор комсомольцев еще пуще разошелся, пустив вприскачку, с гиканьем и свистом:

Эх ты, яблочко, катись,

Ведь дорога скользкая.

Подкузьмила всех святых

Пасха комсомольская.

Пасхальные свечи остановились у церковных врат и запели:

– Христос воскрес из мертвых...

Большой театральный зал был переполнен.

Первое действие изображало алтарь. На декоративном престоле — бутылки с вином, графины с настойками, закуска. У престола, на высоких ресторанных табуретах сидели священники в полном облачении и чокались церковными чашами. Артист, облаченный в дьяконский стихарь, играл на гармонии. На полу сидели монашки, перекидываясь в карты. Зал раздирался от хохота. Кому-то из зрителей стало дурно. Его выводили из зала, а он урчал по-звериному и, подхихикивая, кивал на сцену, с лицом искаженным и белым. Это еще больше рассмешило публику.

В антракте говорили:

– Это цветочки... ягодки впереди! Вот погодите... во втором действии выйдет Ростовцев, так все помешаемся от хохота!

Во втором действии, под вихри иступленных оваций, на сцену вышел знаменитый Александр Ростовцев.

Он был в длинном белом хитоне, мастерски загримированный под Христа. Он нес в руках золотое Евангелие.

По ходу пьесы артист должен был прочесть из этой книги два евангельских стиха из заповедей блаженства. Медлительно и священнодейственно он подошел к аналою, положил Евангелие и густым волновым голосом произнес:

– Вонмем!

В зале стало тихо.

Ростовцев начал читать:

– «Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное... Блаженны плачущие, ибо они утешатся»...

Здесь нужно было остановиться. Здесь нужно было произнести обличительный и страшный по своему кощунству монолог, заключив его словами:

– Подайте мне фрак и цилиндр!

Но этого не последовало. Ростовцев неожиданно замолчал. Молчание становилось до того продолжительным, что артисту начинают шикать из-за кулис, махать рука-

ми, подсказывая слова, но он стоит, словно в лунном оцепенении, и ничего не слышит.

Наконец он вздрагивает и с каким-то испугом смотрит на раскрытое Евангелие. Руки его нервно теребят хитон. По лицу проходят судороги. Он опускает глаза в книгу вначале шепотом, а потом все громче и громче начинает читать дальше:

– «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут...»

Власть ли его чудесного голоса, обаяние ли артистического его имени, ночная ли тоска по этим гонимым и оплеванным словам Нагорной проповеди, образ ли живого Христа встал перед глазами, вызванный кощунственным перевоплощением артиста, – но в театре стояла такая тишина, что слышно было, как звенела она комариным жужжанием.

И в эту тишину шли, как пасхальные свечи вокруг церкви, слова Христа:

– «Вы свет мира. Любите врагов ваших. и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...»

Ростовцев прочитал всю главу, и никто в зале не пошевелинулся. За кулисами топали взволнованные быстрые шаги и раздавался громкий шепот. Там уверяли, что артист шутит, это его излюбленный прием, и сейчас, мол, он ударит в темя публики таким «коленцем», что все превратится в веселый и пляшущий дым!

Но на сцене произошло еще более неожиданное, заставившее впоследствии говорить почти всю Советскую страну.

Ростовцев перекрестился четким медленным крестом и произнес:

– «Помяни мя, Господи, егда приидиши во Царствие Твое!...»

Он еще чего-то хотел сказать, но в это время опустили занавес.

Через несколько минут публике объявили:

– По причине неожиданной болезни товарища Ростовцева сегодняшний наш спектакль не состоится.

Наталья Дроздова,

*член Союза писателей
и Союза журналистов России
г. Белгород.*

Перед иконой святителя Николая

Без любви – как без родины –
и беспутье, и страх.
Безотцовщина, бродим мы
одиноким впотьмах
всё путями окольными...
Как друг друга найти –
ты нас, отче Николае,
научи, просвети.

В мире так бесприютно нам.
А привычкой к грехам,
словно сетью, опутаны
по рукам и ногам.
Я стою пред иконою,
слёзы льются из глаз.
Чудотворче Николае,
моли Бога о нас.

Оживи меня, сонную,
Страх и ложь обнажи,
к своему хлебосольному
дому путь укажи.
Под твоею рукою мне,
верю, будет светлей.
Милосердный Николае
пожури, пожалей.

Всходит солнышко ясное,
и кончается ночь.
Темнота безобразная
прогоняется прочь.
Звон летит с колоколенки
по просторам полей –
ты ли, отче Николае,
ищешь блудных детей...

В Монастырский лес

Держи меня, трава. Я вниз по косогору
иду к живой воде – к святому роднику.
Пропойте, птицы, мне –
бесстрашно, громко, хором –
всё то, о чём себе сказать я не могу.

Проникни, боль, до дна, до самой до глубинки
души, что замерла, но всё ж таки жива.
Мне б только отыскать любимые тропинки,
мне б только не упасть... Держи меня, трава!

Не хмурься, старый лес, и не гуди тревожно,
навстречу протяни приветливую ветвь.
Мне так с тобой легко,
как будто Царство Божье
уж близко, где-то здесь –
мне б только разглядеть.

В этом доме большом я одна,
над псалтирю, в слезах умиления.
И летят на мой свет имена,
словно птицы в родные селенья,
напрямик, мимо сонных могил,
сквозь ненастья и годы лихие:
Алексей, Николай, Даниил,
Нина, Анна, Григорий, София,
Фёдор, Павел, Наталья, Мария,
Александр, Иоанн, Михаил...

Все, кто был и кому ещё быть –
сёстры, братья, племянники, внуки.
Заповедано мне их любить
до конца, до последней разлуки.
И теку по течению я
строгим руслом Давидовой речи.
И за мною вся наша семья.
И страна. И весь род человеческий.

Бабушке

Ни рук, ни губ твоих не знаю.
С тобой в разлуке я жила.
И всё ж мы встретились, родная!
Я в Божий храм к тебе пришла.

Вслед за тобою к Чаше жизни
в слезах пришла и говорю
тебе - молитвенной отчизне:
«Благодарю, благодарю!»

За неустанный плач. За муки.
И кто б кого ни хоронил,
но нету никакой разлуки –
нас Сам Христос соединил.

В твои святые именины
я ставлю рядом две свечи.
Страдалица Екатерина,
меня терпенью научи.

Татьяна Дашкевич

*член союза писателей России,
член союза писателей Белоруссии*

Сердце Родины

Слышу, бьется колокола сила,
Все стоят, дыхание затая,
Это – сердце матушки России
Бьется, бьется, аж дрожит земля.

То больным, то бешеным неймется,
Сеют сор и пашут сорняки,
Но здоровый колокол всё бьется,
Войнам всем и слухам вопреки.

Как труха, осыпятся личины,
Женщины опять начнут рожать,
На врага поднимутся мужчины:
Сколько ж можно пить, болеть и ждать?

Крови мирро пашня источает,
Русской крови, пролитой в веках,
Дух Господень колокол качает,
Прочно укрепленный в облаках.

Вот удар – и новой крови токи,
Вот удар – и новых душ восторг,
Вот удар – и всходит на востоке,
Русской Пасхи солнечный цветок!

1-й псалом

Блажен тот муж среди людей,
Что избежал дурной неволи
Безумной праздности застолий
И темных сговоров сетей.

Иной к друзьям пойти не прочь,
Сыграть в рулетку наудачу,
Продать отца и мать в придачу...
Блажен, кто с Богом день и ночь.

Он, словно дерево у вод,
Взрастит ко времени свой плод.
Живой водою напоенный.
Силен он, духом обновлённый,
Господь пути его ведет.
А нечестивый – упадет.

41-й псалом

Вот олень на источник стремится,
Неспокойный от жажды огня,
Так душа моя, райская птица,
Плачет: «Бог, не остави меня!»
К Богу крепкому, Богу живому
Как найти мне дорогу впотьмах?
Что ответить мне слову пустому:
«Где твой Бог, на каких небесах?!...»
У врагов нет законов и правил,

Знаю, кости мои сокрушат...
Знаю, Бог, ты меня не оставил!
Пусть враги говорят, что хотят!

День и ночь мне псалмы вместо хлеба.
Бог мой, жизнь и надежда моя!
Я отдам свою душу за небо,
Весь я Твой – не остави меня!

Родовое древо

В этих ветках зеленых –
И плоды, и цветы...
Много юных, влюбленных
Лиц увидишь здесь ты,
Узловатые руки
И глаза стариков,
И далёкие звуки
Из далёких веков...
Были лета и зимы,
Были вьюги разлук.
Только мы – неведимы,
Брат мой кровный и друг.

Мы – зеленые ветки,
С нами – кровный наш ствол,
Что молитвами предков
Над веками взошел!
К образам – полотенце
Деда вышила мать...
Вам, родные младенцы,
Вам его принимать!
И в минуты сомнений
Есть укрытие, есть:
Древо всех поколений,
Вера в Бога и честь.

Тамара ДЬЯКОВА,

доктор культурологии,

профессор Воронежского Государственного Университета

Возвращение к свету

«Возвращение к свету» для трёх авторов совместного проекта художников Александра и Ирины Ворошилиных и протоиерея

Николая Германского – это осознанный и давно сформировавшийся принцип жизни и творчества. За ним поиск ответов на самые важные вопросы бытия, без которых теряет смысл наш приход в мир.

Рождение человека называют появлением на свет. За этой привычной фразой – выход из материнского лона в пространство зримых вещей. С первого мгновения, ещё не понимая окружающего, мы уже воспринимаем свет. Он заставляет нас видеть, различать, сравнивать, всматриваться, жадно поглощать всё новые и новые образы реальности. И в этом безудержном растрачивании внимания на внешних приметах действительности нам становится всё трудней и трудней сосредоточить свет внутри себя. Прозреть в потоке суетных забот каждодневья – задача не одного дня, наполнить своё существование внутренним светом – цель всей жизни.

Пейзажи Александра Ворошилина всегда наполнены ярким и волнующим колоритом, предельно живописны, в них узнаваема жизнь, особое природное состояние и эмоциональное настроение. Во все его пейзажи вторгается активное световое начало, которое выступает символическим воплощением ответа человека перед Небом. Композиционно это подчёркивается вертикальной устремлённостью златоглавых храмов и колоколен, деревьев, вытягивающихся поминальными свечами вверх, лабиринтом дороги, обозначающей перспективу растворения в небесной бесконечности. И именно свет задаёт особый драматизм человеческого существования: то он предстаёт театром противостояния света и

мрака в закатном небе Переславля, то высвечивает таинственный и печальный маяк в плавании по реке жизни в «Поздней осени».

Пейзажи Ирины Ворошилиной, представленные в этом собрании, камерны. Но Свет живёт и в этих работах. Его природа иная. Он – продолжение внутреннего тепла и душевной гармонии человека, как например, в триптихе «Цветы и травы лета». Светлым, приподнятым настроением человека наполнены все пейзажные образы в картинах художницы.

Согласие между человеком и природой для протоиерея Николая Германского выступает знаком естественного порядка вещей. Бессловесная природа из своих глубин вызывает к каждому из нас: «Человек! Что с тобой произошло? Почему ты бежишь от себя? Почему не прислушиваешься к тихому и кроткому голосу, который временами звучит в глубине твоего сердца и зовёт тебя к Свету?». Эти слова приводят к согласию все точки зрения, все индивидуальные устремления: Свет как высшее начало жизни определяет и драматургию человеческого существования, и развязку конфликтов, и душевное равновесие.

Восприятие Света как воплощения божественного начала определяет весь круг тем данной экспозиции. Это тема старости и одиночества, тема времени, неуклонно ведущего к финальной развязке жизни, тема поиска истины и ответа, который должен будет держать каждый, оказавшись на пороге вечности.

Венчают художественный строй выставки образы ангелов, разглядеть которых можно каждому из нас только в потоке чистого и исцеляющего божественного Света. Ангелы, хранящие ключи от нашего покоя и благополучия, ангелы, без усталости парящие над городом, ангелы, оберегающие тёплый уют наших домов в Рождественскую ночь... Чтобы их увидеть, надо лишь открыть своё сердце Свету.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сын блудный, обрати к Востоку взгляд, —
Ты видишь? Тихий Свет оттуда льется,
Как никогда, тревожно сердце бьется,
Там ждет тебя Отец у Райских врат.
Готов Он все грехи тебе простить,
Лишь прошепчи: «Пред Небом и Тобою,
Отец, вины отчаянной не скрою,
И волен Ты казнить иль отпустить».

Но что за чудо! Он не жаждет слов,
Лишь зрит перед Собою возвращенье
Родного сына под родимый кров —
Уж таково любви предназначенье.

2010

Слава Творцу, показавшему нам Свет!

Слава Творцу, показавшему нам Свет!
Горе нам, грешным, утеравшим страх!
Жизнь обратившим в срам и смех,
Сделавшим все, чтоб приблизить крах.
Вот же Она, Любовь, посмотри!
Рядом с нами и в стужу и в зной,
В шелесте листьев и вздохе зари,
Все и всегда покрывает С собой.

Что же мешает тебе, человек,
Остановить в пустоту свой бег,
Светлым сделать земной свой век,
Вырвав с корнем из сердца грех.
Вот же Она, Любовь, посмотри!
В детских глазах и свежей росе,
В шелесте листьев и вздохе зари,
Хватит Ее на всех.

Пятое Евангелие

Родные просторы... сколько ни смотрю на вас, никак не могу наглядеться. Казалось бы, нет в вас ничего выдающегося или сверхъестественного: обычное голубое небо с ватными облаками, обычные поля и перелески, обычные полевые цветы и обычная озерная гладь. Но если присмотреться чуть повнимательнее, то небо становится пронзительно голубым и бездонным, а облака живыми, перелески и поля смиренно приветствуют тебя, обласкивая тихим пшеничным шепотом, полевое разнотравье и разноцветье обдает тонкими, почти неземными запахами, а озерная гладь ставит последнюю точку, вполне успокаивая твой воспаленный рассудок. Вот Оно, пятое Евангелие с русским оттенком, Которое дышит Вечностью. И тот, кто чувствует Его свежее дыхание, недалек от Бога.

Веселая тропинка

Ступают ножки по узенькой дорожке. А на душе так легко, так радостно! И чего же замечательного в этой веселой тропинке, и куда она ведет?

К храму Божьему, к храму. Туда, где душе спокойно, где слышны звуки вечной жизни, где хочется плакать и радоваться и где можно высказаться до конца...

Благодарю Тебя, Господи, за эту благословенную тропинку.

Ах, душа ты моя распрекрасная...

Ах, душа ты моя распрекрасная!
Высь небесная — дом твой родной;
Верю, Господи, что не напрасно я
Одарен был такою судьбой.

Дай мне, Боженька, силы сильные,
Да не сгину в крошечной тьме,
Покаянные и обильные

Даруй, Боженька, слезы мне!
Да возрадуюсь вместе с роднею,
Вместе с нею возвеселюсь,
Благодарную душу раскрою
И спою про любимую Русь.
Ах, душа ты моя, Русь прекрасная!
Высь небесная — дом твой родной;
Верю, Господи, что не напрасно я
Одарен был такою судьбой.

Красота

О Господи, Премудрый и Всесильный,
Я без Тебя своих не мыслю дней,
На грешную главу Свой свет обильно,
Отчаянно прошу Тебя, пролей.
Ты в душу мою грешную Крестом
Войди и оставайся там навечно;
И укажи мне путь Своим перстом,
Чтобы не брел по жизни я беспечно.

Мой тяжкий грех, всю душу истерзавший,
Любовию Своею раствори.
О, Боже, «Аз есмь Истина» сказавший,
Мне двери покаянья отвори.
И в мире сем безверия и страха,
Обмана и бесплодной суеты
Не даждь познать безжизненного праха,
Но даждь коснуться умной Красоты.

РАЗНЫЕ СЛЕЗЫ

Ехал я как-то по дороге и увидел на обочине троих, и все они сильно плакали. И лишь подъехав поближе, я разглядел, что один плакал от боли, второй — от обиды, а третий — от радости. «Непростая штука жизнь», — подумал я и поехал дальше.

Лукавый мир

Ехал я как-то по дороге и вдруг увидел вокруг себя мир, погрязший в лукавстве. И я спросил его: «Мир, а почему ты такой?» И он ответил мне: «Я такой потому, что я – это ты». Услышав такие слова, я горько заплакал и поехал дальше.

Воробей

Ехал я как-то по дороге, и вдруг ни с того ни с сего зазевавшийся воробей со всего размаху шмякнулся о стекло. Не знаю, остался он жив или помер, но подумалось мне тогда, что вот также и человек порой не знает, куда несется сломя голову, а потом бах, и...

До слез жалко воробья! А уж как человека жалко!

1974

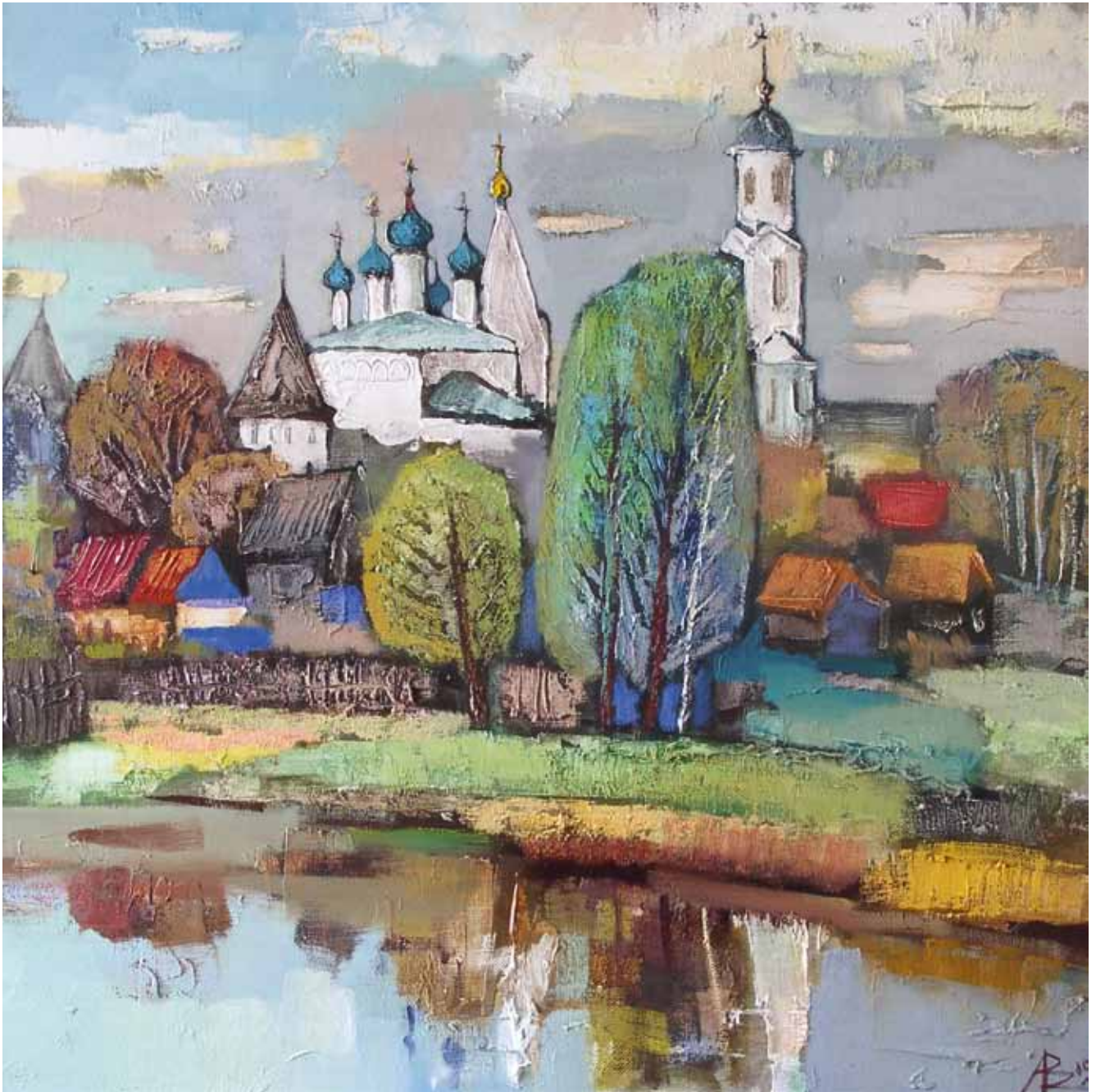

Осенний дух вокруг играет...

Осенний дух вокруг играет,
Душа ликует и летит,
А воздух в теле словно тает,
И сердце с Небом говорит.
Тропа лесная змейкой вьется,
Шуршит осеннею листвою,
Вдали тоскливо раздаётся
То ль скорбный плач, то ль волчий вой.
Прошу ответа и не знаю,
Где путь мне верный отыскать.
И вновь стою у жизни края,
Пытаясь суть ее понять.
Вот воздух мысли обнимает,
И разморенный, в листьях я
С осенним духом засыпаю,
А вслед за мной и грусть моя.

РУССКИЕ СЛЕЗЫ

Ехал я как-то по дороге и поглядывал то налево, то направо. Вот промелькнул на обочине грустный памятник, вот маленькая, словно игрушечная, церковка на холме ласково улыбнулась мне, вот старый пес с ободранным хвостом побежал за мной из последних сил, облаивая хриплым и совсем не злым голосом, вот торжественное в своей неотмирности кладбище проводило меня тихим вздохом. И подумалось мне почему-то в тот момент, что ни в какой другой стране не пролилось столько слез, сколько в России.

Вдруг пришла и другая мысль: «А ведь и моя слезинка упала на родную землю». И вошла в сердце теплота, и поехал я дальше.

Горе маленького человека

— О чем ты плачешь, маленький?

По обеим щекам вперемешку с грязью слезы, обильные и искренние.

— А-а-они-и... котё-о-ноч-ка-а... утопи-или-и... — И снова слезы, размазанная по всему лицу крошечными кулачками грязь и детское, мало кому понятное, горе.

Бедняжка! Если б он знал, скольких котят в этот день утопили, скольких собачек выгнали из дому, скольких его сверстников, трехлетних сорванцов, отшлепали грубыми взрослыми руками, его маленькое доброе сердце не выдержало бы и разорвалось от жалости и сострадания.

7 июля 1981

Герои и предатели

Ехал я как-то по дороге и вспомнил про наших героев, которые во все времена отдавали свои жизни за Родину, и, словно белоснежные лебеди, взмывали в Небеса их Души. И подумалось мне вдруг о том, что были и те, у которых не хватило сил для подвига. И предали они своих близких. А потом все равно умерли и не смогли уподобиться своим великим братьям, хотя и жили рядом с ними и дышали одним и тем же воздухом.

И так жалко мне стало этих несчастных, что я горько заплакал и поехал дальше.

Хрупкие, но непоколебимые

*«Горе мне, если не благовествую»
1 Кор. 9,16*

Пастырь не может не проповедовать. Добрый же проповедник должен владеть словом не хуже хорошего писателя или поэта. Пусть это слово будет не столь искусным, но правдой своей оно должно доставать до сердца.

Служение через слово может стать пророческим, если посвящается подлинным Правде и Красоте и исходит из очищенного сердца. А сердце настоящего пастыря, равно как и настоящего писателя и поэта, широко открыто миру с его болью и страданием, с его пороками и соблазнами. Они первыми принимают на себя удары тьмы, ибо никто и ничто ей так не досаждают, как Красота и Правда, певцами Которой являются эти, казалось бы хрупкие, но в тоже время непоколебимые люди.

P.S. Каждый человек должен сказать свое слово. Потому что в каждом живет священник и поэт.

Про академика

Ехал я как-то по дороге и вспомнил одного академика, который так много знал, что мог ответить почти на любой вопрос. Но вот однажды его спросили: верует ли он в Бога? Замешкавшись, он ответил: «Бога выдумал человек». И мне почему-то подумалось, что одним этим пустым ответом он словно перечеркнул всю свою вроде бы и не пустую жизнь, и я снова подумал: «Как, должно быть, непросто быть академиком».

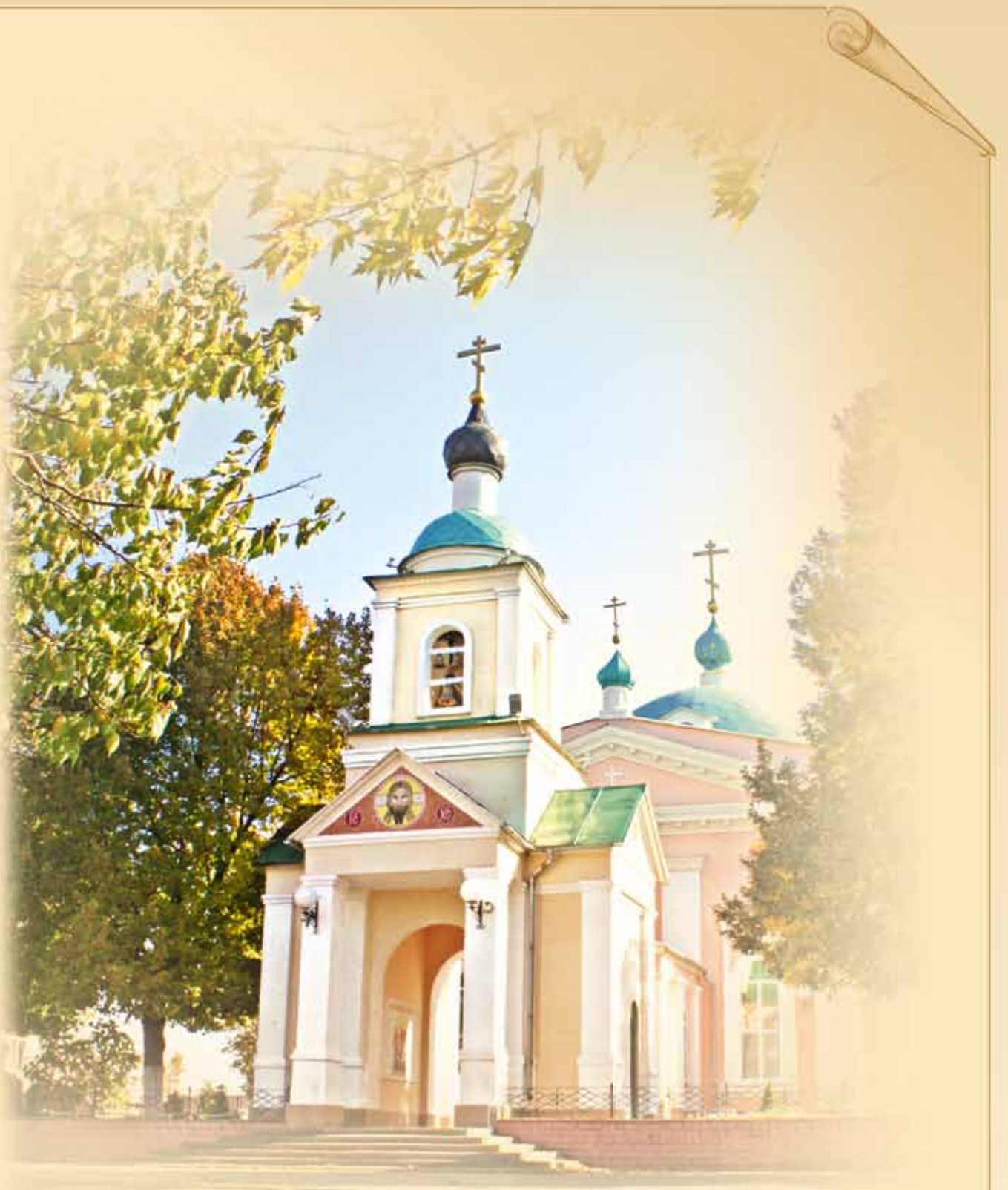
Боль в сердце

Каждый раз иду в школу, словно на Голгофу. И вовсе не потому, что нечего сказать детям. Просто знаю, что они гораздо чище. Поэтому боюсь нечаянно обидеть или обмануть...

Сегодня встреча с «пятиклашками». «Дети, поднимите руку, кто по-настоящему верит в то, что у человека есть душа», — спрашиваю их. Почти все дружно тянут руки вверх. «Хорошо. Вот вы встретили человека, который не разделяет вашу веру. Какие доводы вы приведете в свою защиту?»

Живая милая девчушка с веселым бантиком на голове тянет руку: «Батюшка, а вот когда человека после смерти взвесили, то оказалось, что он потерял несколько граммов». Вторая девчонка радостно сообщает всем нам, что «на некоторых фотографиях заметили, что от человека исходит сияние. Наверное, это и есть душа». «Неплохо, очень неплохо, но это научный подход. Может быть, кто-то из вас приведет более глубокий и убедительный пример?» Мальчик с задумчивым и несколько грустным взглядом поднимает руку и спокойно произносит всего два слова, которые сражают меня наповал: «Батюшка! Боль в сердце...»

Несколько мгновений стою молча и думаю: «Когда же ты, дорогой мой человек, успел приобрести такой бесценный жизненный опыт? Опыт сердечной боли».

*Блаженна ты, Церковь верных, ибо Царь царей утвердил в тебе
Свое жилище. Твои основания никогда не поколеблются, ибо
Господь – страж твой, и врата ада не одолеют тебя, и хищные
волки не могут сокрушить или ослабить твоей крепости. О как
велик ты, дом Божий! Как ты прекрасен!*

— • — Преподобный Ефрем Сирин — • —

Возвращение

Духовно-просветительский альманах

*«Назначение русского человека есть бесспорно
всеевропейское и всемирное.*

*Стать настоящим русским, стать вполне русским,
может быть, и значит только стать братом всех людей,
всечеловеком, если хотите.*

О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!

*И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы,
а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого,
что стать настоящим русским и будет именно значить:
стремиться внести примирение в европейские противоречия
уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей
русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее
с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов,
может быть, и изречь окончательное слово великой, общей
гармонии, братского окончательного согласия всех племен по
Христову евангельскому закону!»*

Ф.М. Достоевский